

MAGIC WORLD

ОКСАНА ГЛАЗНЕВА

ЧЕРНАЯ
ЦАРЕВНА

— Люди и боги —

Annotation

В Яблонево́м Крае живут и люди, и боги. Давно вымерли чародеи, и лишь боги помогают людям управлять железными машинами и освещать дома, защищают от морских чудовищ и не позволяют умереть от голода. Царевна Надежда — последняя живая чародейка. От рождения она обещана богу-мертвецу, оттого и не погибла во младенчестве. Шестнадцать лет ее держат в башне, защищая от мира, и мир от нее. Весь Яблоневый Край считает ее живым проклятием и предвестницей конца света. И пусть девушке предсказано вернуть память, свет и тени тем, кто их потерял, никто в мире не ждет от нее добра. Так кто она? Встретившись лицом к лицу с ненавистью и страхом людей, с подлостью богов, кем станет? Проклятием или последней надеждой?

- [Оксана Глазнева](#)
 -
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Часть 3](#)
-

Оксана Глазнева ЧЕРНАЯ ЦАРЕВНА

Часть 1

*Я только девочка.
Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду — волк,
И помнить: я — овца.*

*Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.*

*В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, — молчу.
Ах, если бы и мне,*

*Взглянув на звезды, знать, что там
И мне звезда зажглась,
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!*

Марина Цветаева

Жолтень еще не закончился, но в Северной Варте потускнели листья, а воздух наполнился звенящей чистотой и запахом близкого снега. Всю неделю шли дожди: холодные, серые, долгие. Вода текла по черепице крыш и позолоченным куполам храмов, облизывала каменную кладку дворовых стен, затапливала пустые цеха заводов, превращала единственный городской сад в болото. Вода засоряла стоки, била родниками-обманками, подхватывала опавшие листья, обрывки газет и конский навоз, несла вниз по улицам. Спешила. Мимо магазинов и лавок, через Базарную площадь, под стенами-акведуками Серединного города в Окольник и дальше — мимо барачных для рабочих, мимо притонов и игорных домов к окружной стене, спешила нырнуть в желоба, стать грязными водопадами в глиняный карьер и в огороды.

За ночь город сковывало морозом, и поутру, выбеленная первым инеем, Северная Варта была почти хороша. Но к обеду иней вновь превращался в воду и город погружался в грязь.

Мирослав Третий Проклятый снял позолоченные очки, потер переносицу и поднялся из-за стола. Портьеры были раздвинуты, чтобы впустить в кабинет остатки дневного света. Царь оправил фрак и манжеты рубашки и подошел к окну.

Каминные часы пробили два часа пополудни. На подоконнике собралась лужица воды. Мирослав растер ее, встряхнул рукой и посмотрел в окно.

Вот оно, его царство: от стен дворца до внешней городской стены. Город-крепость. Город-государство. Царский двор на месте старого форта. Серединный город, обросший новыми этажами, втиснутый в узкие улицы, как панночка в платье не по размеру. И Нижний город — он же Окольник — место, где не живут, а выживают.

Триста лет назад Северная Варта была временным поселением беглецов. В долине шла Вторая Чародейская война. Люди поднялись в горы, чтобы переждать битву, перевязать раны, спрятать детей и женщин. Неделя шла за неделей, но сражения в долине не утихали. Чародеи жгли леса и испаряли реки, превращали города в пыль, а людей — в птиц. Беглецы остались в лагере. Лагерь стал поселением, поселение — деревней, деревня — городом. Северная Варта поползла по склону, как пена с закипающего молока. Из долины приходили новые беглецы, население росло, люди разрабатывали гору, добывали медную руду. Поля битв оцетинились лесами, покрылись болотами, а жители Варты уже не думали возвращаться назад.

Мирослав перевел взгляд на запад.

Над заводскими бараками Окольника поднимаются трубы мертвых заводов. Освещает пустые цеха кровь солнечного бога. Дыхание бога-кузнеца наполняет легкие машин. Краснеют от жара печи, готовые пожирать руду, но людям нечего дать им. Руда в горе иссякла три месяца назад, и люди не в силах это исправить.

В Яблонево Крае правят боги. Ина и Ян создали Край из зерна Великой Яблони. Подняли с океанского дна континенты, заселили их животными, птицами и людьми. Управлять новым миром оставили своих детей, богов-сиблингов: Ярока-солнце, Марину-море, Марка-кузнеца, Лешего-лес, Мокошь-судьбу и Анку-смерть. В помощь людям лучших и благороднейших из смертных наделили даром чародейства. А затем демиурги ушли создавать новые миры, оставив несовершенных детей

одних.

За следующую тысячу лет чародейские войны почти уничтожили Яблонево́й Край. Ушли под воду континенты, рассыпались в пыль горы, озера стали морями, моря превратились в пустыни, перемешались народы, провалилось в Царство Мертвых южное полушарие. Мир разваливался на части, но тут вмешались боги.

Они сплели паутину канатных дорог, соединив лесные города с Побережьем. Леший накрыл изувеченную землю лесом, спрятал шрамы. Ярк дал кровь, чтобы осветить города. Марк-кузнец — дыхание, чтобы вдохнуть жизнь в железные машины. Люди снова строили города и не боялись рожать детей, но...

Боги дают, они же отбирают. Лесные города, пойманные в ловушку собственных стен, выживали, лишь добывая металлы и производя железные машины. Их обменивали у городов Побережья на зерно, овощи, фрукты, бумагу, ткани и тысячи других нужных вещей. Без руды Северной Варте нечего предложить Побережью. И вот горят в храме Марка-кузнеца дорогие свечи из южного воска, гниют на алтарях фрукты, но бог молчит.

Мирослав потерял глаза и вышел из кабинета.

Ветер гнал с севера тяжелые, беременные дождем облака. На каретном дворе его встречал особый отряд гвардейского корпуса. Генерал-лейтенант Хилькевич отдал честь и открыл дверцу кареты. Мирослав, не глядя по сторонам, запрыгнул в подготовленный экипаж. Дверь за ним закрыли, и царь плотно задернул шторы. Карета тронулась.

Было два часа пополудни, но за плотными шторами в карете сгустился полумрак. Мирослав начал засыпать, когда они наконец остановились.

Башня возвышалась над городом, как черная свеча на алтаре. Никто уже и не помнил, откуда взяли этот известняк в их части Яблоневого Края. Камень обладал редким даром сдерживать колдовство, отчего ходили легенды, что башню выстроили первые боги. Здесь Мирослав хранил чародейские книги. А еще здесь жила Надежда, старшая дочь, которую горожане шепотом называли Проклятой...

Семнадцать лет назад царица обещала своего первенца богу-мертвецу в обмен на услугу. Девочка родилась раньше срока, и никто не ожидал, что она выживет. Во дворец не звали жрецов, не трубили в трубы, не устраивали фейерверков.

Прошел день. Прошла ночь.

Пришлось звать кормилицу, потому что девочка кричала, держалась за жизнь, а бог так и не явился. Мирослав приказал забрать ребенка в Черную башню, подальше от жены, которую детский плач сводил с ума.

Прошла неделя. Еще одна. Закончился месяц.

Город делал вид, что ничего не произошло. Царевна крепла и умирать не собиралась. Тогда Мирослав набрался смелости взглянуть в глаза дочери. Взглянул и полюбил ее так, как не любил больше никого в этом мире.

Прошел год.

Царевна Надежда жила в башне, окруженная молчанием горожан и ожиданием скорой смерти. Царица ждала второго ребенка и постаралась вычеркнуть из памяти первого. Втайне от жены Мирослав позвал в Черную башню жриц Мокоши-судьбы. Они предрекли, что царевна вырастет красивой и доброй, а еще сказали, что Наденька станет чародейкой.

Три века назад чародеи почти уничтожили Яблоневый Край, а затем погибли сами. Болезнь пришла с севера, ее принесли птицы и ветер. В один год она поразила всех, в ком была хоть капля колдовства: женщин, мужчин, стариков и младенцев. Жрицы Мокоши говорили, что люди с чародейской кровью продолжают рождаться и поныне, но никто из них не доживает до года. К Надежде, обещанной богу-мертвецу, смерть не спешила. Через четыре месяца царевне исполнится семнадцать лет.

С каждым годом истории о Черной царевне обрастали все новыми подробностями. Мирослав старался защитить дочь от слухов, но они просачивались даже сквозь стены неприступной башни. Говорили, что ребенок принесет смерть всему живому; что она станет человеком-сосудом для мора и чумы; что подчинит себе весь Край, выжжет его, как чародеи прошлого; что уничтожит Серую Завесу, отделяющую Царство Мертвых от мира живых. Говорили... А бог-мертвец, словно дразня человеческую мнительность, не являлся.

Мирослав вышел из кареты.

Башню окружала каменная ограда. На небольшом плацу перед входом в башню выстроился караул. Сержант Любава Когут, начальница внутренней охраны, выступила вперед, ожидая приказов.

— Как сегодня ее высочество? Здорова? Хорошо ела?

— Так точно, ваше величество.

Они пересекли двор и зашли в темное помещение башни. Широкая винтовая лестница уходила вверх.

Комната под крышей башни запиралась снаружи, но, из уважения к царевне, было принято стучать. Мирослав ударил три раза. Подождал.

— Да! — раздалось из-за двери.

Сержант Когут отперла замки, и царь вошел.

Большая круглая комната под крышей башни была вразнобой заставлена книжными шкапами, стопками цветочных горшков и пустыми мольбертами. В воздухе стоял запах акварели, сырой земли и пыли. У восточной стены, как пристань в Цветном море, стояла кровать. У западной — письменный стол.

Комната больше походила на склад, чем на девичью спальню, но Мирослав уже привык. Надя обожала делать перестановки. В маленьком мире, ограниченном комнатой и садом на крыше, эти перемены создавали видимость свободы. Мирослав, испытывая угрызения совести, рад был потакать нехитрым прихотям дочери. Он нанимал художников, которые расписывали стены жар-птицами и единорогами; заказывал для кукол точную копию дворца; покупал на островах шелковые обои... Все что угодно, лишь бы возместить отсутствие свободы и любви!

— Папа, это вы!

Царевна отложила книгу и поспешила навстречу отцу.

Наденька была невысокой и тоненькой, как молодая ива. Черные косы уложены короной вокруг хорошенькой головки. В светло-карих глазах, окаймленных густыми ресницами, виден ум. Губки как лепестки пионов и аккуратненький носик подчеркивали ее миловидность. Портили прелесть юной царевны лишь обломанные от работы в саду ногти и болезненная бледность лица.

— Я не ждала вас! Ужасно, что вы видите этот беспорядок!

— Не страшно, дорогая. Найди мне какой-нибудь стул.

Царевна сняла передник, измазанный зеленью, бросила на стол поверх учебников, смахнула с дивана ворох разноцветных штор и мебельных обивок и усадила отца.

— Приказать подать чаю?

— У меня мало времени, милая. Лучше расскажи, как успехи в учебе. Тебе нужно что-нибудь?

Она улыбнулась, присела на край дивана, сжала руки на коленях.

— Спасибо, папа, у меня все есть. Пан Рукша принес новые книги. Он рассказывал, что ему доставили их с самого Побережья. Очень красивые.

— Вот и чудесно, милая. Может, что-то еще? Я слышал, твой карликовый апельсин не вынес наших холодов?

— Не вынес... — грустно улыбнулась Наденька. — А как наш урожай в этом году? Собрали?

Царь помрачнел:

— Собираем. Дожди мешают.

— А как же бал? Отменяют?

— Ни в коем случае!

— Я жду фейерверков. Было бы чудесно в этом году добавить алого и желтого. Вот бы еще дождь не собрался!

Мирослав слушал ее щебет и сам не понял, когда стал улыбаться. Надежда разложила ткани, затем подхватила, унесла куда-то за ряды шкафов, вернулась, уселась на полу у ног отца.

— В этом году будут сватать Василису? Я слышала, что у короля Веита двенадцать сыновей. Вот бы нам породниться с Побережьем!

— Не думаю, что он захочет взять ее в невестки. Брак коронованных особ это всегда сделка, дорогая. Им она не выгодна.

— Неужели король Веит ни одному из двенадцати сыновей не позволит жениться по любви? Вы же позволяете Василисе выбрать себе мужа?

Мирослав улыбнулся:

— Просто я безмерно люблю своих девочек.

— Тогда я могу в этом году приехать на бал?

— Нет.

Мирослав растерялся от неожиданного вопроса, поэтому ответил резче, чем хотел.

— Почему?

Царь помрачнел. Именно из-за таких вопросов он все реже навещал дочь и все быстрее заканчивал встречи.

Когда царевне исполнилось шесть, она начала спрашивать. О себе, о своем заточении и о башне. Почему живет здесь одна? Почему не приходят сестра и мама? Как долго ей быть здесь?

Пришлось выдумать для девочки красивую сказку. Мирослав солгал, что есть пророчество: приедет королевич, женится и заберет в свой дворец, а до тех пор Надежда не может выйти из башни, иначе умрет. Девочка поверила. Десять лет она тихо жила в башне, прилежно училась и ждала суженого.

Четыре языка, арифметика, география и история. Мирослав не ограничивал дочь в знаниях. Надя прожила в заточении семнадцать лет, на что еще ей тратить силы и время? Но время шло. Все сложней лгать ей в глаза, да и она все меньше верила в ложь.

Наденька не умела скрывать чувств, и Мирослав видел — с прошлого дня рождения ее что-то тревожит. Она не рассказывала о своих тревогах, но все требовательней становились ее вопросы и взгляд.

— Как долго я буду ждать своего суженого, папа?

— Ты знаешь, милая, есть пророчество! Мы не можем его послушаться!

— Папа, если это лишь сказка, вы скажете мне? Я уже не ребенок, у вас нет причин ограждать меня ложью.

— Есть пророчество...

— Разве мой суженый не должен увидеть меня, чтобы влюбиться? Никто не постучится в дверь комнаты, расположенной на верхнем этаже такой высокой башни!

— Это воля богов, а не моя прихоть. Будь послушна, и твое терпение вознаградится.

Надя хотела добавить что-то еще, но сдержалась. Закусила губы, глотая необдуманные слова. Мирослав ждал, но дочь молчала. Тогда он поднялся.

— Что ж, дорогая, мне пора.

— Конечно, папа.

Мирослав поцеловал дочь в лоб и вышел. Он понимал, что разговор не закончен, но продолжать его не мог.

Когда дверь за царем закрылась, царевна села на диван и закрыла лицо руками. Не плакала. Время для слез прошло, хотя молчание отца и его ложь разбивали ей сердце.

...Это было чуть меньше года назад.

Надя привыкла к голосам караульных из-за двери. Они дежурили там днем и ночью, часто болтали. В ночь накануне дня рождения Надя была лихорадочно возбуждена и, как обычно, ожидала чуда. Она лежала в темноте, ловила каждый звук, ждала...

— Когда она уже сдохнет?! — в сердцах воскликнула за дверью Любава.

Надя подумала, что ослышалась.

— Тише! Услышит!

— Хорошо бы.

— Любава!

— Сколько лет мы стоим здесь, Рута? Шесть?

— Хватит...

Сердце Нади забилося в груди как бешеное.

— Быстрее бы сдохла! Неужто правда верит в королевича на волшебном коне? Ей сколько? Шестнадцать? Мажья кровь, а мозгов нет.

Царевна заставила себя сесть и вслушаться в разговор. За дверью презрительно хмыкнули.

— Откуда мозги-то? Она здесь с рождения сидит, ничего кроме баек отца не слыхала. Что наплетет — в то и поверит.

— Слушай, а может, нашептать ей? Скажем, что она чародейка, что, ежели об землю ударится, — птицей станет. Может, прыгнет с крыши-то?

Снова смех. Надя опустила ноги на пол, встала с кровати. Она не верила собственным ушам, ей казалось, что это дурной сон, и она ущипнула себя за запястье. На глазах выступили слезы. Нет. Не сон.

— Царь услышит — покатятся наши головушки, — заметила Рута.

— Не покатятся. Разве переведет на стены, а сюда новых дурех возьмут. Орден Доблести ему в затылок дышит. Если хоть один человек из-за Надьки пострадает — и царю несдобровать. Подпалят дворец, как есть подпалят.

Помолчали.

— Думаешь, слышит нас? — спросила Рута.

— Хотелось бы, — зло процедила Любава, — да навряд ли. Люди по всему городу мрут как мухи, а ей сладко спится. Ни души, ни мозгов, ни совести. Проклятая тварь!

Царевна сжалась. Женщины за дверью замолчали.

Много времени прошло с тех пор. За этот неполный год она увидела и услышала много такого, что раньше ускользало от внимания. Как отец отводит взгляд, как кусает губы пани Ожина и брезгливо морщится от ее случайных прикосновений пан Рукша. Надя до сих пор не знала, за что ее ненавидят. Отец продолжал лгать, наставники — уходить от разговора.

Под потолком назойливо жужжала поздняя муха, раздавались голоса стражниц из-за двери, неспешно танцевала в воздухе пыль. Было душно. Она встала и прошла по комнате.

Больше Надя не стремилась стать женой сказочного королевича. Возможность тихо жить на краю мира — без дворца, без принцев, без башни-тюрьмы — представлялась сказкой. Ходить по улицам, разговаривать с людьми, смотреть на море — такими отныне были ее заветные желания.

Вот только никто, кроме нее, не исполнит их.

Царевна поднялась по лестнице на чердак, узкий и темный, как шкаф, а затем — на крышу. Здесь в глиняных кадках рос ее сад.

Фикусы, каламондины, карликовый боярышник и апельсины. Все аккуратно подрезанные, ухоженные, почти кукольные в своей искусственной красоте. Царевна прошла мимо кадок и теплицы, подошла к зубчатому парапету и остановилась, глядя на город, раскинувшийся у подножья башни.

Часы в комнате внизу пробили четыре часа пополудни. На Северную

Варту уже опустился темный осенний вечер. Ветер разогнал облака. На синем небе разгорались первые звезды. Далеко на востоке двигались над землей как светлячки кабинки канатной дороги, на западе сиял огнями царский дворец.

Иногда Надя представляла, как живет там с мамой, папой и сестрой. Когда она была маленькой, то играла в эту игру. У ее кукол имелась точная копия дворца. Маленькая игрушечная Надя жила в западной башенке, и когда гасили свет, она представляла, что за дверью ждут не стражники, а слуги. Родители спят в конце коридора, и можно прямо сейчас встать и пойти к ним, прижаться к маме, пожелать ей спокойной ночи...

Теперь она стала взрослой. Надя перестала ждать, когда придет мама. Перестала мечтать, что отец заберет ее из башни. Через четыре месяца ей исполнится семнадцать, и теперь царица смотрела в другую сторону. Туда, куда уходила в темноту канатная дорога.

С тех пор как Надя услышала разговор караульных, она думала о побеге. Просочилась водой сквозь пальцы весна, за ней ушло лето... Так вся жизнь убежит водой, и никто ничего не изменит. Если пророчества нет, то когда закончится ее заточение?

Решение далось легко, но она долго все обдумывала. Внутри башни всегда находились солдаты, пройти мимо незамеченной не выйдет, не стоит и пытаться. Оставался путь по стене.

Она никогда не покидала стен Черной башни, но Надя была девушкой умной, с большой фантазией и прекрасно понимала, что в платье ей по стене не спуститься. Хорошо бы иметь форменную одежду, как у охранниц, но это было невозможно.

Пользуясь советами из «Вестника моды», набором золотых иголок для вышивания и старыми платьями, она четыре месяца шила и перешивала костюм для побега. Рубашку переделала из укороченной ночной сорочки, пошила незамысловатую сумку, которую намеревалась бросить сразу после побега, и оставались брюки.

Брюки не давались.

Она перепробовала множество способов, пока смогла сделать такие, что не разойдутся по швам, пока она будет спускаться по стене. Для верхней одежды Надя присмотрела мужское пальто, оно ей очень нравилось, но скроить и пошить его сама не смогла, и от этой мысли пришлось отказаться. Наконец все было готово.

Заканчивался второй месяц осени, откладывать побег больше нельзя. У нее лишь одна попытка, и если поймают, то стражники не спустят с нее глаз до окончания времен.

В среду с самого утра было морозно и тихо. Даже ветра не было. Надя так волновалась, что ничего не могла съесть на завтрак.

К девяти утра пришла пани Ожина. Они с Надей провели два урока грамматики — аринский и гроенский языки. Потом был урок живописи и перерыв на чай.

Начался дождь, и царевна с облегчением выдохнула.

Пани Ожина пережидала вместе со стражницами в казарме этажом ниже. Когда она вышла, Надя подошла к оставленной сумке с нитками и записями. Шелковый кошелек был заношенным, уголок порвался и уже не раз штопался. Денег — медяков и потемневших от времени серебряных монет с профилем отца — в нем было мало, но Надя не могла позволить себе позор. Она зубами прокусила нитки, разрывая старую заплатку, бросила один медяк обратно в сумку и спрятала под подушкой остальное. Чтобы не вызывать подозрений, Надя заставила себя съесть весь обед. Гувернантка вернулась, и занятия продолжились до двух часов.

Пани Ожина ушла. Пришел пан Рукша.

География и арифметика прошли незамеченными. Надя слушала, но не понимала. Пан Рукша заподозрил неладное. Смотрел прищурившись.

— Ваши мысли заняты чем-то иным, ваше высочество?

— Простите. Женское недомогание. Ничего, если я сегодня отдохну?

Пан Рукша покраснел и поспешил закончить уроки.

К семи часам вечера дождь сделал передышку. В небе стали появляться проталины чистого неба. Ужин не лез в горло. Надя съела салат и сдалась. Время застыло, как вода в стужу. Минуты тянулись невыносимо долго. Царевна трижды проверила сумку, пыталась читать и наконец заснула в кресле. Проснулась рывком, испугалась, что пропустила все на свете, но, оказалось, что часы только пробили полночь. Ее короткий сон был на пользу: теперь Надя чувствовала себя бодрой и собранной. Она тихо подошла к двери и прислушалась.

Караульные обсуждали урожай, до царевны им дела не было.

Надя переоделась в подготовленную одежду: рубашку, брюки и жакет; сложила в сумку теплое платье, еще один жакет, перчатки и шляпку; составила на кровати ворох тканей под одеялом и вышла на крышу.

Ночь была пронизывающе холодной. Снова начался дождь. Надя забросила за плечи сумку, достала спрятанную в цветочной кадке веревку и подошла к краю крыши. Она обвязала веревку вокруг зубца парапета, дважды проверила узел и подошла к краю.

В жизни под крышей было одно важное преимущество — Надя не боялась высоты.

Царевна села на край парапета и свесила ноги в пустоту. Взялась за веревку двумя руками, повернулась лицом к башне и прыгнула.

На короткое страшное мгновение она зависла над темной землей, веревка натянулась, но выдержала. Царевна уперлась ногами в стену и стала медленно спускаться вниз.

Дождь быстро промочил ее до нитки. Надя боялась, что и руки соскользнут, потому что ноги скользили. Дважды она зависала на веревке, падение останавливали узлы, за которые она хваталась. Ладони стерла до крови. Силы быстро уходили, хотелось разрыдаться от усталости, но она сжимала веревку, готовая вгрызаться в нее зубами. Царевна пообещала себе, что ни дня больше не проведет в башне!

Она сжимала веревку, переводила дыхание и продолжала спускаться.

Дождь мешал, но и укрывал от посторонних взглядов. Стражницы прятались в башне, солдаты почти не выходили из караульного помещения.

Надя смотрела лишь в стену перед собой и думала только о веревке в руках, поэтому, когда ноги коснулись земли, сама себе не поверила. Она стояла на каменной площадке перед башней, но еще несколько минут не выпускала веревку. Хотелось заплакать от облегчения, но царевна понимала, что время радоваться еще не пришло.

Черную башню и плац окружала каменная ограда выше человеческого роста. Надя добежала до нее в месте, где между нею и караульным помещением была башня. Перевела дыхание и схватилась за выступающие камни. Поставила правую ногу в углубление в стене и рывком поднялась на ограду. Подтянулась. Еще раз. Схватилась руками за верхушку стены и с огромным трудом вскарабкалась на нее.

Надя замерла, отдышалась, всмотрелась в улицу за оградой.

Со стороны караульного помещения шел солдат. Голову он не поднимал, сутулился, спасая от дождя шею. Он остановился недалеко от царевны, справил нужду на стену и вернулся к своим.

Надя переждала еще минуту, потом зависла на вытянутых руках с внешней стороны, разжала пальцы и неловко приземлилась на мостовую. Не веря в собственную удачу, царевна выпрямилась и поспешила по мокрым улицам в сторону канатной станции.

Дождь закончился. Потоки воды несли вниз по улицам опавшие листья и нечистоты. Царевна остановилась, когда Черная башня затерялась среди крыш. Она завернула в подворотню, сняла мокрый жакет, достала из сумки платье и надела поверх брюк и сорочки. Затем надела сухой жакет, перчатки и шляпку. Сумку с мокрой одеждой оставила здесь же.

Ночью в Серединном городе было пусто. Надя прошла мимо запертых лавок, через пустую площадь и повернула по улице вниз. Наконец можно было перевести дыхание, башня осталась позади и нужно лишь дойти до станции канатной дороги, чтобы начать новую жизнь, но... Она так привыкла к своей комнате под крышей, к стенам, к окнам, что на пустой улице ей нечем было дышать.

Надя оперлась руками о стену скобяной лавки и попробовала отдышаться, но легче не стало. Улица за спиной казалась наполненной враждебными взглядами, шепотом. Надя повернулась к ним лицом, вжалась в стену. За спиной никого не было, но она кожей чувствовала несуществующие взгляды. Ей казалось, что воздуха вокруг слишком много, он наваливался на нее, топил. Царевна начала задыхаться. Она сползла вниз, уткнулась лицом в колени, сцепила руки.

Что же делать дальше?

«Еще чуть-чуть! Посиди так еще немного!» — умолял трусливый внутренний голос.

Можно сидеть здесь вечность, но никто не придет на помощь, не посочувствует, не возьмет за руку. Царевна заставила себя подняться. Держась за стену, пошла по улице. Шаг вперед. Еще один. И еще!

Она не останется в этом городе. Вопреки увещаниям отца, вопреки собственному разуму. Ни дня больше не будет покорной узницей! Если нужно — поползет по этой улице!

Шаг. Еще один. Понемногу удушье стало отступать.

Серединный город закончился. Надя прошла под аркой каменного акведука и оказалась в Нижнем городе, в Окольнике. Где-то здесь была станция канатной дороги.

Пани Ожина говорила, что здесь живут рабочие. Надя ожидала увидеть темные дома, где люди спят после трудного дня, но, несмотря на поздний час, здесь былолюдно. На деревянных вывесках были выцарапаны кубики с точками и женщины с обнаженной грудью. Улицы нижних кварталов были полны дурно пахнущих, веселых людей. Пан Рукша говорил, что в городе не хватает хлеба, но почему тогда люди так веселятся? Если бы ей грозила голодная смерть, она бы вряд ли думала о развлечениях! Отчего же люди в Окольнике веселятся как в последний раз? Она не понимала.

Снова навалилось удушье. Надя несколько раз свернула не туда и окончательно заблудилась.

Мужчина в потрепанной грязной одежде преградил ей дорогу, дыша в

лицо чесноком и самогоном, потянул руки к груди.

Надя взвизгнула и резко повернула в подворотню, наткнулась на мужчину, справляющего нужду, перепрыгнула кучу мусора, побежала дальше по переулку. Здесь воняло мочой, из-под ног выпрыгнуло что-то облезлое: или тощий кот, или большая крыса. Она выбежала на следующую улицу и остановилась.

По правую руку стояли глухие безоконные склады, по левую — двухэтажные здания контор. На всю улицу горели лишь два фонаря, в начале и в конце. Прижавшись между складами и конторами, в тупике стояла харчевня. На деревянной вывеске было выцарапано: «Сытый заяц». Рисунок толстого зайца, похожего на крысу, подкреплял надпись.

В окнах горел свет, но пьяного кутежа слышно не было. В воздухе пахло свежеструганными досками, мокрыми листьями и супом. Надя вдруг поняла, что хочет есть. Двери были не заперты, и царевна вошла.

Внутри горели свечи. В дальнем углу был сооружен алтарь: стол накрыли черной скатертью, украсили хризантемами, ветками ели и черными лентами. На столе стояла глиняная фигурка одного из богов, тарелка с двумя зелеными яблоками и бутылка вина.

Слева от входа сидели трое мужчин. Они бросили на девушку хмурые взгляды, но приставать не стали. Остальные места были пусты. Пахло гречневой кашей и кислой капустой. В животе у Нади заурчало.

Прямо перед входом была лестница на второй этаж. Хозяин услышал, как хлопнула входная дверь, и теперь спускался посмотреть на позднего посетителя.

— Доброй ночи. Вы работаете?

— У нас траур, панночка. Или вы алтарь не видели?

— Но двери были открыты...

Хозяин раздраженно посмотрел на ужинающих мужчин.

— Посетители настаивали... Шли бы вы отсюда! — решительно закончил он и даже взял Надю за плечо, чтобы выпроводить на улицу.

— Не тронь девчонку! — крикнул один из мужчин, привставая со стула.

— Шла бы ты, девка... — процедил хозяин сквозь зубы.

— Я останусь, — решила Надя.

Поздние посетители были заняты разговором и не смотрели больше в их сторону. По сравнению с улицами, где она сегодня бродила, здесь было спокойно и безопасно.

— Дай каши, хозяин. Поем и уйду.

Харчевник недовольно покачал головой, но гнать больше не стал. Он

принес тарелку обжигаяще горячей каши с салом, с зажаренным до черноты луком и кружку кваса.

Надя наугад протянула серебряную монетку с профилем отца. Хозяин принес сдачу, еще раз бросил недовольный взгляд в сторону тихой компании у противоположной стены и ушел.

Надя принялась за еду.

Это было ее первое блюдо, приготовленное не царским поваром. От кваса Надя немного захмелела. Она была так погружена в свои мысли, что не обратила внимания, как поздние посетители покинули стол и пошли к двери.

Надя рассматривала темную улицу за окном, когда один из мужчин схватил ее за косу и стукнул лицом о стол.

Из носа потекла кровь, она не успела опомниться, а ее уже тащили в дальний угол харчевни. Надю бросили спиной на стол-алтарь, покатались по полу яблоки, она ударилась головой о глиняную статуэтку бога. Один из нападавших сдавил ей горло и зажал рот ладонью, второй держал ноги, третий — задира л юбку.

Она пробовала вырваться, но держали крепко. Надеяться на помощь было бессмысленно — в харчевне никого не было кроме насильников и глупой девчонки. Рот зажат, нос полон крови, она захлебывалась, задыхалась. Надя поняла, что не имеет значения, чья она дочь и о какой судьбе мечтала. Один необдуманный поступок, одна неосторожность — и не станет ни чести, ни жизни.

Насильник коротко ругнулся, увидев на ней брюки, стал рвать завязки. Надя забилась, как пойманная птица, но вырваться не удалось.

Хлопнула входная дверь. Царевна не могла повернуть голову, видела лишь потолок, но насильники насторожились. Остановились, оценивая нового посетителя. Надя смогла укусить руку, зажимающую ей рот. Мерзавец вскрикнул и ударил ее по лицу. Она надеялась, что посетитель вмешается, он ведь с порога должен был понять, что происходит, но на помощь никто не спешил. Ей вновь зажали рот. Завязки на брюках поддались, и их начали стягивать.

«Папа! Папочка! Где мажья кровь, когда нужна? Где боги? Где люди?!»

Ее зазнобило. В запястьях, под кожей появилось странное ощущение: кровь наполнялась щекотными пузырьками воздуха. Насильник, держащий ее шею, выругался и отдернул руки, будто обжегся.

Что-то у входа глухо ударило, и в воздухе повис тонкий металлический звон, словно лопнула струна.

Надя ногтями вцепилась в руку, зажимающую ей рот. Ее снова

ударили. Беспощадно, кулаком в скулу, затем подняли под руки, стащили со стола и бросили в угол.

— Стой на месте, парень! — рыкнул один из бандитов.

Царевна увидела нового посетителя. Черноволосый, в кожаной куртке и высоких сапогах, какие носят охотники. Он встретился с Надей взглядом, помедлил несколько мгновений и пошел навстречу бандитам.

— Дурак! — процедил сквозь зубы насильник и достал из-за голенища нож.

Незнакомец был высокий, широкоплечий и худой. Он не выглядел, как человек, способный справиться с тремя вооруженными бандитами, и Надя вдруг испугалась, что своим желанием сохранить честь обрекла незнакомца на смерть.

— Нет! Не надо!

Но он легко выбил нож у первого, схватив его за запястье и вывернув руку под жутким углом. Хрустнула кость, нож упал на пол, а бандит завыл, хватаясь за безвольно повисшую кисть.

Второй насильник, тот, что минуту назад стягивал с нее брюки, коротко хохотнул, предвкушая веселье. Он был уверен в себе, он пританцовывал на месте и нож держал крепко. Незнакомец остановился, выжидая. Бандит схватил со стола пустую тарелку, бросил в лицо противнику и сразу же шагнул следом, метя ножом в живот. Надя зажмурилась.

По тому, как грязно он выругался, царевна поняла, что незнакомец не пострадал. Царевна открыла глаза.

Насильник сидел на полу, его нос был расквашен, кровь залила лицо и рубашку. Бандит шумно высморкался в ладонь, размазал сгустки крови по брюкам и попробовал подняться. Черноволосый ударил его ботинком по подбородку. Бандит упал навзничь и больше не двигался. Незнакомец пошел к последнему из мерзавцев.

Щербатый не стал рисковать. Он достал из-за пояса пистолет и выстрелил не целясь, спеша остановить стремительно приближающегося незнакомца. Пуля распоролла куртку, черноволосый вздрогнул, но не остановился. Он уже был рядом с бандитом, перехватил руку, повернул, оружие выстрелило, но пуля ушла в потолок. Черноволосый поднял бандита в воздух и отбросил на стол-алтарь. Ножки подломились, щербатый глухо ударился затылком о пол и затих.

Все заняло не больше минуты.

Надя, онемев, прижималась спиной к стене. В харчевне пахло кровью и гречневой кашей. Никогда в жизни она больше не сможет есть эту кашу!

— Все закончилось, девочка.

Незнакомец остановился рядом.

— Вывести тебя в Серединный город?

— Да.

Она дрожащими руками подтянула брюки, завязала пояс и набросила жакет на плечи, стараясь спрятать разорванный лиф. Незнакомец поднял с пола укатившееся яблоко, положил в карман и закинул за спину рюкзак.

— Пойдем.

На улице он свернул в переулок, Надя — следом. Было темно. Черноволосый двигался быстро и бесшумно, царевна с трудом поспевала за ним. Она несколько раз споткнулась о раздолбанную мостовую, промочила ноги и наступила на крысу. Ее спаситель спешил вперед, не оглядываясь, совершенно не заботясь о том, следует ли она за ним, и Надя сдалась. Остановилась, оперлась руками о ближайшую стену и тихо расплакалась.

Ей нужно успокоиться и спешить на станцию. Скоро посадка на утренний рейс, нужно торопиться, но она не могла двинуться. Ее трясло, хотелось домой, в башню, запереться в комнате, спрятаться под одеялом и умереть.

Надя не ждала, что незнакомец вернется, но, когда справилась с рыданиями и подняла голову, увидела, что он стоит в нескольких шагах от нее. Молчит и ждет.

— Я в порядке, — сказала она темноте. — Я справлюсь.

— Куда тебе нужно, девочка?

Надя молчала.

— Я не часто помогаю людям. Уговаривать не стану.

— К станции канатной дороги.

Он подошел, крепко взял за руку и потянул за собой.

Надя не знала, видит ли он в темноте, но сквозь узкие темные переулки Нижнего города он двигался быстро и безошибочно. Рука у него была прохладная и сухая. От его ладони, от того, как крепко и уверенно он держал за руку, Наде становилось спокойней.

Они шли около часа. Воздух стал сереть, тускло горели уже ненужные фонари. Они были в квартале от канатной дороги, она была хорошо видна на фоне светящегося неба. Кабины не двигались, значит, идет посадка. Надя мягко высвободила руку и, обогнав незнакомца, рванулась вверх по улице. Оставалось совсем немного, но... Вагоны дернулись и начали двигаться.

Она не успела.

Далеко на западе над домами возвышалась Черная башня.

Возможность упущена, Надя никогда не сможет сбежать оттуда. Никогда.

Ей казалось, что ее оглушили. Надя села на ступени ближайшего магазина и закрыла лицо руками. Слезы сами текли из глаз. Царевна старалась быстро их вытереть, но щеки снова становились мокрыми.

Незнакомец вздохнул и сел рядом, достал из кармана яблоко и с хрустом откусил. Прошло несколько минут. Надя выплакалась, успокоилась, вытерла лицо подолом платья.

— Простите. Спасибо за все. Дальше я сама.

Он запустил огрызок в канаву.

— Куда тебе все-таки надо, девочка? Обычно я не предлагаю помощь, но раз уж начал...

— К Черной башне.

— Наверх?

— Наверх.

Она сама удивилась собственной откровенности. Посмотрела на незнакомца.

Ему было около тридцати. Чистое бледное лицо еще не тронут морщинами, но возраст был виден в четком профиле, твердых скулах и подбородке. Волосы коротко подстрижены, как у солдат. Широкие красивые брови, прямой нос, светло-серые глаза и обветренные губы. При других обстоятельствах она нашла бы его интересным.

Незнакомец отвел взгляд первым.

— Думаю, ты поняла, что впредь лучше оставаться в башне?

Не дожидаясь ответа, он встал со ступеней.

— Вставай! Я тебя подвезу.

Он оглянулся по сторонам, проверяя, нет ли случайных свидетелей, и неожиданно свистнул.

Порыв ветра растрепал царевне волосы и, как поземку, погнал по мостовой остатки ночной тьмы. Вниз по улице, к старой акации, раскинувшей ветви-крылья и уже теряющей желтые перышки листьев. Мгла сгустилась в тени ветвей, становилась все плотнее, маслянистее и вдруг обрела форму. По мостовой застучали копыта.

Раньше Надя видела морских лошадей лишь в книжках. В их широтах этим созданиям было холодно. Лошадь была черной, а коротко стриженная грива — синей, как василек, словно ее разукрасили краской.

Лошадь подошла к незнакомцу, и он ласково погладил ее шею. Затем он жестом поманил Надю. Когда царевна подошла, он без церемоний взял ее за талию, посадил на лошадиную спину и запрыгнул сам, заключив девушку в кольцо рук. Лошадь заплясала под седоками, помчалась по

улице, трижды ударила копытами по мостовой и взлетела.

Волшебным лошадям крылья ни к чему, но Надя впервые увидела настоящее волшебство и была поражена до глубины души. Внизу плыли черепичные крыши жилых кварталов Серединного города.

Они поднялись так высоко над землей, что линия канатной дороги проплыла под ногами, не дав пассажирам увидеть их. Потом черноволосый пришпорил лошадь, и они быстро понеслись в сторону башни.

Приземлились мягко, прямо на площадку рядом с кадками папоротника. Мужчина спешил, потом снял девушку.

— Не убегай больше.

Надя молчала, опустив голову. Отвечать не спешила. Когда она подняла лицо, на крыше уже никого не было.

Пани Ожина, увидев утром ее лицо, ужаснулась. Приехал отец. Приехал князь Дворжак, начальник городского полицейского управления. Начались допросы.

Надя молчала.

Отец был напуган и зол. Пан Дворжак — вкрадчив и внимателен. Пани Ожина плакала.

Надя молчала.

Допрашивали караул. При царевне и без нее. У всех проверяли руки: искали нападавшего. На короткое мгновение Надя почувствовала мстительное удовольствие. Стоило указать пальцем — Любава и Рута лишатся голов.

Но Надя молчала.

Ее оставили в покое. Караул внутри башни и охрану во внутреннем дворе сменили. Доказать чью-то вину не смогли, так что наказывать было некого. На том и закончили.

Царевна простудилась. Больше недели ее мучил жар и кашель. Пани Ожина ночевала в башне, охраняя покой царевны. Возможность бежать была упущена. Надя сердилась на себя за доверчивость, наивность и неосторожность. Ее высокое происхождение и большие планы на жизнь не отведут беду! Случиться всякое может даже с хорошими девочками, так как же она могла быть настолько беспечной?!

Шестнадцать лет в одной комнате... Что она знала о людях за стенами башни? Как решилась выйти туда?

Ее учили географии, она знала три языка, умела писать, читать и считать, знала правила этикета, но о жизни — ничего. Помимо учебников у

Нади была лишь книга сказок и легенд, изданная десять лет назад для девочек из благородных семей. О добре и зле в книгах писалось однозначно и понятно. Такими она ожидала увидеть их и в жизни. А если злодеи не выглядят злодеями, а добрый человек калечит людей? Как понять, кому верить? Как не испугаться мира за стенами башни до смерти?

Надя ждала кошмаров. Сны вообще были сложной частью ее жизни, о которой она боялась с кем-то говорить. Сердцем она чувствовала, что ни отцу, ни пани Ожине не понравится то, что она видит в снах.

Армия мертвых за ее спиной, страшных, готовых вцепиться в горло всему живому, но совсем не пугающих ее. Сны, где она — черная птица, которая летит все дальше и дальше на север, и от тени ее крыльев там, внизу, умирает земля. Сны, где она запирает огромную тяжелую дверь, оставляя за ней уязвимых спящих людей. Запирает навсегда. Без сожаления... И сколько бы Надя ни рисовала на стенах комнаты розовых единорогов — сны добром не наполнялись.

После всего пережитого она ждала новых кошмаров, но их не было. Восторг от полета, первого в жизни, вытеснил страх. Ей снилась черная лошадь. Они поднимались все выше и выше, от высоты перехватывает дыхание, а впереди вырастала из моря белоснежная вечная яблоня и от ее ветвей зеленело небо...

Мирослав Третий закрыл за собой дверь кабинета, подошел к дивану, сел и устало потер переносицу. Время близилось к полудню, но зимние тучи затянули небо, лишая город света. Он, сам того не замечая, прошептал молитву, и под потолком засветилась лампа Ярока. Привычно отмеряли время часы. Пахло кожей и сигаретами.

Мирослав поднялся с дивана, подошел к письменному столу и достал из ящика серебряный портсигар.

— Приведи ее на бал!

Мирослав вздрогнул и обернулся.

Красивая светловолосая женщина вышла из стены и села на диван. У Мирослава мороз пробежал по коже. Он никогда не видел ее раньше, но узнал сразу.

Мокошь-судьба.

Он медленно опустил руки, перевел дыхание.

— Оставьте ее! — попросил Мирослав. Попросил всей душой, как никогда раньше. — Заберите меня! Мною началось — пусть мною и кончится!

Богиня покачала головой.

— Поздно. У каждого своя судьба, царь. Приведи девочку на бал или быть беде. Для тебя. Для твоей жены и младшей дочери. Для города. Для всего Края.

Он опустил перед ней на колени, но богиня уже исчезла.
Мирослав заплакал.

* * *

Суматоху с утра устроила пани Ожина. Это она привезла неожиданные вести: Надя едет на бал.

— Как отец решился?!

— Я удивлена не меньше вас, ваше высочество.

— Пани Ожина, мы достанем за два дня платье?

— Постараемся, ваше высочество.

Платье нашлось. Его перешивали по меркам, без царевны, обещали привезти утром в день бала, но опаздывали. Надя волновалась, не могла засунуть в себя даже ложки каши. Пани Ожина, приехавшая к десяти утра, была страшно ею недовольна.

— Не хватает только, чтобы вы рухнули в голодном обмороке прямо в бальном зале, ваше высочество! Или чтобы у вас заурчало в животе во время танца!

Надя съела остывшую овсянку, яблоко и булочку. Запила холодным чаем.

Потом гувернантка отправила ее купаться и мыть волосы. А затем сама занималась ногтями царевны, вздыхая, что работа в саду вконец испортила ей руки.

Платье привезли в полдень. Атласное, голубое, расшитое лентами и шелковой вышивкой. Такую прелесть Надя видела раньше лишь в журналах мод. Пани Ожина затянула корсет и помогла надеть платье. Затем уверенными движениями собрала волосы в тугую прическу, а чтобы они не вздумали выбиться, вогнала в уложенные на затылке косы сотню шпилек. Надя чувствовала себя подушечкой для булавок. Из шкатулки царевна достала нитку черного жемчуга и наконец подошла к зеркалу — на нее смотрела незнакомка. Красивая, взрослая.

Царевна обняла себя за голые плечи, и незнакомка тоже поежилась, взволнованно всматриваясь в глаза Наде.

Пани Ожина протянула ей веер и маску.

— Не забудьте, ваше высочество.

Бал-маскарад затеяли ради царевны. Она не покидала ранее башни, но была похожа на родителей и ее могли узнать. Надя послушно взяла маску, подержала в руках. Незнакомка в зеркале выглядела испуганной. Пани Ожина ободряюще улыбнулась, ласково пожала ей пальцы.

В дверь постучали.

Мирослав долго смотрел на дочь, потом крепко обнял.

— Папа, все в порядке?

Он не ответил, поцеловал ее в макушку.

— Вас сопровождают. Пани Ожина, не отходите от ее высочества ни на шаг.

Наставница послушно кивнула.

— Увидимся после бала, милая.

Царь вышел, и от Нади не ускользнуло, как он прятал взгляд. Она хотела подумать об этом, но пани Ожина не оставила ей времени.

— Сейчас принесут полдник. Обязательно все съешьте, а я отправлюсь к себе, мне тоже нужно переодеться. Встретимся в карете. Ничего не бойтесь и берегите платье.

Надя послушно кивнула.

Есть полдник она не стала, боясь испачкать платье. О поведении отца Надя уже забыла, поглощенная мыслями о бале. В половине пятого в дверь вежливо постучали. Царевна набросила плащ, взяла в руки маску, перчатки и вышла из комнаты.

Она совсем не так представляла себе полицейский эскорт. Надя ожидала увидеть сутулых мужчин средних лет в зеленых мундирах, а увидела шутов! Угадать их возраст было невозможно — лица покрыты толстым слоем разноцветного грима. Они были одного роста и одного телосложения, один в трико красно-синего цвета, второй — желто-лилового.

Коридоры были пусты. На день отсюда удалили всех из внешней и внутренней охраны. Шуты вывели царевну на улицу. Было холодно, сыро, пахло сухими листьями и дождем, но оглядеться ей не дали. Карета подъехала к самым дверям, и спустя пять секунд царевну уже усадили в нее.

Пани Ожина была в карете. Она осмотрела платье царевны, поморщилась, глядя на растрепанную прическу. Охранники качнули карету, запрыгивая на запятки, и они поехали.

Лошади неслись слишком быстро для узких улочек, полных народа. Кучер ругался, гнал прохожих из-под колес, но скорости не сбавлял. Они

замедлились, лишь когда пересекли ворота Серединного города. А у Базарной площади карета встала.

Один из шутов тут же открыл дверь и сел в карету к женщинам, второй пошел разузнать причину задержки. Надя перегнулась через наставницу и выглянула в окно.

Вокруг площади тускло горели фонари. Торговля давно закончилась, но люди не расходились. Толпа гудела, выкрикивала что-то. Пани Ожина, похоже, расслышала больше царевны, потому что резко задернула шторы.

— Сядьте прямо, ваше высочество, — сказала она таким голосом, что Надя почти увидела побежавший по стеклам иней.

Вернулся второй охранник. Он ничего не сказал, но бросил хмурый взгляд на Надю. Потом сел напротив и достал из-под каретных подушек пистолет.

Пани Ожина непроизвольно закрыла Надю рукой, но полицейский лишь криво усмехнулся и оправил шторы. Второй мужчина тоже достал пистолет.

Наде стало страшно. Из разговоров стражниц она знала, что в городе второй месяц не утихают волнения, но не думала, что дела так серьезны.

После дождей часть урожая сгнила в полях, торговцы подняли цены, взволновав и возмутив горожан. Люди требовали помощи от казны и заступничества от царя. Похоже, они не получили желаемого...

Царевна посмотрела на пани Ожину. Наставница сидела прямо, не убрав защищающей Надю руки, смотрела поверх головы полицейского, и Надя вжалась в диван.

Кучер повернул обратно. Они вновь спустились к акведукам Серединного города, там к ним присоединился дополнительный конный эскорт. Возвращаться к Базарной площади не стали. Объездной путь занял больше времени, и когда они подъехали к дворцу, бал уже начался.

Карета остановилась у парадного подъезда.

Здесь было множество карет. Пройти город пешком не составило бы труда, но для городской знати приехать на бал в карете вопрос престижа. Надя рассматривала лошадей.

Гнедые, вороные и рыжие; коренастые, с длинными гривами и умными глазами. Они не могли сравниться с морской лошадью Надиного спасителя, но царевна невольно прониклась к ним симпатией.

Кроме котов, в Варте почти не держали животных. Коты ловили крыс и мышей, царь запретил их трогать, и они жили на улицах большими ленивыми семействами. Коров держать было негде. Когда-то в городе держали скотину, но, когда он разросся, не осталось мест для выгона и

скотоводство пришлось оставить. Охотники — жрецы лесного бога — добывали для горожан оленей и диких уток в лесу, с позволения Лешего, тем город и кормился. Лошадей завозили по канатной дороге с Побережья. Собак держать позволяли себе лишь охотники.

Однажды у Нади тоже был щенок. Он прожил в деревянном домике у нее на крыше два месяца, а потом умер. Любава сказала, что «отравился цветочками». Больше домашних питомцев Надя не заводила...

— Нам пора, ваше высочество!

Царевна надела маску и в сопровождении пани Ожины и шутов последовала к главной лестнице.

Дворец, наполненный стеклянными лампами с кровью солнечного бога, сиял как солнце. Стражницы в башне называли такие «кровавками». Лампы разных форм и размеров, дворец украсили ими снаружи и внутри, было светло как днем.

Всего во дворце было три бальных зала: Желтый, Розовый и Зеленый.

Первые два, переходящие друг в друга через широкий арочный коридор, — на первом этаже. Зеленый занимал большую часть второго.

В Розовом зале гости приветствовали друг друга, вели неспешные беседы, угощались закусками и пили игристое вино. В Желтом — тихо переговаривались, ожидая выхода царственного семейства. Отсюда на второй этаж шла широкая мраморная лестница, упирающаяся в большие центральные двери, призывно распахнутые для гостей, слева и справа перед входом в Зеленый бальный зал ответвлялись узкие боковые коридоры, охраняемые гвардейцами.

Герольд представил Надю и пани Ожину как пани Плющ с дочерью Анной из Маринграда. Они прошли по залу и остановились у окна.

Надя сжимала в руке нетронутый бокал вина. Она вдыхала соленый аромат морских закусок, кислый аромат вина и тонкие нити запахов: мускус, амбра, жасмин, ваниль, лимонграсс, кожа — духи. Толпа вокруг была яркой, изысканной: дамы в вечерних платьях, затянутые в корсеты с обнаженными плечами в жемчугах и бриллиантах; мужчины в черных фраках, галантные, улыбчивые. Они бросали заинтересованные взгляды на двух незнакомок, но Наде было не до людей вокруг — перед глазами темнело. Слишком много людей! К ней долетали обрывки разговоров. Толпа вокруг шелестела, шуршала, шептала. Надя вежливо улыбалась пани Ожине и старалась не показать, как ей плохо. Наде казалось, что воздуха в зале уже не осталось.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Надя попробовала отвлечься. Она стала рассматривать людей вокруг. Молодая женщина в голубом и юноша в лиловом мундире оживленно обсуждали что-то, стоя у окна напротив. Сердце Нади забилось быстрее. Юноша стоял к царевне вполоборота, и она могла вдоволь налюбоваться им. Высокий и широкоплечий, светлые волосы выгорели под южным солнцем до белизны, большие синие глаза, высокие скулы...

Надя отвела взгляд. Это не для нее. Все осенние балы принадлежат Василисе. Надю ждет другая судьба, она выбрала ее сама — маленький домик на острове Вит.

Она тронула пани Ожину за локоть.

— Так много людей... Пожалуйста, выйдем на балкон!

Пани Ожина взяла царевну под локоть и стала пробираться сквозь толпу к выходу. Надя случайно задела плечом прекрасного юношу, он рассеянно посмотрел на нее.

— Простите, — смущенно сказала царевна, но между ними уже засмеялись, заплясали шуты, мешая разговору, и пани Ожина увлекла ее через толпу к выходу на балкон.

Они так и не успели выйти из зала, как герольды заиграли в трубы. В зале мгновенно наступила тишина.

— Царь Мирослав с супругой Тамарой и дочерью Василисой!

У Нади сжалось сердце.

— Выйдем? — участливо спросила пани Ожина.

Надя отрицательно покачала головой. Гости почтительно расступались, пропуская царственное семейство через Желтый зал. Царь, неся на губах тень вежливой улыбки, вел под руку жену.

У Нади больно кольнуло в груди.

Царевна давно вычеркнула мать из сердца. Уже целых полтора года она не ненавидела ее и не мечтала о встрече, почти заставила себя считать ее мертвой, но сейчас сердце сжалось, потому что Надя была копией матери, только младше на двадцать лет.

Черные, густые волосы царицы Тамары заплетены в косы и уложены на затылке. Карие глаза в камышах черных ресниц смотрят жестко и пристально. Никто и ничто не ускользнет от их внимания. Царица задержала взгляд на провинциалке в неловко скроенном платье, которая посмела не снять маску. Ресницы раздраженно дрогнули, отмечая чужой промах, и взгляд заскользил дальше.

Наде показалось, что ее заморозили.

Она стояла бледная, с похолодевшими руками и обескровленными губами и не могла шелохнуться. А следом за родителями в зал уже входила

царевна Василиса. Русоволосая и голубоглазая — вся в отца. На ней было безупречно подогнанное лазурное платье из дорогого шелка. На хорошенькой головке сияла маленькими камнями-звездами диадема.

Царь с женой и дочерью прошли через Желтый зал и поднялись на второй этаж. Музыканты тронули струны, дунули в трубы, ударили в литавры — и дворец наполнился музыкой.

Надя с пани Ожиной остались внизу.

— Пойдем туда позже, да? — спросила царевна.

Пани Ожина кивнула.

Им снова подали игристое вино, и на этот раз Надя отпила из бокала. Пани Ожина молчала, понимая, что любой разговор будет лишним.

— Смотри — бог ветра.

Надя посмотрела. Невысокий светловолосый юноша не был похож на бога. Впрочем, о богах царевна знала мало, отец не любил говорить о них, и гувернеры следовали его примеру.

— Будьте осторожны, он любит морочить головы молоденьким девушкам.

Бог-ветер словно подслушал. Обернулся и, улыбаясь, пошел в их сторону.

— Добрый вечер, прекрасные незнакомки! — сказал он, останавливаясь напротив.

Пани Ожина низко поклонилась. Надя не спешила — она не знала, кланяются ли царевны богам.

На первый взгляд, Эолу было столько же, сколько и ей. Пшенично-желтые волосы, голубые глаза, россыпь веснушек по лицу, лбу и шее. На нем был костюм мальчика-пажа: голубая курточка, шаровары и шапочка. Он был немного смешон и совсем не примечателен. Может, пани Ожина ошиблась? Может, мальчишка просто назвался именем бога, чтобы привлечь к себе внимание?

— Так нельзя, — улыбаясь, ответил ее мыслям юноша. — Я слышу все разговоры о себе. Каждого, кто произносит мое имя. Обычно это останавливает нахалов.

Юноша наклонился, взглядываясь в ее лицо.

— Я тебя знаю?

Пани Ожина попробовала оттеснить его от Нади, шагнула вперед, заслоняя девушку. Эол нахмурился.

— Кажется, знаю...

Надя не ответила.

— Нам пора! — заторопилась пани Ожина.

Она схватила царевну за руку, потянула к лестнице. Шуты заслонили их от Эола, но сбить его с толку не смогли. Он оттолкнул одного из охранников и схватил Надю за руку. Порыв ветра взметнул шторы за спиной царевны, и они оказались в другом месте.

Эол все еще сжимал ее запястье, разглядывал лицо. Ни пани Ожины, ни охранников рядом не было. Надя бросила короткий взгляд вокруг. Судя по малахитовой отделке стен, они были в Зеленем зале, на втором этаже. Что ж, хорошо, что он не отнес ее на другой конец Варты!

В бальном зале было светло, людно, но почему-то тихо. Люди не двигались, застыв пойманными в янтарь бабочками. Остановились слуги с подносами, замерли танцующие пары и музыканты. Надя повернулась к Эолу:

— Что вы сделали? Зачем?

— И правда, зачем?

Одна из танцующих пар распалась. Девушка в розовом платье и в розовой маске, усыпанной блестками, отпустила руки партнера и шла к ним.

— Смотри, сестра, кого я нашел!

— И кого же?

Слева от них сбросила оцепенение брюнетка в красном. Она поставила бокал с вином на поднос замершего официанта и тоже подошла.

Девушки, в красном и в розовом, были двойняшками. Обе светлокожие, невысокие, с одинаковыми чертами лица, но девушка в розовом — голубоглазая блондинка, а в красном — кареглазая брюнетка.

— Так кто же это? — еще раз спросила девушка в красном.

— Это Надежда. Черная царевна.

— Та самая?! — восхитилась блондинка в розовом.

Эол кивнул, довольный собой.

— Сними-ка маску, смертная.

Розовая, не дожидаясь, протянула руку к лицу царевны. Надя отступила на шаг.

— Ой, какая пугливая! — рассмеялась Красная. — Сними маску.

Надя не двинулась.

— Снимай маску, человеческая девка, и преклони колени перед своими богами!

— Ни одному из вас я не молилась прежде и сейчас кланяться не стану!

Надя испугалась, но голос не выдал ее. В тишине замершего зала он прозвучал уверенно и громко.

— Ты что позволяешь себе, тварь?

Голос Розовой зазвенел в хрустале люстр, треснул разбитым стеклом. Надя вспомнила сказки о людях, навсегда превращенных в птиц, зверей и придорожную траву из-за того, что дерзили богам, но отступить не позволяло чувство собственного достоинства. Она знала, как много боги сделали для мира, но никогда никому из них не поклонялась и не видела повода начинать сейчас.

— Эта дурища не понимает, с кем имеет дело, — лениво промурлыкала Красная.

— Вы — Пасиа Грина, богиня похоти. Вы — Милость, богиня чистой любви, и вы, Эол — бог-ветер. У вас нет власти надо мной.

Красная улыбнулась. Розовая была рассержена. Эол откровенно забавлялся.

— Девочка права. Подите все прочь.

Никто не видел, как и откуда появилась эта женщина. Высокая и красивая, в серебряном платье, черноволосая и черноглазая, она стояла посреди зала. Боги, не смея даже взглянуть на Серебряную, расступились. Женщина протянула Наде руку, жестом предлагая следовать за ней, и Надя пошла. Они прошли через зал мимо застывших гостей и остановились у лестницы, спускающейся в Желтый зал.

И тут словно кто-то шумно выдохнул, впуская в зал воздух, музыку и жизнь: пары закружились, официанты заспешили, зашелестели платья, запели трубы. Женщина в серебре улыбнулась.

— Я рада нашей встрече, девочка.

Царевна смущенно улыбнулась и сняла маску.

— Ты хорошенькая.

— Спасибо.

— Теперь слушай меня очень внимательно, девочка.

Серебряная положила руки царевне на плечи и посмотрела в глаза, хмурия красивые брови.

— Сегодня начинается твое путешествие. Ты многое сделаешь, многое услышишь и многое переживешь. Запомни этот вечер, следуй и впредь своим словам: никогда ни о чем не проси богов. Каждая твоя просьба, каждое обещание обернется ножом в спину ближнего. У тебя особая судьба и особые отношения с богами, девочка. Это первое. И второе: покинуть город ты сможешь лишь через лес. Сядешь на канатную дорогу — умрешь.

— Через лес? Это возможно?

— Я дам тебе проводника.

И богиня исчезла. Надя смяла в руках маску и перевела дыхание.

Странный вечер, подумала она и вдруг поняла, что очень устала и хочет домой, в башню.

— Ну что, смертная, закончим разговор?

Царевна обернулась. Любовь и Страсть — Милость и Пасиа Грина — стояли, взявшись под руки.

— Что бы тебе ни обещала тетушка, у нас тоже есть немного власти, спесивица, — сказала Пасиа.

— Грубить старшим очень невежливо. Мы такого не прощаем, — сказала Милость.

— Когда ты встретишь суженого — не узнаешь его, — сказала Страсть.

— А когда узнаешь — расстанетесь навеки, — сказала Любовь.

Милость сняла усыпанную блестками маску, на ее курносом носике остались серебряные веснушки. Маска рассыпалась, превратилась в конфетти. Милость дунула на ладонь, и конфетти полетело Наде в лицо. У царевны закружилась голова. Она заморгала, попробовала убрать блестки с лица. Богини пропали.

В Зеленом зале взорвалась бомба.

Удар горячего ветра опрокинул Надю на пол, а потом вокруг посыпались куски людей.

Рука в желто-лиловом рукаве, изящное женское ушко с бриллиантовой сережкой, обгорелое безрукое тело... Те, кто выжил, бросились к лестнице. Надя не успела подняться на ноги, закрыла руками голову и замерла. О нее спотыкались, больно били ногами, вырвали клоч волос, а потом царевна осталась одна.

Она убрала руки от лица, встала на колени, затем, держась за стену, поднялась на ноги. Подол платья разорван, измазан каблуками и забрызган кровью. Шелковые чулки оплавилась, кожу нестерпимо жгло. Надя ладонями потушила тлеющие чулки. Шатаясь, пошла к перилам лестницы. Уши словно наполнила вода. Она делала звуки глухими, еле различимыми.

Всюду была кровь. Кровавые следы от изящных маленьких туфельек и от ботинок. Пахло горелой тканью и жареным мясом. Царевна схватилась за перила, и ее стошнило.

Желтый зал у подножья лестницы стали заполнять люди. Но не пожарные и не гвардейцы — бедняки. Измученные, пьяные и злые. Надя видела таких на улицах Окольника. Стало страшно.

Люди без остановки что-то кричали... Громко, упиваясь собственным криком, смелостью и отчаянием. Царевна не сразу расслышала слова, но они пробили к ней.

— Долой Проклятую! Долой царя!

— Смерть Черной Надьке!

— Поджечь дворец!

— Поджечь башню!

Она не сразу поняла, что это о ней. Надька. Башня. Проклятая...

Царевна попятилась назад в изувеченный Зеленый зал, полный мертвецов, потому что увидела там другой выход. Дальше все пошло обрывками.

...Платье горит, одну из туфель потеряла, вторую сняла сама. Вокруг мертвецы и огонь. По полу разбросан серпантин, конфетти, сброшенные маски и останки людей. Она идет через зал, будто по дну океана, медленно переставляя непослушные ноги. Перед глазами все плывет. Надя думает об одном: не упасть!

...Кто-то крепко держит ее под локоть. Они уже прошли зал, впереди начинается коридор. Дверь сорвало с петель, там можно выйти. Позади трещат под ударами стены дворца, звенит стекло. От страха — липкого, всепоглощающего и тошнотворного — у Нади темнеет в глазах, но спутник уверенно выводит царевну из зала. Все равно, кто ведет ее. Но она чувствует под тканью пиджака твердую, словно отлитую из металла руку...

...Надя с трудом размыкает опаленные ресницы. Она лежит на подушках, укрытая солдатской шинелью южного образца. Диван под ней покачивается, стучат за окном копыта лошадей. Карета?

Она приподнялась на подушках.

Напротив сидит прекрасный юноша в лиловом мундире. Он смотрит в окно, и свет фонарей пробегает по его лицу. Красивое лицо. Оно перепачкано сажей, капли пота проложили дорожки по лбу и щекам. Выражение сосредоточенное. За окном кареты проносится ночной город. Плывет вслед за ними голубая зимняя луна. Воздух холодный, острый, жалит обнаженные плечи и обожженные ноги. Ей плохо, но так приятно видеть рядом красивого юношу! Он заметил, что девушка пришла в себя. Что-то спросил, но царевна молчит. Губы и язык онемели, не желают слушаться. Надя лишь улыбается ему...

...Мужчина средних лет, в сером сюртуке, на носу пенсне в серебряной оправе. Доктор? Он светит в глаза фонариком.

— Вы как себя чувствуете, панночка? Можете говорить?

Надя хочет ответить, но не получается. Губы словно запечатаны. Она пробует покачать головой и начинает снова проваливаться в темноту.

— Оглушило взрывом, ваше высочество, — поясняет кому-то доктор. — Дайте ей пару дней...

Надя открыла глаза. Ночь. Она в комнате одна.

Царевна села на кровати, прислушалась к себе. Руки перебинтованы, ноги перебинтованы, больно, но можно терпеть. Темно. Под потолком блестела в полутьме лампа-кровавка. Надя хотела бы зажечь свет, да не знала слов. Этим молитвам ее не учили.

Она осторожно поднялась с кровати и подошла к окну.

Ушла за крыши домов луна, готовясь к рассвету, но на улице светло. Словно кто-то набросил на лампу голубой платок. Свет призрачный и мягкий, звезд не видно. Улица за окном чистая, пустая и безлюдная. Напротив ломаная линия домов с темными окнами. Нижние этажи каменные, верхние — кирпичные. Это Серединный город.

Царевна вернулась в кровать.

Она хотела позвать кого-то из слуг, но губы размыкались, а слова оставались в горле.

Где отец? А пани Ожина? Живы ли? Что случилось во дворце? О ком кричали люди? О ней? О Наде? Она не заслужила таких слов!

«Завтра. Разберусь во всем завтра».

Утро не принесло ответов. Наде, по заказу ее спасителя, доставили из магазина готовое платье, новые чулки и туфли. Приходил доктор и снова осматривал ее. Потом пришел светловолосый юноша в сопровождении двоих телохранителей.

— Я понимаю, что вы не можете отвечать мне, госпожа, — сказал он с легким южным акцентом, — но нам придется поговорить.

Один из телохранителей придвинул к кровати стул, второй поставил на него чернильницу и положил лист бумаги.

— Как я понимаю, вы были гостьей на балу, а значит, вы — девушка грамотная. Я буду задавать вопросы, а вы отвечайте.

Он показал на бумагу и помолчал, ожидая ответа. Надя утвердительно кивнула. Юноша улыбнулся.

— Сначала представляюсь. Меня зовут Елисей Моринденизский. Как зовут вас, госпожа?

Царевна взяла в руки перо и помедлила. Что писать? Правду? Солгать? Елисей отнесет записку в полицию, и там быстро выяснят, что девушки с выдуманнным именем на балу не было. Что делать?

«Я не знаю».

— Откуда вы?

«Не знаю. Темно в голове».

Не могла она рассказать ему правду. И врать не могла: он точно поймает на лжи!

Но ее уклончивость не принесла облегчения — Елисей не верил ей. Надя видела это по его глазам, но укорить ее было не в чем. Он досадливо хмурился. Надя прикусила язык так, что на глазах выступили слезы. Королевич тяжело вздохнул и отвел взгляд.

— Доктор говорил, что вас сильно оглушило взрывом. Это пройдет. Отдыхайте пока. Если что вспомните — скажите.

Надя кивнула, вытерла глаза.

Вскоре пришла сиделка. Елисей нанял женщину грамотную, с ней можно было поговорить, расспросить про дела во дворце. Маруся сначала понравилась Наде. Маленькая, подвижная, как ящерица, словоохотливая и приветливая, она много улыбалась и много говорила.

— Царь? В порядке он. Жив-здоров. И царица, и царевна. Все внизу были, когда рвануло. Знаете, панночка, жаль тех, кто помер там, жаль, да только все к тому шло. Гору выскребли, шахты закрыли, люди который месяц без работы, без денег сидят. Кто мог — на юг подался, да сколько осталось? Старики, бабы... Марку поклоны бьют, да не помогает. И не поможет, попомните мои слова! Пока в нашем городе Проклятая сидит, ни один бог нам не поможет. Чего ж хотел государь? Надо было черную девку сразу из города гнать, как родилась.

Надя кусала губы, а сиделка поправляла подушки, меняла повязки на обожженных ногах и ладонях, бережно втирала мазь и говорила, говорила... Надя сжимала зубы.

— Это я так Черную Надьку зову. Будь она неладна!

«Почему ее так не любят?» — писала Надя крупными буквами.

Маруся горько засмеялась.

— Да уж, панночка. Многое можно забыть, да о Черной царевне знать надобно, от нее все горе в мире! Видно, сильно вы головой приложились, раз такого не помните...

Она вздохнула.

— Лет семнадцать назад началось все. Царь Мирослав только год правил. Жену нашли ему из Лучезарска, свадьбу отыграли на весь мир, и тут царь слег. Болезнь страшная! Кровью харкал, гнил заживо. Врачей созывали со всего Края, да те только разводили руками. За неделю от царя — молодого и крепкого — одна тень осталась. Моя мамка среди сиделок была. Домой приходила — плакала. Говорила: «Молодой государь совсем мертвец, только молитвами жизнь в нем теплится».

Маруся покачала головой.

— Молодая царица не в себе от горя была. Да... Много о ней судачили. Говорили, что от большой любви она все учудила, да какая там любовь, когда женаты без году неделя? В Лучезарск возвращаться не хотела, вот что. Ежели бы Мирослав помер, царем бы его брат младший становился. Ее быстро батюшке с матушкой вернули бы, кому такое по нраву? Вот тогда она и удумала... — Маруся понизила голос, наклонилась к Наде. — Были в роду у Тамары-царицы чародеи и колдуны. Сама она силы такой не имела, но хранила черные книги. Когда стало ясно, что не жить царю, открыла она черные книги и вычитала, как его спасти. Когда смерть к кровати подошла, заслонила она супруга белым телом. Заклинания тайные прочитала и заключила с богом-мертвецом черный договор: вместо жизни мужа обещала своего первенца.

Сиделка продолжала:

— Через восемь месяцев родилась у царицы дочь. От чьего семени то дитя — поди узнай. Она уверяла, что родила до срока, потому как за мужем убивалась, да в городе шептали — от мертвеца понесла.

Надя сжимала побелевшими пальцами простыни.

— Царь, понятное дело, отдавать дочь богу-мертвецу не хотел. Жрецы сразу сказали, что надо девчонку в черную ночь в землю зарыть и сверху кровью черного петуха полить. Ну а царь — ни в какую. Говорит: «Если она нужна ему, пусть сам придет и заберет». Посадил девку в Черную башню, куда богам хода нет, и стал ждать, что все обойдется. Да только боги шутить не любят. С того дня начала руда из горы уходить, лес разросся, на южные берега нежить из моря полезла. Умные люди говорят царю: отдай Надьку ее суженому, а царь на своем стоит. Держит это отродье посреди города, а на простой люд ему плевать.

Надя непослушными пальцами выводила вопрос:

«Зачем она богу мертвых?»

Маруся пожимала плечами.

— Не наше то дело, девонька. Может, царская кровь на вкус сладка, а может, баба для утех нужна. Он хоть и бог, а в штанах-то мужик, да зазорно ему для такого дела простую девку брать.

«Но вы же сказали, что она ему дочкой может быть?»

Женщина покачала головой.

— Эх, простая ты душа, девонька! Даже люди таким не гнушаются, хоть и след, а у богов иные законы: брат с сестрой детей родят и нет в том греха.

Когда Маруся ушла, Надя долго сидела на кровати, вцепившись руками в простыни. И чем больше думала, тем больше ненавидела город и

людей в нем.

Бежать! Бежать из Варты!

Бежать?

Что будет с папой, если она не даст о себе знать? Весь город вздохнет с облегчением, но что будет с ним? Она, конечно, напишет письмо, что жива, когда доберется до соседнего города, но ему придется несколько дней жить с мыслью, что она мертва. Наде до глубины души было жаль отца, но даже ради его спокойствия она не останется в городе!

Прочь от ненависти и грязи! Прочь от глупых пророчеств и лживых вымыслов! Прочь.

Князь Любомир Дворжак, начальник полиции Северной Варты, открыл окно, впуская в комнату порыв сырого ветра, и вернулся к столу. Он посмотрел на гостя, изобразив на лице печаль.

— Примите мои соболезнования касательно вашей сестры, ваше высочество.

Елисей Моринденизский смотрел жестко и решительно.

— Давайте к делу, ваше сиятельство.

— Хорошо, — улыбнулся Любомир. — Мои люди день и ночь патрулируют город и станцию. Я приказал останавливать всех одиноких девушек и тащить в полицию для выяснения личности. Где бы она ни была — не сможет прятаться вечно. В городе у нее нет друзей, кроме отца и гувернантки, а я не спускаю с них глаз. Дайте мне еще несколько дней, и мы ее найдем. Тогда можете делать с ней все, что пожелаете.

Любомир посмотрел в окно и почти равнодушно спросил:

— Вы оставите ее в живых?

Красивые губы Елисея искривила презрительная усмешка.

— Мы еще не решили.

Он поднялся и положил на стол перед Дворжаком сверток, постучал по нему пальцем.

— Здесь задаток, о котором вы договаривались с моим отцом, и подарок. Чародейский плащ. Мы с вами не знаем, насколько она сильна в магии, поэтому давайте подготовимся. Плащ не даст ей колдовать.

— Передайте вашему отцу мою глубокую благодарность. Я могу быть еще чем-то полезен?

— Вы еще не узнали о судьбе моей сестры?

— Мне очень жаль, ваше высочество, но лучше готовиться к худшему. Мы не смогли опознать больше десятка человек. Боюсь, ваша сестра среди них.

Замолчали. Елисей смотрел в пол. Любомир ждал.

— Еще раз — примите мои соблезнования, ваше высочество...

Королевич поднял взгляд. Высокомерный и насмешливый.

— Благодарю. Полагаю, хотите обсудить вторую часть оплаты?

Князь Дворжак не стал юлить, развел руками.

— Я не знаю, насколько доверительные отношения сложились между вами и отцом, — сказал Елисей, — но гибель моей сестры на балу, который охраняли ваши люди, не добавляет веры. Не заблуждайтесь на мой счет, ваше сиятельство. Я молод, но не наивен. Какие у меня основания верить, что вы передадите нам настоящую Черную царевну, а не подделку? Что помешает вам взять деньги, отдать фальшивку, а настоящую девчонку закопать в лесу, как предписывает кодекс Рыцарей Доблести?

Любомир улыбнулся:

— Я повторю вам то, что говорил уже в письме вашему отцу, ваше высочество. Золото для меня ценнее жизни одной девочки с мрачным проклятием, а наши добрые отношения в дальнейшем — ценнее сиюминутной выгоды. Обстановка в Варте такова, что скоро здесь может появиться новый царь и дурная слава о городе нам ни к чему. Мы слишком долго торговали страхом и, как показывают события последних дней, напрасно. Пусть покинет наш город навсегда, мне этого достаточно. Вы получите все, что вам обещали. Это дело чести для меня.

Елисей хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и решительно поднялся.

— Я рискую большими деньгами, ваше сиятельство, но вы рискуете своим добрым именем.

— Безусловно. Выпьем за удачную сделку?

— Пока рано. Прощайте!

Елисей вышел, а Любомир налил себе бренди. Жаль, что этот породистый щенок во время взрыва оказался на улице. Проклятые южные папиросы!

Королевна Хенни — слабая карта. Веит никогда не дорожил дочерьми. Кроме мальчишки она никому не нужна. Что же, придется придержать эту карту до лучших времен. Король Веит не вечный, а все знают, как он расположен к младшему из сыновей.

На улице Елисей сел в неприметную потрепанную карету. Из охраны с ним были двое. Ружья не убирали.

— Что скажете, Ллойд? — спросил Елисей, задерживая шторы. — Нашли нужного человека?

— Так точно, ваше высочество. Сержант Когут служила в личной охране царевны и согласна опознать ее для нас.

— Что просит?

— Место в гвардии Морин-Дениза и денег.

— Вы объяснили ей, что в нашей гвардии женщины не служат?

— Так точно, ваше высочество. Мы сторговались на месте в охране королевы Марии в Дирсте, но при условии, что сержант окажется нам полезна.

— Хорошо. Вы назначили встречу?

— Она будет ждать нас у Базарной площади.

Елисей одобрительно кивнул и откинулся на диванные подушки.

Весь день дул ветер, заволакивая город облаками. Снова приходила Маруся. Она поменяла повязки, помогла Наде поесть и принять ванну. Ушла после пяти. Царевна вежливо улыбнулась ей на прощание, хотя внутри все переворачивалось.

Она думала над ее словами прошлой ночью, думала днем. Голова шла кругом. Надя слышала все своими ушами, видела своими глазами, но разум отказывался принимать происходящее за правду. Вот она: царевна Надежда Мирославовна, шестнадцати лет от роду, всю жизнь провела в башне и никому не причинила зла ни словом, ни делом, ни в мыслях. Так откуда эта ненависть? Как бороться с ней? Как опровергнуть?

Бежать? Оставить сошедший с ума город за плечами и никогда не оборачиваться? А как же отец? А Елисей? Оскорбить неблагодарностью красивого благородного королевича? Может, есть иной путь?

С грохотом распахнулось окно. Полетели по полу осколки стекла. В комнату ворвался ледяной ветер, запутался в шторах, смахнул со стула исписанные листы бумаги, опрокинул чернильницу.

На звон стекла в комнату вбежали охранники Елисея. Послали за хозяином гостиницы. Тот явился незамедлительно, заохал, зацокал языком. Надю перевели в номер напротив. Здесь тоже было чисто, красивые шелковые обои на стенах, но окна выходили во внутренний двор гостиницы.

В комнате пахло жареным луком с кухни и плесенью. Надя ждала, пока служанка постелет свежие простыни, смотрела в окно на темнеющее небо. Думала.

Открыться Елисею? Он не житель Варты, а значит, свободен от городских предрассудков. Он может забрать ее на Побережье, возможно даже проведет через лес, как приказывала серебряная богиня...

На минуту Надя и сама поверила в свою фантазию. Она представила, как они едут по лесу, спасаясь от преследователей, как бросаются в ноги королю Веиту и тот, сжалившись над молодыми, прощает и позволяет пожениться...

Царевна горько усмехнулась.

Которой женой она будет? Знать Побережья имеет право на многоженство. У короля Веита три супруги, а сколько будет у красивого Елисея? С чего королевичу влюбляться в нее? Отец не может предложить ему в жены даже Василису, дочь, которой не стыдится. Так на что надеяться Наде?

Служанка закончила поправлять постель и вышла из комнаты. Внизу во двор въехала карета. Надя прижалась к стеклу, но тут же отпрянула: Елисей вернулся не один. Надя узнала женщину, которая вышла из кареты за королевичем и которой он не подал руки. Любава Когут.

Что это значит?! Елисей заподозрил обман? Или это какая-то немислимая случайность? Времени гадать не оставалось. Надя поспешно подошла к двери и заперлась. В ее предыдущей комнате замка внутри не было. Здесь не успели снять? Или это случайность?

В коридоре раздались шаги. Царевна стояла перед дверью. Руки дрожали. Они прошли мимо ее комнаты, хлопнула дверь. Не к ней.

Ждать дальше нельзя! Надя отодвинула гвозди, прижимающие раму, и распахнула окно. Внизу была крыша кладовки. Царевна перекинула ноги за подоконник, посидела немного, прислушиваясь к шагам охранников за дверью, и прыгнула вниз. Черепица под ногами затрещала, но выдержала. Надя подождала, не появится ли кто-то посторонний.

Осенний вечер был по обыкновению темен. Во дворе никого не было: обед закончился, до ужина еще далеко. Слуги старались держаться поближе к кухне, откуда на улицу падал свет. Двое поваров вышли подышать в пяточке падающего света. Надя присела на корточки и наблюдала. Мужчины громко поговорили о Соньке из бакалейной лавки и вернулись в кухню, прикрыв за собой дверь. Царевна соскользнула с крыши вниз, зависла на вытянутых руках, стиснув зубы — ладони все еще были перебинтованы, — и прыгнула в грязь. Затем через въезд для карет вышла на одну из боковых улиц и пошла прочь от гостиницы.

В этот час конторские служащие возвращались домой, запирались на ночь лавки, и на улицах Серединного города былолюдно. У Нади уже привычно сдавило виски, зашумела в ушах кровь. Она наклонила голову, сосредотачиваясь на брусчатке под ногами. С каждым разом ей это

давалось легче.

Улицу пересек полицейский патруль. Надя вошла в ближайший открытый магазин, пропуская полицию, осмотрелась.

Это была кондитерская. Стеклянная витрина сияла чистотой, открывая взгляду красивые, но уже немного заветренные корзинки с кремом и тонко нарезанные кусочки тортов. Полы были недавно вытерты и влажно блестели, отражая желтый свет лампы Ярока под потолком. Пахло удивительной смесью ванили, корицы, шоколада и жженого сахара. Хозяин кондитерской — плотный, лысый и хорошо одетый господин — протирал прилавок, бросая на Надю внимательный взгляд.

У окна стояли три маленьких круглых столика. Царевна выбрала тот, что ближе к окну. На стуле лежала забытая кем-то стопка смятых листов — еженедельник новостей.

— Вам что-то принести, пани?

— Чашку чая, пожалуйста, и что-то свежее из выпечки.

Хозяин ушел за прилавок, и Надя развернула еженедельник. Статью о взрыве напечатали на первой странице.

...Все началось два месяца назад, когда власти подтвердили, что закрывают шахту и завод. Возмущенные и испуганные горожане пришли к дворцу с просьбами о помощи. Его величество уверил, что всем поможет. Людям раздали довольствие и уговорили разойтись.

Прошел месяц. Пайки закончились, и люди снова пришли к дворцу. Царь снова пообещал решить вопрос, но доведенные до отчаяния люди не желали расходиться. Они требовали выгнать из города Проклятую или наконец принести ее в жертву Анку!

Как обычно, государь отреагировал вяло и неопределенно. Прогонять собравшихся не приказал, понадеялся на осенний холод и дожди, а сам занялся подготовкой к осеннему балу.

Развязка, хоть и ужасная, казалась очевидной.

Голодные, обозленные люди от Базарной площади переместились к дворцовым стенам. Сначала злого умысла не было. Зачинщики желали просто привлечь внимание царя и его гостей к своей беде, но у ворот их встретили гвардейцы. Сложно сказать, кто первый открыл огонь, но последствия не заставили себя ждать — толпа пришла в неистовство. Ценой нескольких жизней оружие у гвардейцев отобрали и ворвались во дворец.

О том, кто был бомбистом, существовало несколько мнений.

Полиция утверждала, что это один из шахтеров. Он устроился на дворцовую кухню, а затем пронес с собой на бал тротил. Полиция

настаивала, что столкновения возле дворца и взрыв на балу произошли в один вечер лишь по несчастному стечению обстоятельств и заговора тут нет. Люди в городе считали иначе.

Расследование продолжается. Царь высказал соболезнования всем пострадавшим. О дальнейшей судьбе царевны Надежды официальных заявлений не поступало. Автор статьи обещал, что редакция газеты, а также Орден Доблести во главе с его сиятельством князем Дворжаком, не оставит этот вопрос без ответа. Они клялись приложить все усилия для того, чтобы она покинула город, благо в лесу найдутся заброшенные замки. А если нет, то Орден Доблести согласен за свои средства выстроить в лесу новую Черную башню, чтобы держать Черную царевну подальше от людей, пока ее хозяин не призовет Проклятую к себе...

Надя положила еженедельник на стул и посмотрела в окно. Кондитер поставил на стол чай и блюдце со сладкими пирожками и вернулся протирать прилавки.

За окном на город спустился дождь.

Вода текла по стеклу, размывая улицу, превращая людей в невнятные тени. Чай остывал. Вдох. Выдох. Вдох... Только не расплакаться! Только не здесь и не сейчас! Она в два глотка выпила остывший чай, чтобы снять спазм в горле.

Дверь в кондитерскую открылась. Вбежали, прячась от дождя, двое юношей и девушка. Хозяин хотел что-то сказать им, но сжалился, махнул рукой.

— Два дня со взрыва прошло! — возбужденно продолжал начатый разговор юноша в мокром пальто. — Дворец чудом не развалился, сколько людей померло, а они говорят, что не о чем переживать!

Царевна вздрогнула. Ссутулилась.

— Читали сегодняшние новости? Я все думал: что напишут? И вообразите — соболезнования от царской семьи! Город гибнет, люди мрут, а они делают вид, что не знают причин! У нас чума посреди города в башне сидит, а они говорят — «несчастное стечение обстоятельств»! Все, друзья мои! Началось! Проклятая начала собирать жатву для Анку! Гору высушила, теперь пойдет смерть за смертью плодить!

— Я слышал, что в псарне собакидохнут, — заметил его друг.

— А моя сестра, что в башне служит, говорит: Проклятая из башни пропала.

Надя смотрела на стоящую перед ней пустую чашку. Сжимала руки на коленях.

— Не врет? — озабоченно уточнил юноша в мокром пальто.

— Яроком клянется.

Снова замолчали. Хозяин кондитерской, лениво слушавший разговор посетителей, насторожился. Он вышел из-за прилавка и подошел к молодым людям.

— Правду говорят? Действительно ее больше нет в башне?

— Нет. Пропала в ночь взрыва.

Воцарилось молчание.

— Может, до нее таки добрался Орден Доблести? — предположил хозяин.

— Попомните мои слова: пошла Проклятая по земле. Конец света близок!..

Надя, оставив на столе нетронутыми пирожки, пошла к выходу. Хозяин бросил быстрый взгляд на ее стол и схватил за запястье, когда она уже открывала дверь.

— А расплатиться, панночка?

Надя посмотрела на него с недоумением. Деньги? У нее не было денег... Она беспомощно огляделась. Хозяин и посетители смотрели на нее.

— Бесстыжая! — Хозяин кондитерской все понял.

Наде никогда в жизни не было так стыдно!

— Не сердчайте, пан! — вступился за нее один из юношей. — Видно же, что она не со зла.

— И что с того? Я ее сейчас отпущу, она завтра еще кого обворует!

Мужчина крепко держал царевну за руку, не собираясь отпускать.

— Кликну полицию, пусть разбираются!..

У Нади дыхание перехватило от страха. Из жара бросило в холод: похоже, и второй раз не удастся сбежать!

— Не надо полиции, пан, — примирительно предложил юноша, доставая из кармана горсть монет.

Он пересчитал их. Пять отдал мужчине, а последнюю бережно положил обратно. Хозяин отпустил запястье Нади.

— Спасибо! — прошептала царевна.

Юноша улыбнулся, хотел сказать что-то еще, но она уже выбежала на улицу.

Красная от стыда, царевна спешила прочь от злополучного магазина. С крыш еще капало, но туча ушла на восток. Надя нашла линию канатной дороги, отмеченную на небе желтыми фонарями-кровокками, и пошла по улице вниз. В карманах не было ни монетки, но она не стала думать об

этом. Надя вообще запретила себе о чем-то думать. Шла по улице, считая шаги и думая о далеком острове Вит, где окажется через пару недель.

Все чаще стали попадаться спешащие на вечернюю посадку люди. Следом за ними Надя прошла через сквер и вышла к станции. Она наконец вздохнула с облегчением.

— Вот где ты, красавица!

Надя обернулась. За ее спиной стоял, улыбаясь, Эол.

Царевна попятилась. Затем она развернулась и побежала, но бог возник прямо перед нею, смеясь, поймал в объятия...

...Они стояли на длинной пустынной улице, где-то в Окольнике. Вокруг лишь наглухо заколоченные двери магазинов и кучи строительного мусора. Огни канатной дороги тонкой цепочкой висели над землей далеко на востоке. Надя резко обернулась к Эолу, чувствуя, как выступают на глазах слезы.

— Верните меня к станции! Я опаздываю!

Эол отрицательно покачал головой.

— Тогда я сама туда доберусь!

Она развернулась и пошла по улице, но бог снова возник перед ней, загораживая дорогу.

— Нет, Надежда. Ты слышала, что сказала Мокошь: уйти из города сможешь только через лес.

— Так это была она? Я помню ее слова. Даже спрашивать не буду, откуда вы их знаете, бог-сто-ушей. Почему канатная дорога — это верная смерть, а полный нечисти лес — правильный путь? Я уверена, она имела в виду что-то иное. Эол, пожалуйста...

Она осеклась. Бог усмехнулся, хитро прищурился.

— Просто попроси!

Царевна закусила губы.

— Ладно, гордячка. Тогда прощай!

И он исчез. Мгновение его нахальная улыбка сама по себе висела в воздухе, а затем пропала и она.

Царевна посмотрела на далекую линию канатной дороги, потом присела, обняла колени и расплакалась. Горько, захлебываясь слезами и с трудом переводя дыхание, в голос, как маленькая...

Где-то рядом лопнула струна. В воздухе повис тонкий металлический звон, почти неразличимый, но от которого сводило зубы. Надя подняла лицо и увидела, что напротив стоит незнакомец из харчевни.

— Давно вы здесь? — спросила царевна.

Мужчина вздохнул и присел на корточки.

— Некоторое время.

— Все видели? И слышали?

— Не сидится тебе в башне, девочка... Снова опаздываешь к канатной дороге?

— Подвезете меня?

Он покачал головой.

— Я склонен следовать добрым советам. Если Мокошь сказала идти через лес, ты должна идти через лес.

Надя вытерла лицо и встала. Он тоже поднялся.

— Значит, пойду!

— Одна?

— Хотите со мной?

Она не стала ждать ответа, развернулась и пошла вверх по улице.

— Хорошо, пойдем, — донеслось ей вслед.

Надя споткнулась от удивления, обернулась.

— Видно, судьба нам познакомиться, девочка. Отведу тебя в соседний город, а ты перестань рыдать. От твоих слез у меня сердце разрывается. Куда хочешь? Каст? Лучезар?

Надя стояла, готовая в любой миг убежать.

— Вы ведь знаете, кто я?

— Черная царевна. Надежда Мирославовна.

— А у вас есть имя?

— Можешь звать меня Роджер.

Надя повернулась, шагнула навстречу.

— Вы не боитесь меня, Роджер?

— А ты меня?

— До сих пор вы не причинили мне вреда, даже наоборот. Я чувствую, что вы хороший человек.

Роджер насмешливо усмехнулся:

— Люди в таверне тоже не внушали тебе опасений.

— Да, — согласилась она. — Я была неосторожной.

— Теперь пойдешь через лес с незнакомцем? После всего, что пережила той ночью?

— Я не вернусь в башню, — твердо сказала Надя.

— Тогда пойдем! — с вызовом предложил мужчина.

Царевна вздернула подбородок. Отступать она не собиралась.

Он привел ее на постоянный двор в Окольнике. Оставил ждать у конюшни, быстро вернулся, с ружьем за плечами и свертком в руках.

— Переодевайся!

— Здесь?

Роджер пожал плечами.

Крайние стойла конюшни пустовали и она вошла в одно из них. Было темно, слабый звездный свет от двери был не в счет, переодеваться пришлось на ощупь. В свертке лежало шерстяное платье, мужское пальто и ботинки, которые оказались велики. Надя вышла, смущенная своим нелепым костюмом, но Роджер даже не взглянул. Поправил ягдташ и ремень ружья и пошел вперед.

— А ваша лошадь?

— О ней позаботятся.

Они спустились по узким мокрым улочкам, обошли пустое здание завода, который был похож на огромного спящего зверя. Из окон падал свет, тихо гудели внутри двигатели невидимых механизмов, но никого из рабочих рядом не было. У забора стояла будка сторожа и двое полицейских курили южные папиросы, стоя у запертых ворот.

Дальше начинались кварталы, в которых жили рабочие. Здесь было особенно темно. Длинными одноэтажными рядами вытянулись бараки. Они казались мертвыми, лишь кое-где внезапно вспыхивал свет одинокой лампы или раздавался детский плач.

Роджер молчал весь путь. Молчала и царевна.

Все вниз и вниз по улицам. Идти было легко, и Надя сама не заметила, как дорога привела к окружной стене. Здесь дежурили трое полицейских. Сколько лет старшему из них, сразу и не понять, сухое жилистое тело и седые волосы. Двое рядовых — лет двадцати, худощавые и нервные. Все трое курили, тихо переговариваясь и сплевывая под ноги. Они заметили поздних прохожих, затушили папиросы и сняли с плеч ружья.

— Роджер!..

Он шага не замедлил.

— Кто такие? — спросил седой.

Роджер достал из внутреннего кармана сложенный лист и протянул полицейскому. На стенах горели фонари, но под стенами их свет почти совсем рассеивался. Седой долго и внимательно изучал бумаги, щурясь в полутьме.

— Жрец из храма Лешего? — наконец разобрал он. — Не встречал я что-то безбородых охотников.

— Так удобней. Но это не твое дело, солдат. Документы в порядке?

Надя вжала голову в плечи. Полицейский еще раз внимательно изучил бумаги, потом посмотрел на царевну.

— Это кто?

— Жена.

— А жена кто? Есть бумаги?

— Хочешь потащить в участок среди ночи жену жреца?

— Нам велено всех девиц ее возраста проверять.

— А мне велено выйти на охоту сегодня, и одну ее в этом городе я не оставлю!

Седой хмурился и колебался.

— Вы приняли решение, сержант? — нажал Роджер. — Мне возвращаться в храм или вы нас пропустите?

Полицейский еще раз посмотрел на документы, затем сплюнул себе под ноги и посторонился.

— Счастливой охоты, пан жрец.

Роджер не ответил, крепко взял Надю за руку и увлек за собой. Они прошли вдоль стены минут десять, и Роджер остановился.

— Это ворота из города? — удивилась Надя.

Ворот не было. К окружной стене прижалось одноэтажное здание с узкими темными окнами. Из города сюда вела широкая дорога, на пяточке вокруг здания стояли пустые телеги, булыжная мостовая скрылась под комьями черной грязи, остатков гнилого картофеля и луковой шелухи. Последовав примеру Роджера, царевна заслонила нос и рот шарфом: от запаха гнилых овощей хотелось вовсе перестать дышать.

Они подошли к кирпичному зданию, и охотник дважды громко постучал в дверь. Открыли не сразу. Старик, появившийся на пороге, на стражника похож не был. В плешивой шубе поверх исподнего и в сапогах на босу ногу. Смерив их сердитым взглядом, сторож плюнул себе под ноги и выругался.

— Чего вам?

— Запускай лифт.

— Сдурел, парень?! Ночь на дворе. Ты охотник, что ль? Девку пошто с собой тянешь?

— Жена, пан лифтер. В городе нынче тревожно. Пусть со мной в лесу поживет.

Роджер улыбнулся. Улыбка у него была легкая, приятная. Хорошая улыбка. Лицо сразу другим стало.

Старик, близоруко щурясь, посмотрел на Надю.

— Правда, што ль, твой муж?

Царевна растерялась, кивнула, чувствуя себя неловко.

— Ну что ж. — Старик посторонился, пропуская их в помещение лифта. — И то, верно. Непокойно нынче в городе. Ждать беды от Проклятой...

Надя смотрела под ноги.

Старик провел их по длинному узкому коридору, в конце которого были две окованные железом двери. Сторож открыл висящий на стене шкаф и потянул какие-то рычаги. За стеной справа задребезжало железо, а потом раскатисто заурчал мотор. Старик повозился с замками и пропустил их в темную холодную комнату. Над дверью замигала и загорелась оранжевым светом единственная лампа-кровавка. Надя огляделась.

Лифт оказался большой железной клеткой. Роджер закрыл за ними внутреннюю дверь, старик со скрежетом — наружную, и лифт, отряхнувшись как старый пес, поехал вниз.

Стены комнаты ушли вверх, и лифт пошел между порыжевшими металлическими опорами вниз. Ветер ударил в клетку, пронзил ее сквозь прутья тысячью острых сквозняков. Надя с тревогой подумала об Эоле. Даже оглянулась украдкой, но зловредный бог не появился. Тогда она прижалась лбом к прутьям клетки и посмотрела вниз.

Внизу темнела земля. Тлели костры у огородов, там, где днем жгли сухую траву. Далеко слева выныривала из подземного русла река Вена, бурлила на горных порогах, отражая тусклый звездный свет, и Надя вдруг почувствовала, что действительно покидает Варту. Радости не испытала.

— Передумай! — словно услышав ее мысли, неожиданно нарушил молчание Роджер. — Я снова верну тебя в башню, и никто не узнает о нашей прогулке.

— Нет.

— Я ждал, что ты остановишься сама, но, похоже, тебе не рассказали...

— О чем?

— Горожане не любят тебя, но этот побег многих обрекает на смерть.

Надя обернулась к охотнику, прижалась спиной к прутьям клетки.

— Не понимаю, о чем вы!

— Варта — нищий город. Гора внутри опустела, еды не хватает. Последние десять лет ты была единственным товаром и единственным преимуществом.

— Я?

— Ты — живое проклятие, девочка. Единственная чародейка Яблоневого Края.

— Чародейка? Я?!

— Да.

Она улыбнулась, но охотник не шутил. Улыбка медленно сползла с ее губ.

— Вы серьезно?

Роджер кивнул. Царевна подалась вперед, заговорила сбивчиво:

— Вы ведь разумный человек, Роджер! Как вы можете верить в подобные сказки?!

— Это правда.

Надя от возмущения не нашлась, что возразить. Лифт медленно полз вниз. На опоре светились тусклые кровавки. Их свет, попадая в клетку, расчерчивал пол тенями решеток, совсем не разгоняя тьму. Надя не видела глаз Роджера, но чувствовала его взгляд.

— От рождения ты обещана Анку, богу-смерти. Это не выдумка, девочка, в любую минуту он может прийти и потребовать обещанное. Тогда ни человек, ни бог не смогут тебя отстоять. Именно поэтому ты все еще жива. Чародеи умирают в младенчестве, но не ты.

Она хмурилась, рассматривая пол под ногами.

— Анку — это его имя? Бога-мертвеца?

— Ты не знала? — удивился Роджер.

— Отец сказал, что у него нет имен, что он проклят навеки и лишен их. Еще одна ложь...

— Боги слышат, когда люди произносят их имена. Возможно, так твой отец пытался оградить тебя от встречи с ними.

— А вдруг вышло? За шестнадцать лет Анку так и не пришел за мной. Может, забыл?

— Не мог забыть. У богов цепкая память. Кроме того, он тоже связан по рукам и ногам этим предназначением. Ты ведь слышала об этом от отца?

Надя отрицательно покачала головой, и Роджер тяжело вздохнул:

— Что ты вообще знаешь о своем проклятии, девочка? Отец тебе не рассказывал, так кто рассказал?

— Женщина, что ухаживала за мной после взрыва, и немного в газетах читала...

Роджер раздраженно пнул пол, и Надя замолчала.

— Что ж, слушай, — начал охотник. — Говорят, сама Мокошь-судьба пришла к твоей колыбели. Сказала, что ты предназначена Анку, что откроешь ворота в Царство Мертвых. Но еще ты пройдешь сто дорог и вернешь свет, память и тени тем, кто их утратил. Ты получишь самое ценное, что есть у бога-мертвеца, — его живое сердце, а значит, и власть

над ним. Думаю, Анку сам не спешит встречаться с тобой.

Роджер усмехнулся в темноте. Полоса тусклого света пробежала по его лицу, осветив скулу и уголок рта.

— И теперь отец угрожает мной соседям?

— В Крае думают, что ты — могучая чародейка. Говорят, в тебе сошлась вся нерастраченная за долгие годы сила, ты даже можешь помериться ею с богами. А сдерживает тебя лишь твой отец, и стоит ему пошевелить пальцем, как ты обрушишь всю мощь темных чар на соседей. Поэтому вот уже десять лет Северная Варта собирает дань с других городов.

Надя прижалась к прутьям, вцепилась в них пальцами.

— Я верно поняла вас, что единственный человек, который любил меня все эти годы, был мне не отцом, а хозяином; моя башня — не дом, а ошейник; а любовь — мой поводок?

Роджер не ответил. Надя улыбнулась:

— Тем лучше.

— Ты правильно поняла мои слова?

— Я не хочу жалеть о своем выборе, а вы только что дали мне повод отбросить сожаления.

— Ты думаешь сейчас о себе? После того, что я тебе сказал?

— Они не знают меня, но не жалеют грязи. Так с чего мне жалеть их?

— Подумай еще раз. Тебе ничего не грозит в Варте, кроме пустых слов. Анку не позволит Ордену Доблести тронуть тебя. Рад он тому или нет, но ты принадлежишь ему, а о своих подданных он заботится. Продолжай жить в башне — и ты спасешь свой город. Нити или ножницы, девочка?

Поговорку Надя раньше не слышала, но суть поняла.

— Я не жертвую свободой ради них. Мы уходим.

Роджер долго смотрел на нее. Так на Надю еще никто не смотрел — с горьким разочарованием. Она не обязана ничего объяснять, но ей очень захотелось, чтобы он понял.

— Я не могу больше жить бабочкой в янтаре, Роджер! Не могу так больше!

— Что ж, девочка. Значит, «нити».

Надя рассердилась. Пусть сам выбирает свои проклятые ножницы, если такой смелый! Легко принимать решения за других!

— «Девочка»? Кто дал вам право так со мной разговаривать? Я — царица, а вы кто?

— Мне все равно, что думают и говорят о тебе люди. Ты — девочка.

Не больше и не меньше. Твое царство — точка на карте. Оставишь свой город, и твой титул останется здесь.

Надя сжала кулаки. Возразить было нечего: ее город действительно точка на карте, один из двух сотен городов-государств. Была бы она королевой с Побережья, тогда... Впрочем, она сама выбрала свою судьбу. Ей не титул нужен, а свобода. Пусть называет, как хочет, лишь бы не отказался от обещания.

— Вы отведете меня в Каст или мне искать другого проводника?

— Я дал слово — значит, отведу.

Лифт дернулся и остановился. Надя рывком открыла дверь и вышла первой.

От подножья лифтовой шахты вниз по склону уходила проселочная дорога, перерытая колесами телег. Внизу, за черными покрывалами огородов, тлела цепочка затухающих костров, дальше начинался лес. Роджер молча обогнал царевну и пошел по дороге.

— Мы пойдем по лесу? В такой темноте? — нарушила тишину Надя.

— Пойдем, — неохотно отозвался Роджер. — Чем дальше от полей, тем лучше.

После города лесная темнота показалась непроглядной. Царевна зажмурилась, пытаясь привыкнуть, подождала мгновение, но, когда открыла глаза, ничего не изменилось. Как охотник видит в таком мраке, оставалось загадкой, но он ни разу не свернул с тропы. Они все шли и шли, царевна спотыкалась о корни и расцарапала лицо ветками. Казалось, словно находишься в банке с вязкими, горькими чернилами. Они забиваются в легкие, мешают дышать. Сердце больно билось в груди, сначала в такт шагам, потом все быстрее и быстрее. Ночь в лесу была сырой и холодной, но Надя вспотела. Ее начало знобить. Лес вокруг трещал, шуршал и поскуливал. Казалось, что кто-то все время идет следом, Надя слышала шаги, чье-то влажное дыхание на затылке. Царевне казалось, что вот-вот ей вцепятся в шею, схватят за волосы и утащат раньше, чем Роджер успеет обернуться.

Она посмотрела вверх на светлеющее между веток небо и только и успела, что вытянуть руки, придерживая спешащую навстречу землю.

Наверное, Роджер говорил с ней, но уши и глаза заполнили чернила, она не слышала и не видела его. Только чувствовала, как он вытирает ее лицо смоченным в воде шарфом, а потом несет через лес. Руки у него были твердые, словно отлитые из металла. А потом Надя потеряла сознание.

Когда царевна очнулась, они были на поляне. Уютно потрескивал

сосновыми дровами костер, в котелке шумела, закипая, вода. Рядом с Надей прямо на расстеленной куртке охотника был разложен скромный ужин: копченая оленина, ржаной хлеб, брынза и два огурца. Из расшнурованного мешочка, лежащего рядом с сыром, пахло чабрецом.

Роджер, в одном жилете, закатив рукава рубашки, сидел перед костром, время от времени подбрасывая в огонь липкие от смолы ветки. Возле огня было жарко, и Надя сняла пальто. Закипела вода, Роджер бросил в кипяток сухие цветы, воздух наполнился терпко-сладким ароматом.

— Тебе уже лучше? Поужинаем?

Надя кивнула. Роджер подсел ближе, взял хлеб и сыр. Царевна протянула ему мясо, но он отказался.

— Я не ем мяса.

— Вы болеете?

Роджер усмехнулся:

— Нет, здоров. Просто не ем того, что когда-то дышало.

Царевна удивленно подняла брови.

— У каждого свои принципы, царевна. Не бери в голову, ужинай.

— Я не понимаю...

— Тебе и не нужно. Считаю это обетом перед богами.

— Обет?

— В какой-то степени. Хватит об этом. Ешь!

После ужина он достал из ягдташа глиняную щербатую чашку и налил травяной чай. Надя молча пила, Роджер задумчиво смотрел в огонь и тоже молчал. Не хочет говорить с ней? Разочаровался? Ну и пусть! Через пять дней они расстанутся, а пока она тоже может помолчать.

Костер тихо потрескивал, пахло смолой и дымом. Надя легла на куртку, расстеленную на ветках, закрыла глаза и быстро заснула. Роджер так и остался сидеть рядом, время от времени подбрасывая в огонь ветки.

Под утро похолодало, тепло от костра грело лишь с одной стороны. Надя вынырнула из сна, но глаза не открывала. Она слишком устала за последние дни, чтобы двигаться или жаловаться на холод. В полудреме попробовала повернуться к костру спиной, но тогда немели от холода руки и колени, оборачивалась обратно — сводило спину. Сквозь сон Надя почувствовала, как Роджер сел рядом, накрыл ее своей курткой.

Когда царевна открыла глаза, уже наступило утро. Надя села, провела руками по растрепавшимся волосам. Роджер, сидя на корточках рядом с потухшим костром, нарезал хлеб.

— Доброе утро, Роджер!

Охотник в ответ лишь кивнул.

— А мы не разведем костер?

— У нас впереди долгая дорога. Ты рано расслабилась. За нами могут отправить Рыцарей Доблести.

— Кто они такие? Много слышу о них в последние дни.

Он протянул ей хлеб с куском соленого мяса и флягу воды.

— Когда-то Орден Доблести вел войну против чародеев, потом чародеи вымерли и Орден остался ни у дел. Долгое время они просто обменивались полезными знакомствами, богатели и играли в хранителей тайных знаний. Рано или поздно разбежались бы, но появилась ты. Держись от них подальше, девочка, у них есть деньги, последователи и репутация. Ты — их единственный живой противник впервые за сотни лет.

— Я не боюсь! — запальчиво возразила царица.

— И напрасно. Тебе стоит всерьез принимать любую опасность, предвидеть, чем может обернуться твоя наивность, иначе будет, как в той харчевне. Только в этот раз никто не придет на помощь, и снимут с тебя не платье, а кожу.

Его слова испугали ее, но не хотелось в этом признаваться даже себе. Надя встала.

— Хочешь напугать меня, чтобы я вернулась в башню?

— Хочу предостеречь. Если отец тебе не рассказал, то слушай меня, глупая. Ты важна не только для Варты. Любой другой город, узнав кто ты, посадит тебя в собственную «черную башню». А еще есть боги. У них может быть свой расчет на тебя, твою магию и твое предназначение. Ты слишком мало знаешь о Крае и можешь не распознать обман. Боги много обещают, но дают не то, чего ждешь. — Роджер поморщился. — Овцу тяжелее привести под нож, чем тебя.

Он тоже поднялся, закинул за спину рюкзак.

— Пора идти.

Наде было обидно до слез. За кого он ее принимает? За самовлюбленного наивного ребенка? Она хотела продолжить беседу, но он уже пошел вниз по склону.

Снова шли. Снова молчали. При свете дня лес был не так страшен. Сосны и ельник. Кое-где по веткам промелькнет белка или затрещит сорока. Подлесок редкий, и лес вокруг хорошо просматривался, так что идти было не страшно. Воздух был тягучим от сосновой смолы и полетному теплым. В отличие от города лес не вызывал у Нади приступов удушья. Ей было хорошо здесь, она с детства любила возиться с

растениями. Отец позволил превратить крышу башни в маленький сад, но на крыше не вырастят ели, а здесь они были повсюду!

Горный склон спускался вниз, идти было легко. Царевна сняла пальто и несла его в руках. Платье цеплялось за сухие ветки, подол стал липким от смолы. А Роджер шел, не сбавляя шага, уверенно выбирая дорогу. Два раза они немного сбивались с пути, упираясь в бурелом, но там, где заканчивались одни тропинки, другие сами ложились ему под ноги.

Привал сделали у лесного родника. Вода, бившая в углублении под мохнатым валуном, была прозрачная как стекло, ледяная и отдавала илом. Надя стала пить ее прямо из пригоршней. Руки заломило от холода.

Роджер наполнил родниковой водой флягу.

— Не пей много. С непривычки может живот схватить.

Надя смутилась и отошла от родника.

Выходя из города, она совсем не подумала о таких простых вещах, как сменное белье, как она будет расчесывать волосы и ходить по нужде. Вдобавок к вчерашнему спору и утреннему разговору, он заставил ее краснеть, когда не пустил одну в лес справлять нужду.

Ближе к вечеру земля под ногами стала темнеть, все реже встречались сосны, все чаще — березы, осины и ольха. Местность вокруг стала холмистой, как застывшее море. Они вышли на самый низкий участок дороги. Впереди за заливным лугом начинался подъем на пологие холмы, поросшие дубовым лесом. Один из безымянных притоков Вены, летом бывший ручьем, за неделю наполнился дождевой водой и разлился. Высокая густая трава создавала иллюзию твердой земли, но с первого шага почва просела под ногами, ушла в воду.

Роджер, не церемонясь, подхватил царевну на руки и пошел вперед.

Его охотничьи сапоги доходили до колен, но скоро вода поднялась выше. Надя попробовала спорить, потребовала, чтобы он поставил ее на землю, но охотник не слушал. Ей оставалось обнять его крепче и ждать, когда луг закончится.

Налетевший с гор холодный ветер пустил по траве волны, зашелестели сухие стебли конского щавеля.

— С-с-сюда!

— С-с-стой!

— С-с-смотри!

Надя вздрогнула, взгляделась в лес, пронизанный медно-оранжевым светом заходящего солнца. Он был спокоен и пуст.

— Роджер...

— Я слышу, — подтвердил он. — Мавки.

Шепот стих, но в высокой траве, окружившей их, Надя слышала громкие всплески. Хотелось думать, что это рыба...

Они дошли до русла ручья, перешли его, и склон стал постепенно подниматься вверх. От воды шел холод, и Надя задрожала. Роджер наконец поставил ее на землю.

— Не отпускай моей руки...

Но она отпустила. Обняла себя за озябшие плечи, не дослушав его, и тут же из воды появились холодные белые руки, схватили ее за лодыжки. Надя не удержалась, упала на скользкий берег. Роджер попытался поймать ее, но не успел, и мавки потащили царевну обратно в ручей.

Они только что шли по этому лугу, царевна точно помнила, что воды здесь по колено, не более, но сейчас ушла в воду с головой. Надя хотела сбросить чужие руки. Не вышло. Она попробовала схватиться за что-нибудь, чтобы не погрузиться в омут, но вокруг была лишь вода, словно затопленный луг стал озером.

Надя не слышала, как Роджер нырнул, и вообще не понимала, как он оказался с ней в омуте, но вдруг почувствовала на талии его руку. Он прижал девушку к себе и потянул вверх. Несколько мгновений Наде казалось, что они разорвут ее — Роджер и обитатели заливного луга, — а потом чужие руки отпустили, и Надя с охотником вынырнули на поверхность.

Они вдохнули воздух, и оказалось, что никакого озера нет, а они лежат в грязной воде и под ними поросшая густой травой земля. Несколько минут оба приходили в себя.

— Роджер, что это было?

Холод осенней ночи впился в тело. Зубы стучали.

— Мавки... Не отпускай мою руку, пока я не разрешу.

Но Надя и сама поняла свою ошибку.

Они поднялись вверх по склону, дошли до первых деревьев и остановились. Охотник достал из рюкзака свою сменную одежду — рубашку и брюки — и заставил Надю переодеться.

— А как же ты?

— Обсохну, когда разведем костер.

Пока Надя переодевалась, охотник собрал валежник и стал разводить костер. Он снял куртку, жилет и рубашку, подкатил выше брюки, вылил из сапог воду и остался босиком. Царевна присела рядом и, обняв колени, наблюдала, как ловко он все делает.

Охотник бросил на Надю сердитый взгляд, но ничего не сказал.

Костер не желал разгораться. Роджер напрасно переводил дорогие южные спички — они вымокли.

— Позволь мне! — попросила Надя.

Роджер возражать не стал. Бросил мокрую коробку ей в руки и пошел к подлеску у края поляны. Надя взялась разводить костер.

Холод отступил. Но от пережитого несколько минут назад ее еще трясло. Она сделала глубокий вдох, потом выдох, ударила спичкой о коробок. Искры упали на пальцы, но не обожгли — Надя сама была горячей, как уголек. Огонь вспыхнул на ветках раньше, чем его коснулись искры, но царевна этого не заметила. Улыбнулась, довольная собой.

Вернулся Роджер. Он срезал ножом несколько веток, вогнал их в землю вокруг костра и перекинул поверху веревку. Надя развесила на ней мокрую одежду.

— Тебе надо поесть чего-нибудь горячего. Я пойду к воде, а ты сиди у костра. Что бы ни случилось, не отходи. — Он посмотрел в сторону леса. — Ничего не бойся, я быстро.

Охотник взял котелок и ушел. Надя уселась поближе к костру, подбросила еще веток. Ей было страшно на поляне одной, но гордость не позволила жаловаться.

Зашумел в верхушках деревьев ветер. Что-то треснуло в лесу на границе света и тени.

— Поглядите, сидит тут, как у себя дома! — недовольно пробурчал остановившийся в тени гость. — Откедова приперлась? Кем будешь?

У Нади от страха похолодели руки. Как вести себя с неожиданными гостями, Роджер не сказал.

— Чего молчишь, бестолковая? Я кого спрашиваю?!

«Это ведь не мавка? Может, другой охотник? Неудобно будет промолчать».

— Не грубите, пан. Сначала сами поздоровайтесь правильно, затем и я вам отвечу.

— Ишь ты! Не доросла еще, чтоб я тебе кланялся!

— Доросла или нет, а у этого костра я хозяйка.

Незнакомец что-то проворчал себе под нос, но спорить не стал. Замер в темноте, не сводя с нее взгляда.

— Садитесь к костру, — предложила царевна. — К ночи холодает...

Незнакомец немного помялся, а потом вышел в свет костра. Надя еле сдержалась, чтобы не закричать.

Нет, это был не другой охотник. Это вообще был не человек.

Существо было высоким и мохнатым. Его шея, толстая и длинная, как

ствол дерева, кончалась маленькой, по-звериному мохнатой головой с юным человеческим лицом. Сильное мускулистое тело густо заросло бурой шерстью. Маленькие круглые ушки подрагивали, прислушиваясь к лесу.

Надя постаралась не выдать страха и удивления. Она подвинулась, уступая чудищу место у огня.

— Садитесь, пожалуйста.

Длинношейка улыбнулся, наклонил шею, приближая лицо к лицу царевны, хитро заглянул ей в глаза.

— Не боишься, хозяйюшка?

— Чего же, дорогой гость?

— А что съем тебя, пока жених по воду ходит.

Надя понимала, что нужно тянуть время, пока не вернется Роджер, не сердить гостя и не пытаться справиться с ним самой.

— Хочешь есть, дорогой гость?

— А ты покормишь? — насмешливо спросил Длинношейка.

Надя порылась в ягдташе Роджера и протянула ему ломоть хлеба. Гость враз проглотил все и, усмехаясь, снова посмотрел на девушку.

— Пожадничала ты, хозяйка. На один зуб твое угощение, только раззадорило. Есть что еще?

Она достала соленое мясо и остатки сыра. Гость съел все, не побрезговал. Надя смотрела, как он облизывает пальцы на шестипалых лапах, и удивлялась, как это он не порезал язык о такие когти.

— Это все? — по-хозяйски спросил гость.

— Еще яблоки остались.

— Давай.

Надя запустила руку в сумку.

— Не смей. Яблоки мои.

Роджер вышел из-за деревьев. Он спокойно поставил котелок у костра, присел ближе к огню, протянул к пламени руки. На чудище даже не посмотрел и ружье оставил лежать с другой стороны костра. Значит, ничего страшного не происходит?

— Где твой хозяин? — спросил Роджер, не глядя на гостя. — Или ты сам решил заглянуть на огонек?

Длинношейка засопел, заерзал на месте.

— Как будто нельзя! Это вы в наш лес приперлись, не наоборот. Захочу и загляну! И вообще, я с хозяйюшкой дела вести буду.

В лесу за чертой света что-то двигалось. Хрустнули ветки. Надя всмотрелась в темноту, но ничего не увидела. Там зверь? Один?

Завыл где-то совсем рядом волк. Протяжно и печально. И тут же ему

ответил второй. И третий.

Надя похолодела. Кто-то за ее спиной прошел совсем близко, толкнул ее мохнатым боком, хвост ударил по плечу, оставив запах псины.

Живя в комнатке под крышей башни, Надя не раз мечтала об увлекательных приключениях. Она хотела испытать себя, верила, что справится с чем-угодно, но что делать сейчас?

Роджер смотрел на нее со спокойным интересом. Наде знаком такой взгляд — так смотрел на нее пан Рукша, когда она сдавала экзамен. Какой ответ дашь? Не ошибешься?

Ох, как же Надя рассердилась! Роджер снова проверяет ее. Теперь на смелость?

Надя посмотрела в костер, сжала кулаки. Что там за ее спиной? Волки? Да хоть драконы, она не двинется с места! Царевна больше на охотника не смотрела.

— Кто пришел с вами, дорогой гость? Может, и их угостить? — спросила она Длинношейку.

Тот довольно улыбнулся, его глаза весело заблестели.

— Испугалась?

— Нет, — солгала Надя. — Я не желаю им зла, и они меня обижать не будут.

Длинношейка тихо присвистнул, и из темноты к нему вышел большой волк. Он ткнулся носом хозяину в ногу, лизнул и лег на траву.

— Зачем ты пришел сюда, волчий пастырь? — спросил Роджер.

— Хозяин прислал. Велел передать, чтоб ты в его владениях вел себя тише воды, ниже травы. Не рады тебе здесь.

Волчий пастырь говорил, а смотрел под ноги, поглаживая загривок волка.

— Мы с царевной никого не хотели беспокоить, — ответил Роджер.

— Зачем тогда приперлись?

Волк оскалился, зарычал на охотника.

— Передай своему хозяину, что мы не причиним зла его лесу, — сказал Роджер.

— Я слышу.

Надя вздрогнула и повернула голову на голос. Из темноты в свет костра вышел человек...

Он был похож на Роджера. Черноволосый, одет как охотник: кожаная куртка, жилет, рубашка и брюки из крепкой ткани болотного цвета. Только обуви он не носил — вместо стоп у него были козлиные копыта.

Роджер поднялся ему навстречу.

— Здравствуй, лесной хозяин!

Козлоногий перешагнул поваленное дерево, на котором сидел волчий пастырь, и остановился у костра так близко, что горячие искры падали на копыта.

— Не тебе желать мне здоровья.

Он криво усмехнулся и перевел взгляд на Надю.

— А ты что не кланяешься, Черная царевна?

— Добрый вечер, лесной хозяин.

Надя быстро поднялась и неловко поклонилась. Леший захохотал. Встрепенулись, сбили с веток листья разбуженные птицы.

— Испугалась? И как у такого олененка может быть такая судьба?!

Надя сжала губы. Козлоногий больше на нее не смотрел.

— Значит, идете в Каст? Пешком?

— Да.

— Дурость какая. Впрочем, девка небось засиделась в башне, пусть ноги разомнет. — Он коротко хохотнул, взъерошил волосы. — Ладно, идите. Только не ждите легкой дороги. Помогать не буду, ни по старому знакомству, ни за услуги. Дойдете до Каста целыми — ваше счастье, а нет — не моя вина. Все понятно?

— Да.

Лесной хозяин недобро прищурился.

— Вынешь меч в моем лесу — поспоримся! Ясно?

Роджер молчал, глядя в лицо лесному богу. Не возражал, но и соглашаться не спешил.

Волки вскочили, зарычали. Длинношейка ласково прошептал что-то, обращаясь к ним, но волки не слушали, вздыбили загривки.

— Понял?! — угрожающе повторил Леший.

Лес за спиной козлоногого зашумел, зашатались деревья, посыпались вниз листья и тонкие ветки. Волки оскалились, Длинношейка присел, обнял руками двоих, зашептал им что-то, но напрасно. Он просительно посмотрел на Надю...

— Простите, хозяин! Мы все поняли! Роджер не обнажит меч в вашем лесу!

Леший посмотрел на нее так, словно с ним внезапно заговорил кролик.

— Обещаешь?

— Да! — поспешно ответила Надя.

— Нет! — воскликнул Роджер.

Леший расхохотался, громко и весело. Охотник в два шага оказался рядом с царевной, схватил за запястье, сжал до боли. Надя руку не отняла,

стерпела.

— Что ж, девка, — Леший бросил на Роджера веселый взгляд, — если твой жених что-то учудит, ответишь ты. Поняла?

Надя пропустила «жениха» мимо ушей, покорно кивнула. Волки за спиной Лешего успокоились, скуля, тыкались носами в ноги Длинношейки. Он еле заметно улыбнулся Наде. Леший, не прощаясь, развернулся к ним спиной и пропал в лесу. Волчий пастырь и звери тихо последовали за ним. Надя и Роджер остались одни.

Только тогда он отпустил ее руку, пнул босой ногой землю и в гневе обернулся к царевне.

— С ума сошла?! Ты понимаешь, кому и что пообещала, дурочка?!

Надя отступила от него, разминая покрасневшее запястье.

— Понимаю.

— Не думаю. Это — лесной бог! Бог из первых, из злых и мстительных! Если завтра нас догонят Рыцари Доблести — я не смогу ничего сделать! Если ночью к нам придут мавки — я ничего не смогу сделать! Я же предупреждал тебя о богах! Леший снял с себя вину за нашу смерть!

— Он бы натравил на нас волков! Еще секунду, и они бросились бы на тебя!

— Это разве твоя забота? Я владею оружием, которое ношу!

— Я знаю.

— И что?!

— Длинношейка их любит! Он их пастырь, а они его щенки.

— И что?!

— Роджер, нельзя убивать чьих-то щенков!

Охотник выругался сквозь зубы.

Пока закипала вода в котле, снова молчали. Нелегкое будет путешествие, если они не помирятся, но Надя виноватой себя не чувствовала и просить прощения не собиралась.

Она достала из ягдташа мешочек с чабрецом и чашку. Хотела сама снять котелок, но Роджер опередил, грубо отстранил рукой, сам снял котелок, поставил подальше от огня. Надя, обжигая горячим паром пальцы, ложкой набрала в чашку воды, бросила сухой травы.

Чай стыл в чашке. Роджер смотрел на костер, Надя на Роджера.

Его имя, светлая кожа и черные волосы говорили о том, что он был потомком саксов. После Белой войны их море покрылось льдом, король погиб, холод и голод заставили людей бросить замерзающие города и

расселиться по Краю.

— Откуда ты?

— С юга. Город Хель. Вряд ли ты о нем слышала.

Надя не слышала.

— А твоя семья? Они живут там?

— Расселились по всему Краю.

— Ты женат? Есть дети?

Роджер посмотрел на нее, улыбнулся. Хорошо улыбнулся, по-доброму. На такого Роджера хотелось смотреть не отрываясь.

— Ну и вопросы... Как для царевны, ты не очень деликатная. У меня нет жены. И детей нет.

Охотник подбросил в костер веток.

— Прости, но ты мне ближе брата теперь. Можешь не отвечать.

— Не всякая женщина согласится остаться рядом со мной, сестренка. — Он бросил на нее короткий веселый взгляд. — Да и я разборчив, не всякая мне нужна. А ты? Уже присмотрела кого-то? Я слышал, на осенний бал приезжал королевич Елисей?

Надя взгляда не отвела, но уши запылали от смущения.

— Приезжал.

— Влюбилась?

— Вот еще!

Роджер поднялся, подошел к своей одежде, развешенной вокруг костра. Он взял куртку и вернулся к огню.

— Тебе шестнадцать, ты прожила всю жизнь в Черной башне и никогда не видела молодых королевичей. Он хорош собой. Как раз во вкусе шестнадцатилетних царевен.

Надя возмутилась.

— Много ты знаешь о вкусах шестнадцатилетних царевен, Роджер! Думаешь, нас всех шьют по одному лекалу? Я не хочу мужа, не хочу короны, не хочу власти и славы не хочу!

Охотник посмотрел на Надю:

— Чего же ты хочешь?

— Свободы.

— Тебе не получить ее. Даже боги несвободны, что уж о смертных говорить. У всех и у всего в этом мире есть предназначение. Никому не избежать судьбы.

Надя понимала, о чем он говорит, но соглашаться, принимать назначенную судьбу безропотно, не собиралась. Хотелось заявить Роджеру, что она справится и с людьми, и с богами, отстоит свободу, но... Нет у нее

сейчас ни сил, ни знаний для такой борьбы.

— Знаешь, куда тебе следует отправиться, когда оторвешься от погони, девочка? — спросил Роджер, помолчав.

— Куда?

— В Калин.

— Это город?

— Да. Город, в котором три сотни лет не всходит солнце.

— Это возможно?

— Ты никогда не видела настоящей магии, девочка. Чародеи превращали камни в птиц, зеркала — в озера и человека — в муху. Во время Второй Чародейской войны между собой сражались три армии. Город четыре раза переходил из рук в руки воюющих и оказался в центре самой кровавой битвы тех лет. Даже боги не знают, что там случилось, но однажды утром в Калине не рассвело.

— И люди там все еще живут?

— Живут. Они надеются, что рано или поздно колдовство развеется и солнце вернется.

— Значит, мне суждено вернуть им солнечный свет?

— Похоже на то, девочка.

— Но как?

Охотник пожал плечами.

— Если бы кто-то в Крае знал, то давно сделал бы это.

— А как же боги?

— В Калине самый большой храм Ярока, но это не помогает.

— Ты там был?

Роджер кивнул.

— А на островах? Соло-Турчез? Габбиано? Вит?

— Да.

— Роджер... Ты так много мест посетил, может, слышал о чародеях? Как научиться колдовать? Ты только не подумай, — поспешно добавила Надя, — я не хочу кому-то навредить, но, если мое положение в Крае такое, как ты описал, я должна уметь себя защищать.

— Так и есть. Ты должна этому научиться. И научишься, потому что без магии не исполнишь свое предназначение. Волшебство не рождается извне, оно уже течет в твоей крови, но в Крае не осталось ни одного живого чародея, так что тебе придется всему учиться самой.

Надя печально вздохнула.

— Сколько дорог я должна пройти? Сто?

Роджер вместо ответа поднялся и укрыв ее плечи теплой от костра

курткой.

Солнце грело лицо, свет пробивался сквозь сомкнутые веки, но тело затекло от холода. Надя открыла глаза. Роджер сидел у костра, грея в котелке вчерашний чай. При дневном свете события вчерашней ночи казались сном.

— Доброе утро!

Охотник кивнул. У костра в большой плетеной корзине лежали рыжие грибы и черная ежевика.

— Когда ты успел?!

— Твой вчерашний гость принес.

Надя подошла к корзине, взяла в ладонь пригоршню ягод и глубоко вдохнула их запах. Ягоды пахли летом, а на вкус оказались кисло-сладкими.

Ее платье и ботинки за ночь высохли, хоть и безнадежно пропахли дымом. Царевна переделалась. И они тронулись в путь.

До обеда шли молча. После вчерашнего перехода болели ноги. Короткие передышки, которые давал Роджер, сил не прибавляли и не снимали усталости.

В полдень остановились на поляне. Допили остатки воды из фляги. Доели ягоды. Правда, Наде хотелось горячей каши, жареного мяса с луком и белого хлеба.

— Хочешь есть? — угадал Роджер.

— Посиди здесь. Я что-нибудь принесу.

Роджер оставил рюкзак и пошел дальше по склону.

Надя села у края поляны на сухую траву и стала рассматривать лес. Сосны и ели перемежались высокими тонкими дубами и дубовым подлеском. Здесь, в долине, деревья еще стояли яркие, желтые и рыжие.

Позади девушки, там, где они с Роджером шли несколько минут назад, зашуршали листья, треснули сухие ветки. Надя, вздрогнув, обернулась. Ей показалось, что среди листьев мелькнули коричневые олени бока. Царевна замерла, не зная бежать ей или затаиться.

— Прочь пошли!

С другой стороны поляны шел волчий пастырь. Надя с облегчением вздохнула.

— Зачем кричишь? Напугал оленей...

Длинношейка повел плечами.

— Дура ты, девка, — беззлобно заметил он. — Словно волчонок необученный. У нас в лесах не каждый олень траву ест, так что беречься

надо.

Надя смутилась.

— Жалеешь небось, что вчера щедрой была? — подмигнул Длинношейка.

— Что ты, пастырь. И в мыслях не было.

Он покачал головой.

— Ладно, девка. Я вот чего пришел...

Он протянул руку и положил ей на ладонь волчий клык на тонком кожаном ремешке.

— Это что? — удивилась царевна.

— Подарок, что ж еще. Бери. Ты добрая душа, девочка, верь мне, я такое сразу вижу.

Надя повесила подарок на шею.

— Так и носи, — одобительно кивнул Длинношейка. — Пусть это тебе оберегом будет и памятью...

— Спасибо, я не забуду!

— Не обо мне, глупая. Что бы другие ни говорили, хоть боги, хоть люди, хоть пакость какая, — ты добрая душа. Помни это!

Надя кивнула, и волчий пастырь улыбнулся.

— И жениха своего береги. Неладное против него задумали, не зря в лес заманили. Через тебя к нему руки тянут, хозяина моего впутывают, а у него тоже душа чистая, пакостничать не привык...

Он с отвращением сплюнул.

— Кто втягивает? Зачем им Роджер?

Длинношейка покачал головой:

— Хотел бы сказать, да сам не знаю. Вижу лишь то, что волки мои видят, и через них беду чую... Смотри за своим охотником. Ему раньше равного соперника не было, вот он и задрал нос, в упор обмана не увидит. Ты за него смотри, девка. Поняла?

Надя кивнула. От слов волчьего пастыря у нее по телу побежали мурашки. Длинношейка тяжело вздохнул и ушел обратно в лес.

Роджер вернулся, неся зайца. Надя посмотрела на окровавленное тельце, вздохнула, забрала его у охотника и... бережно закопала под деревом.

— Я не могу это есть. Лучше вообще не буду. Ты же обходишься без мяса.

Охотник удивленно посмотрел на Надю, но ничего не сказал.

Сначала царевне казалось, что ничего страшного не произойдет.

Подумаешь, один день без еды. Роджер время от времени посматривал на нее с любопытством. Она делала вид, что его взглядов не замечает, и терпеливо шла следом. Через час ходьбы с пустым животом у Нади испортилось настроение.

Солнце стало опускаться за ветки деревьев, золотя паутинки в подлеске. Они вышли к ручью. Роджер остановился и прислушался.

— Скоро будет река. Поймаю тебе чего-нибудь.

Надя лишь пожала плечами, делая вид, что это ее не волнует. Хорошо быть стойким, тем более что испытание вот-вот закончится.

Они пошли рядом с руслом ручья и вскоре вышли к реке.

На ночевку остановились на песчаном берегу, ближе к деревьям. Солнце уже скрылось за горизонтом. Небо еще горело, но свет быстро уходил, как и тепло. У реки было холодно, сыро и много комаров.

— Роджер, а тут нет русалок?

— Людей нет — и русалок нет. Они ведь любят места, где поглубже и где люди живут. Может, в одном из омутов водяник сидит, но не бойся. Если ты не полезешь в воду, он тебя не тронет.

— А тебя?

— На взрослых мужчин они не нападают.

— А как ты будешь ловить рыбу?

— Достану тебе пару раков. Надеюсь, тебе не захочется и их закопать под деревом?

Надя насупилась.

— Займись лучше костром, девочка. Сможешь насобирать веток?

Царевна кивнула. Роджер поставил у берега пустой котелок. Разделся и прыгнул в воду. Надя с тревогой прислушивалась к всплескам. О том, кто такие водяники и хватит ли у них смелости напасть на взрослого мужчину, Надя старалась не думать.

Она раньше видела, как Роджер разводит костер, и сейчас делала то же самое: отодвинула в сторону ветки и сухие листья, освобождая место для костра, сложила из тонких веточек пирамидку и положила сверху сухих листьев.

Роджер вынырнул у берега, метко бросил в стоящий котелок очередного рака.

— Я выхожу, так что, если стесняешься, отвернись.

Надя, схватив спички, пошла разжигать костер. На удивление он разгорелся сразу, словно ее горящие от смущения щеки добавили жара.

Роджер подошел к костру, натягивая на мокрое тело рубашку и отряхивая с волос воду. Потом повесил котелок с раками над костром и

присел, протянув к огню руки. Надя принесла пальто и набросила ему на плечи. Охотник удивленно обернулся.

— Холодно, не хватало еще заболеть!

— Я не болею.

— Это хорошо, но пока сиди и грейся. Только скажи, что делать.

— В ягдташе возьми соль...

Надя насыпала в котелок соли и снова села рядом. Охотник смотрел на реку. Похоже, молчание было его привычным состоянием. Надя тоже привыкла к тишине, немногословность спутника не тяготила ее.

Но поговорить и спросить хотелось о многом, и царевна не выдержала:

— Ты так спокойно говорил с Лешим... Не страшно было? Я думала, жрецы ведут себя с богами иначе.

Роджер усмехнулся:

— Не бойся богов, девочка. В людях они ценят лишь достоинство. Если в тебе этого не будет — они растопчут тебя. Забудь об угрозах. Я буду отвечать за твои слова.

— Не нужно, — она обреченно вздохнула. — Одним проклятием больше, одним меньше...

— Кто тебя проклял? Я думал, ты надежно спрятана в Черной башне.

— Милость и Пасиа Грина.

Роджер усмехнулся, и Надя поняла, что сказала глупость.

— Не спеши навешивать на себя проклятия богов, девочка. Пасиа Грина и Милость не сравнятся с Варман Тура. Чем они тебя напугали?

— Сказали, что когда я встречу своего суженого, то не узнаю его, а когда пойму, что это был он, — мы расстанемся навеки.

Роджер громко рассмеялся:

— Боишься не встретить больше Елисея? Ты еще ребенок, Надежда. Когда повзрослеешь, то поймешь, что не всегда любовь одна на всю жизнь. Люди могут любить и пять, и десять раз. И каждый раз любовь будет великой и истинной. Так устроены человеческие сердца.

— А сколько у тебя было «истинной любви»? — вспыхнула царевна.

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Успокою тебя, глупая. Многие думают, что Пасиа Грина внушает страсть, а Милость дарит любовь, но это не так. Они питаются человеческими чувствами, направляют их, но не создают. Если будешь любить своего Елисея достаточно сильно, то преодолеешь их проклятие.

Роджер поднялся, снял с огня котелок и отставил в сторону от костра. Наде разговоривать перестало. Охотник смеялся над ней, а ведь в глубине души она в самом деле хотела, чтобы ее суженым оказался Елисей.

— Раки сварились. Поешь.

...Наде снилось, что река вышла из берегов. Роджер куда-то пропал, а она лежит на берегу, скованная сном. Вена обернулась женщиной, подошла к Наде, обняла ледяными руками,дохнула в лицо влажным, пахнущим тиной дыханием...

Царевна застонала во сне, силясь очнуться. Теплая рука Роджера легла ей на лоб. Он сел рядом, прогоняя кошмар, и Надя придвинулась к нему ближе.

Тревожный сон не вернулся. Когда Надя проснулась, ей нездоровилось. К обеду у нее начался жар. Царевна не жаловалась, не хотела показаться неженкой.

На отдых они остановились на поляне у ельника. Надя с трудом проглотила несколько кусочков обжаренного боровика. Ее трясло, но царевна твердо намеревалась продолжить путь.

— Так мы далеко не уйдем, — покачал головой охотник.

— Я отдохну немного, и все наладится.

Говорила она без особой уверенности, и Роджер это чувствовал. Он прищурился, взвешивая что-то в уме.

— Тебе нужно отлежаться в тепле, а не бродить по лесам и тем более спать на земле.

— Я смогу...

— Остановимся у моего племянника.

Он поднялся, затоптал угли костра и поднял рюкзак.

— Твой племянник живет в лесу? Один?

— В нашей семье запутанные родственные связи. Он давно не ребенок и никогда не бывает один. Но будь осторожна с Маком. Он не тронет тебя, если сама не захочешь, но...

Охотник бросил на нее короткий взгляд, откровенно сомневаясь в ее способности противостоять чарам племянника. Наде стало смешно.

— Не думаю, что в мире есть кто-то красивее Елисея, — подразнила она охотника.

Роджер не улыбнулся.

Снова отправились в путь. Надя чувствовала себя так плохо, что даже возможность увидеть восхитительного племянника Роджера ее не воодушевляла. Хотелось только спать.

Царевна совершенно потеряла счет времени. Ей казалось, что они прошли совсем немного, но вокруг уже сгущались сумерки. Когда на фоне неба появился темный шпиль башни, уже совсем стемнело. Темнело и в

глазах. Надя все же потеряла сознание, потому что минуту назад шла за охотником, медленно переставляя ноги, а в следующее мгновение оказалось, что он несет ее на руках по внутреннему двору замка.

От Роджера пахло кожей, сухими травами, яблоками и немного потом. Надя слышала, как бьется его сердце. Часто, сильно и ровно. Этот стук убаюкивал. Ей казалось, что она плывет в лодке... Волны ласково качали, успокаивали...

— Просыпайся, девочка! Мы пришли.

Роджер бережно положил ее на кушетку. Надя открыла глаза.

Они были в холле большого замка. Слева от входа темнел пустой холодной пастью камин. По сторонам от него стояли низкие диваны, обитые золотистой парчой. На полу лежала пыльная медвежья шкура.

Справа от дверей стояла кушетка, на которую Роджер уложил царевну. Стеклопанель позади вела в оранжерею — за ней темнела зелень остролистных панадусов. Прямо от входа начиналась широкая каменная лестница. Она поднималась на двадцать ступеней вверх, разветвлялась и, поднимаясь к двум аркадным коридорам, вытягивалась вдоль стен в аркаду.

Камин был пуст и холоден, но комната уставлена свечами. Они стояли везде: на низких столиках, на подлокотниках диванов и кресел, в медных канделябрах и подсвечниках из слоновой кости, в серебряных мороженицах и в фаянсовых чашках. Надя не видела замок снаружи, но изнутри он казался огромным, словно выстроенным для великанов. Свет свечей не достигал потолка, углы холла словно растворялись в нем, и там, в темноте, царевне виделись новые двери и коридоры. Стены украшали картины, яркие и странные: на них тянулись к небу истонченные силуэты животных и птиц, смещались плоскости, выгибались пространства...

К ним навстречу лениво спускался по лестнице хозяин замка. Одет он был лишь в пижамные штаны и халат, распахнутый на груди.

Мак не годился Роджеру в племянники — он был моложе всего на несколько лет. Высокий, красивый и грациозный, как танцор. Они были похожи с Роджером: черты лица, черные волосы, но Мак был мягче в движениях, самоуверенней. Распахнутый халат открывал сильный пресс и загорелую грудь. Двигался он мягко и бесшумно, как кот.

Хозяин замка увидел Надю и остановился. Засунул руки в карманы пижамных брюк и наклонил голову, рассматривая ее. Чувственные губы тронула улыбка. Его взгляд Наде не понравился.

— Мак! Подготовь комнату, и пусть одна из твоих девок присмотрит за царевной.

Надя перевела взгляд на Роджера. Он стоял серьезный и властный.

Гостем себя он здесь не чувствовал.

— Хорошо, дядюшка. Что-то еще?

Голос у Мака был тоже кошачий. Низкий и рокочущий. Надя поняла, почему Роджер волновался за ее честь. Племянник был не просто красивым, он был соблазнительным и знал это. В отличие от Елисея, в Маке была животная, чувственная притягательность, как у героев романов, которые украдкой читала пани Ожина.

— Найди во что-то переодеться. И приготовь горячую ванну.

— Если ей, то не стоит. Она и так вся горит.

Роджер хотел возразить, но осекся.

— Отнести ее наверх или вы сами?

Охотник склонился к Наде.

— Закрой глаза, девочка, — неожиданно ласково попросил он.

Царевна подчинилась и снова впала в забытие.

Она не знала, сколько проспала, но, когда открыла глаза, за окном стемнело. Надя с трудом села на кровати и огляделась.

Незнакомая спальня. Широкая кровать, кушетка у противоположной стены и туалетный столик без зеркала. Все вокруг уставлено свечами, оставляющими на лакированных поверхностях лужицы воска.

Окно в комнату раскрыто настежь, впуская влажный ночной воздух, но Наде все равно было душно. Хотелось пить, кружилась голова, нос был заложен и болела ладонь.

Надя посмотрела на левую руку и с удивлением обнаружила на ней повязку. Размотала. Ладонь пересекала косая рана, но где и когда она появилась, Надя не помнила. Снова перевязала порез и поднялась с кровати.

От слабости подкашивались ноги, но жажда заставила царевну собраться с силами. Воды в комнате не было, и Надя вышла в коридор. По обеим сторонам уходящего в бесконечность коридора тянулась бесконечность открытых дверей.

Надя шла между ними и за каждой видела одинаковые пустые спальни с разостланными кроватями, кушетками и трюмо без зеркал. Она была слишком измучена, чтобы удивляться. Надя шла и шла, а коридор не заканчивался. Тогда царевна свернула в первую попавшуюся комнату...

Она переступила порог и внезапно оказалась в бальном зале, наполненном сладкопахнувшим дымом. Двери на террасу были распахнуты, но воздух словно останавливался на пороге, не решаясь войти в зал. От обилия свечей, подвешенных под высоким потолком на многоярусных

канделябрах, было тяжело дышать. Зеркала на стенах преломляли, множили и дробили пространство, лишая его границ. Посреди зала на диване с золотопарчовой обивкой сидел Мак. На нем были все те же пижамные штаны и распахнутый на груди халат, словно весь замок — его большая спальня.

Вокруг Мака двигались в медленном танце обнаженные, одурманенные женщины. Мак не трогал их. Он пил зеленый напиток из бокала и, по-кошачьи щурясь, любовался танцовщицами. Мак увидел Надю, улыбнулся и поманил к себе рукой.

Идти к нему совершенно не хотелось, царевна отступила на шаг назад, еще на один, пока не почувствовала спиной наглухо запертую дверь.

Мак одним глотком допил из бокала, встал и пошел к ней навстречу. Огромный зал он пересек в несколько шагов.

— Испугалась? — с улыбкой спросил он, останавливаясь совсем близко.

— Я искала Роджера.

— Его здесь нет.

— Хорошо. Тогда извините, что помешала...

— Мне скучно с ними. Пойдем.

Он наклонился к ней, Надя почувствовала аромат полыни и жасмина, вжалась спиной в дверь, готовая бежать, но Мак просто толкнул дверь за ее спиной. Они оказались в коридоре.

— Я видел его на террасе. Сюда!

Все в ней кричало: беги! Но Мак вел себя пока достаточно вежливо, и Надя пошла за ним. На террасе было пусто. Царевна повернулась, чтобы уйти, и Мак преградил ей дорогу.

— Ты избегаешь меня?

— Да, — честно ответила царевна.

— Что-то не так? Почему я неприятен тебе?

Голос у него был завораживающий, но Надя не поддалась.

— Ты прекрасен, Мак, но мне не нужен. Я ищу Роджера.

— Любишь его?

— Нет. Но и тебя мне не надо. Твой зал полон красивыми женщинами. Зачем я тебе?

— Ты особенная для дядюшки, а значит, и для меня.

Он перестал улыбаться.

— Я нравлюсь тебе? — Он наклонился так близко, что Надя почувствовала его дыхание. — Я всем нравлюсь, милая, так что не бойся своих желаний. Мой дядюшка крепко спит, он не помешает нам, не узнает о

нас...

Мак приблизился к ее губам, но царица отшатнулась.

— Не хочу.

Она оттолкнула его от себя и вдруг... проснулась.

За окном вечерело. Солнце уже опустилось за лес, но еще было светло.

Царица села на кровати, провела рукой по лбу. Температура спала. Простыни и ночная рубашка были мокрыми от пота. На туалетном столике стоял графин с водой. Она спрыгнула с кровати и бросилась к нему. Пила жадно, вода текла по уголкам рта, по шее, капала на ночную рубашку...

Надя вышла в коридор. Она нашла туалетную комнату. Там же, в серебряном тазу была вода. От нее пахло илом, но Надя все равно умыла лицо и шею.

В коридоре было пусто. На этот раз двери всех комнат были плотно закрыты, и коридор не был бесконечным — царица дошла до лестницы, спускающейся вниз.

Она думала, что выйдет в холл, но оказалась на кухне.

Холодные печи заставлены кастрюлями и сковородками. У стола, присыпанного мукой и пылью, спали, прислонившись к стене, две кухарки. Тучные женщины с сильными руками, сладко похрапывали во сне, склонив друг к другу головы. Надя прошла мимо.

Из кухни короткий темный коридор вел в обеденный зал. В центре стоял стол, уставленный серебряными приборами. Содержимое тарелок, блюд и бокалов давно высохло и заплесневело. За столом, откинувшись на спинки стульев или улегшись на сложенные на столе руки, спали люди. Мужчины и женщины в богатых старомодных костюмах. Наде стало страшно.

Она, почти не дыша, прошла через зал, с трудом открыла большие стеклянные двери, ведущие в холл, и вдруг снова оказалась в знакомом бальном зале.

Женщины, которых она видела раньше, уже не танцевали. Они застыли в причудливых позах, и, подойдя ближе, царица поняла, что это были не люди, а восковые, очень точные статуи. Она уже готова была бежать, но увидела Мака. И он увидел ее.

Его диван превратился в трон. Вытянулся вверх, золотистая обивка превратилась в позолоту. Мак протянул к ней руку все в том же призывном жесте. Царица замерла. Картины на стенах растаяли, как свечной воск, поползла вниз по стенам краска, растеклась по полу, подступила к босым ногам девушки. Надя попятилась.

— Смотри, теперь здесь никого нет, — шептал Мак у нее в голове. — Представь, что спишь. Поддайся соблазну. Хоть во сне позволь себе мужчину, который тебе нравится!

Надя позволила. Захотела увидеть его здесь и сейчас!

Роджер, появившийся у подножья трона, был из воска, но Мака это привело в восторг.

— Значит, вот кого ты хочешь? Предпочтешь его мне?

Царевна вздрогнула и... проснулась.

И снова знакомая спальня.

Надя рывком встала с постели, подошла к окну. Ночь. Внизу под замком — лес. На безоблачном небе — луна. Надя сильно ущипнула себя за запястье и вскрикнула — было больно.

Она боялась выходить из комнаты, но оставаться внутри не было смысла. Нужно было найти Роджера и выход. Что бы ни происходило в этом замке, но пора бежать! Это ловушка, о которой предупреждал волчий пастырь? Очень похоже. Но ловушка рассчитана не на нее. Мак играет с ней, как кот с мышью, но не ждет, что она может дать отпор. Да и как его дать...

Коридор снова вытянулся в бесконечность. Снова сон?

Она медленно шла между комнат. Останавливалась, прижималась ухом к дверям.

— Все получилось?

В ответ — женский смех.

— Ты уверена?

За дверью шаги. Надя отпрянула от двери и... проснулась.

И снова коридор. Снова распахнутые пустые комнаты, она бежит мимо них, добегают до лестницы и бежит вниз, снова и снова, поворачивает на пролетах, кажется, что здесь не может быть столько этажей, но лестница не заканчивается. Надя садится на ступени, до крови закусывает губы и... просыпается.

Губы кровоточат. Она вновь идет по коридору. Все двери заперты.

— Роджер! — зовет Надя. — Роджер, пожалуйста, отзовись!

За дверью слева она слышит стон.

Царевна толкает ее, и дверь поддается. Вокруг пустой каменный зал, похожий на подземелье. Стены, как гирляндами, увешаны цепями. Пусто, только стоит в середине комнаты каменная кровать.

Стон и шепот — беги!

Она подходит к кровати. У изголовья и в ногах к каменной решетке прикованы пустые кандалы. Ждут. Кого?

Шаги в коридоре... и Надя вновь просыпается.

Ночь. Из раскрытого окна в комнату влетает сквозняк.

— Эол! — Она осеклась.

Мокошь сказала, что ей нельзя просить о помощи. Сколько времени она здесь? Сколько длится ее кошмар?

Надя прикасается ладонью ко лбу — жара больше нет. Очень хочется есть. Обреченно выходит из комнаты, идет по коридору к лестнице. В этот раз пролет лишь один, он спускается вниз, и она вновь в коридоре. Надя не выдерживает.

— Роджер!

Эхо ее крика глухо замирает в стенах, оббитых шелковыми обоями.

— Роджер!

Замок начинает мелко дрожать.

— Ты меня слышишь? Пожалуйста, отзовись! — почти плачет она.

Надя не видит Мака, но чувствует на затылке его взгляд.

«Если во мне есть хоть капля волшебства, того, о котором говорит весь Край, то пусть все это закончится!»

Не обращая внимания на приближающиеся шаги, царевна до боли закусывает нижнюю губу, по подбородку течет кровь. Надя провела рукой по губам, а потом — окровавленными пальцами по стене перед собой. Ей в лицо ударил порыв холодного осеннего ветра. Она была на террасе. Наконец-то свежий воздух! Холодно до озноба, внизу, прямо под балконом, течет река. Тускло серебрится под лунным светом вода. Слишком высоко для прыжка, но, если это последняя возможность бежать, — она прыгнет!

На террасе пахнет апельсинами. От голода желудок свело спазмом. Она подождала, справляясь с болью, и обернулась в поисках фруктов. В глубине балкона, у стены, стоял плетеный столик и два кресла. В одном из кресел кто-то сидел. Надя замерла, но человек не шелохнулся. В темноте она лишь угадывала очертания тела. Это Мак? Он не стал бы таиться, тогда...

Царевна запретила себе надеяться, даже в мыслях не позволила подумать о том, кто это. Шаг. Еще один. Сердце как бешеное застучало в груди.

...Роджер спал, откинувшись в кресле. В онемевших от усилия пальцах он сжимал ружье.

Его светлая кожа совсем побелела, и у Нади перехватило дыхание от страха. Она дрожащей рукой коснулась его щеки, и Роджер поморщился во сне. Надя чуть не расплакалась от облегчения. Она ласково провела рукой по его плечу.

— Роджер!

Он глубоко вздохнул, словно вот-вот проснется, но не проснулся, и Надя затрясла его, сильнее и сильнее.

Ресницы охотника задрожали, он открыл глаза и снова закрыл. Царевна ударила его по лицу, так что заболела ладонь. На щеке остался след.

— Роджер! Проснись!

Надя взяла его лицо в ладони.

— Роджер, миленький, не спи!

Он открыл глаза, он с трудом сел. Надя поддержала его за плечи.

— Я спал? — хрипло спросил он. — Нет... Я на мгновение...

Он снова закрыл глаза, он снова засыпал. Надя поняла, что не справляется. Она схватила со стола графин и вылила ему на голову. Апельсиновый сок потек по лицу и густым волосам, по шее за шиворот. Роджер открыл глаза.

— Нам надо уходить, девочка.

— Знаю!

— Помоги мне.

Надя подставила плечо.

— Куда идти? Ты помнишь?

Он поднялся на ноги и вновь стал падать на кресло, потер глаза, потрянул головой...

— Сейчас. Дай мне время...

Надя не стала ждать. Она забрала у него из рук ружье, закинула руку Роджера себе на шею и с трудом потащила его прочь с террасы.

На этот раз Мак был не один. В конце коридора, в полумраке за его спиной стояла женщина. Она прислонилась спиной к стене, лениво слушая их разговор. Надя видела лишь силуэт.

— Оставь его здесь, девочка, и я отпущу тебя! — сказал Мак.

Надя оставила Роджера сидеть, прислонившись спиной к стене. Остановилась между Маком и охотником, взялась обеими руками за ружье и обнаружила, что держит в руках ножны. Не было времени на сомнения, царевна выхватила меч из ножен.

Прямой, обоюдоострый, узкий, из незнакомого переливчатого металла.

Словно под каплями дождя расходились неровные круги по глади осеннего озера, а затем кто-то превратил воду в металл и выковал из нее меч. Металл тускло блестел, отражая лунный свет.

— Амэ-но муракумо-но цуруги, — сказала незнакомка.

— Вижу... — недовольно заметил Мак.

Надя крепче перехватила рукоять, подняла меч.

— Мы уходим!

Мак улыбнулся, склонил голову набок, явно забавляясь.

— Ты мила в своей глупости, девочка. Хочешь, останься со мной? Я веселей дядюшки, поверь. Со мной тебе будет хорошо.

Надя рассмеялась:

— Сколько раз мне нужно отказать тебе?

Мак пошел ей навстречу.

— Ты пожалела волков в лесу, так неужели поднимешь оружие на человека?

— Нет.

Надя взмахнула мечом и ударила по стене. Лезвие рассекло шелк обоев, как плоть. Из стены брызнул апельсиновый сок...

— Стой, дура! — крикнул Мак.

Надя выставила руку с мечом вперед. Женщина в темноте рассмеялась.

— Отпусти нас! — потребовала царица.

— Оставь их, — тихо приказала незнакомка. — Роджер проснулся.

Воздух вокруг был пропитан апельсиновым ароматом. Сок, не прекращая, сочился из раны на стене. Мак улыбнулся, но глаза его оставались змеиными.

— Извини, если моя шутка напугала, царица. Идите!..

Стены выгнулись, как раненая кошка, со звоном посыпались на пол подсвечники в комнатах, ударил в раскрытые окна ветер...

...Надя и Роджер вдруг оказались под открытым небом. Вокруг ссутулились древние, поросшие мхом камни — остов старого фундамента. Ночь. В небе висит молодой месяц. У подножья холма шумит, перекачиваясь через камни, река. Охотник застонал.

— Роджер, миленький, ты как?

Он сел, провел руками по лицу. Сознание медленно возвращалось. Роджер уже не проваливался в забытие, провел взглядом по развалинам вокруг, увидел в руках Нади обнаженный меч, перевел взгляд с ее запястья на голую руку, на изможденное лицо, задержал взгляд на кровоточащих губах. Нахмурился.

— Прости, девочка.

В воздухе висел тонкий металлический звон. Надя не понимала, в самом деле слышит его или это звенит у нее в ушах от усталости. Она обняла Роджера за шею, уткнулась лицом ему в ключицу и разрыдалась.

Он смутился. Только бережно забрал из рук меч и ножны и неловко погладил по волосам свободной рукой.

Надя обняла его еще крепче.

...Царевна наконец отпустила его, вытерла мокрые щеки. Роджер прикрыл ее своей курткой. Потом посмотрел на Надины босые ноги и отдал сапоги. Она не пыталась казаться сильнее, чем есть, покорно приняла все.

— Пойдем дальше? — несмело предложила царевна.

Спрашивать о случившемся в замке Мака не хотелось, она видела, насколько сердит Роджер.

— Может, поспишь? — предложил охотник. — Тебе нужно отдохнуть. Пойдем утром.

Надя замотала головой, вцепившись пальцами ему в запястье.

— Я не хочу снова засыпать! Пожалуйста, не заставляй меня!

Роджер неохотно кивнул.

Они пошли от развалин вниз по склону.

Скоро начало светать.

Надя никогда так не радовалась рассвету. Все время пока они шли, она боялась проснуться, боялась, что побег ей приснился, но сейчас, глядя на бледнеющее небо, наконец вздохнула спокойно.

Они снова шли по еле заметным тропинкам. От земли поднимался легкий туман, лес наполнялся светом, блестели паутины, трещали птицы. Все произошедшее в замке Мака казалось злым сном.

Лес вокруг редел, тропинка спускалась в низину. Они вышли к роднику, немного передохнули, напились воды, Роджер смыл с волос и шеи сладкий запах апельсинов.

— Не отпускай моей руки, — приказал он Наде.

Тропинка вела вниз. Ельник сменился коренастыми деревьями, вцепившимися в землю кривыми корнями, как хищные птицы. Тропинки путались в частом подлеске. Земля под ногами влажно чавкала, словно облизывалась в предвкушении обеда. Теплый, влажный воздух дурно пахнул протухшими яйцами.

— Мы зашли в болото? — не удержалась царевна.

— Похоже. Нужно скорее подняться на возвышенность.

Они старались! Но в булькающих звуках Надя все четче различала шепот. Роджер ускорил шаг, и ей приходилось почти бежать следом. В тумане впереди зажегся голубой огонек.

— Роджер, что это?

— Свечи покойников.

— Что?

— Болотные огни, девочка. Кикиморы рядом.

Надя обернулась. Но в тумане, заполнившем низменность как молоко стакан, нелегко было что-то различить. Роджер резко остановился. Подтолкнул Надю к стволу низкорослой вербы, а сам снял с левой руки кольцо. Протянул его царевне.

— Надевай.

Кольцо было узкое, железное, без узоров и гравировок. Надя не помнила, чтобы видела его раньше, оно было неприметным. Она взяла его в руки, повертела.

— Зачем оно мне?

— Я нарушу обещание, которое ты дала лесному хозяину. Кольцо оградит тебя от проклятий. Довольно с тебя Пасии Грины и Милости.

— Оно чародейское, да?

Роджер не ответил. Он достал из ножен меч, становясь к Наде спиной. Царевна поспешила надеть кольцо.

Голубых огней становилось все больше. Охотник застыл в напряженном ожидании.

— Кикиморы... Какие они?

— Проклятые дочери. Брошенные девочки, возненавиденные матерями. Почти сестры, да?

Он посмотрел на нее через плечо острым коротким взглядом, усмехнулся. От его злой шутки, от того, как блестели его глаза, Наде стало спокойней.

— Боишься, девочка?

— Нет. Пока ты со мной.

Роджер тихо рассмеялся.

— Ладно. Тогда, что бы ни случилось, не двигайся. Представь, что стала деревом, и оставайся здесь. Поняла?

Что-то прыгнуло на них. На долю секунды раньше, чем кикимора достала до Нади, Роджер развернулся и рубанул наотмашь. Брызнула алая человеческая кровь, залил Наде глаза. Царевна зажмурилась, но осталась стоять. А вокруг засвистел, разрезая воздух, меч.

Царевна поднесла к лицу дрожащую руку, вытерла с ресниц кровь и

открыла глаза.

Казалось, что все голубые огоньки, минуту назад незабудками расцвечивавшие туман, превратились в болотных баб. Роджер двигался быстро, как ветер, металл свистел, рассекая воздух и влажно впиваясь в тела созданий, наводнивших поляну.

Они были похожи на старух. Сухие скрюченные тела были человеческими, на них даже были цветастые юбки и платки, а ноги петушинные, большие, с острыми когтистыми шпорами. Лисьи морды, излишне вытянутые, с подвижными носами и клыкастой пастью, оскалились. Они издавали каркающие звуки, похожие на смех, и не сводили с Нади насмешливых взглядов черных звериных глаз.

Роджер развернулся и одним сильным красивым движением отсек ближайшей к ним кикиморе голову. Та покатила по земле. Времени бояться не осталось. Охотник протянул Наде руку.

— Бежим!

Казавшиеся сухими участки тропы вдруг ныряли в илистую воду, ноги скользили по дну. Туман стал плотнее, окутывал мокрой паутиной, лип к телу, оседал скверно пахнущей водой на лице, склеивал ресницы, мутил взгляд. Голубые огни сдвинулись, окружили подвижным хороводом. Надя перестала понимать, где они находятся, где право, где лево — лишь туман вокруг да вода под ногами. Но Роджер уверенно увлекал ее за собой, дальше и дальше в болото.

На этот раз кикимора почти дотянулась. Царевна почувствовала прикосновение к спине, отпрыгнула в сторону, вырывая свою руку из рук охотника. Кикимора промахнулась, по-птичьему приземлилась рядом. Роджер разрубил ее пополам. От запаха крови и разрубленных кишок девушку стошнило. Спазмы сжимали желудок и горло. Во рту стало горько и противно. Надя сплюнула. Роджер прикрыл ее собой, но бежать было поздно. Их окружили.

Туман вокруг наполнился тенями, смехом и шепотом.

Начитавшись сказок, Надя думала, что кикиморы живут поодиночке, но здесь была целая стая. Их скрюченные тела выгибались, сильные петушинные ноги отталкивались от земли, и это мог быть смертельный удар, если бы они хоть раз достали.

Роджер был быстрее. Он рубил сверху вниз, закручивал меч мельницей и снова бил снизу вверх наискось, уходил от удара. Он был точен, ловок и ничего не боялся. Надю била дрожь, но больше ни одна из тварей не могла приблизиться к ней. Роджер делал невозможное — он успевал...

Нечисть брала количеством. Отсеченные когти отрастали прямо на

глазах, отрубленные лапы и головы катились прочь, чтобы в тумане прирасти к другим телам, и вновь к ним шли страшные, трехрукие, двухголовые болотные бабы.

Одна из кикимор вдруг сама бросилась на меч, клацнула лисьими зубами у лица Роджера, вогнала когти ему в плечи. Охотник качнулся назад, уперся ей в грудь ногой и оттолкнул от себя. Чудовище в упоении завывало, отпуская человека и хватая лапами меч. Он выскользнул из окровавленных, онемевших от напряжения пальцев Роджера и остался в теле кикиморы. Охотник рванулся следом, но болотницы уже оттащивали сестру в туман, в тину, унося оружие.

Надя перестала дышать. Все. Их путешествие закончилось.

Роджер отступил на шаг, на два. Остановился рядом с девушкой. Надя схватила его за запястье.

— Прости меня, — одними губами попросила царевна, потому что сухое горло не выпускало звуков.

Лицо Роджера побелело от ярости. Таким исступленно злым она его еще не видела.

Он посмотрел на окружающих их кикимор, выругался и выдернул руку из Надиных пальцев. Он вдруг сделал шаг навстречу болотницам и громко что-то прокричал на незнакомом языке.

Кикиморы встали.

Роджер вновь повторил. И еще раз. Громко и отчетливо.

Надя ничего не понимала, но кикиморы поняли, они сжали кольцо, воя и рыча, бросились на людей. Роджер обернулся к Наде, обнял, закрывая телом, подставляя кикиморам спину...

Болото вдруг забурило, с громким плеском между людьми и нечистью из топи вынырнули две ссохшиеся коричневые фигуры. Кикиморы врезались в них, разорвали на части, но мертвецы не сдались, повисли на болотных бабах, впились зубами в ноги, руки и шеи. Кикиморы завывали.

— Роджер, их слишком мало!

Охотник не ответил.

С влажным чавканьем расступилась топь, выпуская еще одного мертвеца, и еще... По воде, по жидкой грязи болота пошли пузыри. Коричневые, сухие мертвецы вставали из болота, хватали кикимор, грызли, впивались отросшими ногтями в тела. На них были ржавые латы, из спин торчали обломанные древки стрел. Царевну трясло, но она не могла отвести взгляда от кровавого ужаса вокруг. Поляна наполнилась воем и влажным чавканьем.

— Пойдем. — Роджер обнял ее за плечи. — Здесь все закончится без

нас.

— А как же твой меч?

— Он найдет меня сам.

— Он тоже чародейский?

— Он — мой. А вещи, истинно принадлежащие хозяину, всегда приходят обратно. Ты еще научишься этому, чародейка.

Роджер еще раз бросил взгляд через плечо, увлек Надю прочь.

Шли молча. В голове у царевны было пусто. Она должна была о чем-то подумать, задать вопросы и непременно получить ответы, но могла лишь считать шаги, выравнивая дыхание. Почва под ногами пошла вверх, стала твердой. Роджер остановился, обернулся к царевне, наклонился, заглядывая ей в глаза.

— Не спрашивай, — попросил он.

Охотник устал и как будто стал старше от этого. Возле глаз проступили мелкие морщинки, на левом виске и скуле — брызги чужой крови. Царевна слабо кивнула и пошла вперед по тропе.

Через час остановились у ручья. Спички остались в потерянном ягдташе, так что костер разводить не стали.

— Роджер, покажи мне спину.

Он покачал головой:

— Это царапины. Сами заживут.

— Я слишком устала, чтобы спорить. Иди сюда! — потребовала Надя.

Он сдался. Смущаясь и хмурясь, снял рубашку, повернулся к ней спиной. Раны не глубокие, но спина была исполосована. Пропитанную кровью рубашку Надя отложила в сторону. В двух местах под кожей остались когти кикимор. Царевна вытаскивала их пальцами, впиваясь в открытые раны. Плечи Роджера напрягались от ее прикосновений, но он ни разу не закричал.

Надя промыла раны водой из ручья. Приложила холодные листья подорожника. Перебинтовала полосами ткани, оторванными от подкладки куртки.

— Тебе нужно к доктору. Нам далеко до города? До любого?

— Каст еще в двух днях пути. Можем свернуть в Мироград.

— Тогда идем в Мироград.

Он внимательно посмотрел на царевну.

— Тебя там поймают, понимаешь ведь?

— Пусть. Мне хорошо жилось в моей башне.

— Нагулялась? — насмешливо прищурился Роджер.

— Да, — покорно согласилась Надя. Она оперлась спиной о ствол ивы и устало закрыла глаза. За последние дни ее сильно утомили насмешливые реплики и улыбки.

Царевна оцепенела от усталости, но страх попасть во власть Мака, вырывал ее из дремоты, заставляя сердце стучать, как у пойманной птицы.

— Не бойся. Больше ничего плохого тебе не приснится, — сказал Роджер.

Надя не спешила верить. Выпрямилась, попыталась бороться со сном.

— Роджер... Ты ведь не охотник, правда?

— Нет. Не только.

Он ждал расспросов, смотрел прямо, готовый к разговору, но Наде в эту минуту было все равно. Он стал для нее родным за последние дни, она не хотела знать о нем ничего плохого.

Кажется, царевна закрыла глаза лишь на минутку, чтобы дать им отдых, но вот уже ей снится сон. Ей чудилось, что Роджер сел рядом, подставив плечо, что он гладил ее по волосам и звенели в лесных кронах невидимые струны... А потом кто-то приходил на поляну и Роджер говорил с ним тихо на незнакомом языке...

Утром обнаружилось, что ночной гость принес Роджеру ботинки и потерянный в болоте меч. Вопросов царевна не задавала, предчувствуя, что ответ ей не понравится.

На завтрак попили воды из ручья и сразу двинулись в путь. Спустя полчаса вышли к реке.

— Хочешь, я наловлю тебе рыбы? — спросил охотник.

Надя отказалась, готовить ее все равно было не на чем. Тогда Роджер спустился вниз по течению к заливному лугу и вернулся с грибами. Есть их пришлось сырыми, но царевна не жаловалась.

— Роджер, ты слышал, зачем я нужна Анку?

— А что?

— Я должна знать. Кто я ему? Зачем я ему? В Варте говорили, что я его дочь...

Роджер поперхнулся, долго откашливался.

— Нет. Ты ему не дочь, — наконец ответил он, глядя на царевну со снисходительной усмешкой.

— Тогда кто? Любовница?

Он рассмеялся.

— Ты думаешь, богу мертвых нужна в любовницы шестнадцатилетняя девчонка?

— Что тогда?

Он не хотел рассказывать, но Надя не отводила требовательного взгляда, и Роджер сдался.

— Я слышал в храме Анку в Морин-Денизе...

— Что?

— Ты — его невеста.

— Кто?!

Царевна вскочила на ноги, рассыпав по земле грибы.

— А что? Не хочешь замуж за бога?

— Нет! Конечно же, нет!

— Чем он плох, по-твоему? Боги могут принимать любой облик. Может, при встрече окажется симпатичным парнем. Боишься, потому что он царь мертвых?

— Нет, конечно! Дело не в том! Мне нравится другой человек...

— И кто же? Елисей?

Он был не прав, но рассказывать ему о своих чувствах она не собиралась.

— А чем плох Елисей? — с вызовом спросила царевна.

Роджер криво усмехнулся.

— И что же в нем хорошего, девочка?

— Он смелый и добрый. Он красивый!

— Смелый? Откуда тебе знать? Ты не видела его в опасности.

— Он вынес меня из дворца, после взрыва.

— Это был не он. Все знают, что тебя подобрали на внешней лестнице.

— Кто «все»? Откуда ты знаешь?

— Добрый ли он? Может, и да. Не трудно проявить заботу о красивой молоденькой девушке. А вот что он потребовал бы в благодарность за доброту?

— Хватит говорить о нем гадости! Да что на тебя нашло, Роджер?!

— Красивый? Этого достаточно? Ах, о чем это я? Тебе шестнадцать, конечно, достаточно!

— Роджер, если бы ты не годился мне в дяди, я решила бы, что ты ревнуешь.

Он нервно рассмеялся.

— Как думаешь, насколько я тебя старше?

— Лет на десять, не меньше.

— Да, почти угадала. Это не ревность, девочка. Я взрослый мужчина, нет в тебе ничего, что может заставить биться мое сердце сильнее.

— А оно бьется, верно?! Я чувствую это сердцебиение!

Надя ждала резкого ответа, но он вдруг по-настоящему испугался,

прижал ладонь к своей груди.

— Роджер, ты в порядке?

Слева в кустах что-то зашевелилось, зашуршало. Блеснули глаза, а потом на поляну вышел кот. Надя открыла рот от удивления.

Кот был тощий, облезлый. На шее у него болтался обрывок прогнившей веревки. Откуда посреди леса взялся этот бедолага?

— Бедненький! — Надя присела, протянула руку. — Иди сюда, маленький. Кис-кис-кис!

Но кот не подходил. Он сел в нескольких шагах от людей и внимательно их рассматривал.

— Это же не оборотень? — на всякий случай спросила царевна.

— Нет.

— Тогда что он делает посреди леса?

— Похоже, где-то рядом живут люди.

Надя протянула коту кусочек гриба, но тот не польстился. Посмотрел на царевну зелеными глазищами, мяукнул. Она попыталась медленно приблизиться к животному, но кот тут же вскочил, отбежал на два шага в сторону.

— Нужно его поймать и снять веревку с шеи. А то зацепится где-то и задушится.

Роджер поднялся на ноги.

— Пойдем ловить.

Кот отбегал на несколько шагов, замирал, оглядывался на людей, проверяя, идут ли, и снова отбегал.

— Он нас куда-то ведет.

Роджер в ответ лишь пожал плечами.

— Если хочешь, пойдем своей дорогой.

— Нет. Давай посмотрим, что там. Может, кому-то нужна помощь.

— Коты не собаки. Он не будет звать на помощь.

Но царевна все равно пошла следом, и охотник не спорил. Они снова вышли на берег реки, только выше по течению. Здесь, вытянувшись по холмам, стояла огороженная прогнившим частоколом деревня.

— Привет!

Эол появился прямо из воздуха, отвесив им театральный поклон. У Нади от его голоса заболели зубы.

— Здравствуй, Легкокрылый.

— И ты будь здоров, охотник!

Но бог-ветер на Роджера даже не взглянул. Он остановился перед девушкой и, усмехаясь, покачивался на пятках. Надя поклонилась, закусив

губы, чтобы не выдать досаду.

— Соскучился я за тобой, — сказал Эол. — Ну? Что новенького?

Царевна отвечать не стала.

— Вот поэтому ты и рассердила сестричек. — Бог сделал вид, что обиделся. — Ты ужасно невежливая.

Он повернулся к Роджеру:

— Ты бы объяснил девочке, как нужно говорить с богами.

— Непременно.

— Чудненько! Прогуляюсь-ка я с вами.

Роджер с Надей промолчали.

Деревня стояла на правом берегу Вены. Река в этом месте растеклась, затопила поросшие камышом берега, образуя широкую заводь. Деревня когда-то была живописной. Дома еще сохранили резные коньки и остатки голубой краски. Но заборы завалились, заросли бурьяном дворы и главная улица, сгорбились одичавшие яблони в садах.

Но деревня еще жила.

На черных лоскутах огородов работали бабы, собирая остатки урожая в камышовые корзины. Сидели на завалинке двое стариков, исподлобья рассматривая чужаков. Взрослые мужчины собрались на берегу. Двое зашли в реку, ставя сети. Остальные сидели, рассеянно глядя на воду. Надя подумала, что они рыбачат, но удочек не увидела. У лесной опушки девочки играли с кукурузными куклами, замотанными в тряпки. Дети были такими же худыми и остроплечими, как и их игрушки, и одежда их больше напоминала лохмотья.

Кот бросил на них грустный взгляд и побежал к уже завалившейся избе на краю деревни. Надя сбавила шаг, остановилась. Роджер тоже остановился, щурился, разглядывая деревню и людей.

— Что здесь происходит? — спросил Эол без тени иронии.

— Скоро узнаем. Пошли! — хмуро ответил охотник.

Дом старосты — большой, запущенный, с разобранной соломенной крышей — стоял посреди деревни напротив колодца.

Старик не пустил их в дом. Вышел навстречу с древним кремневым ружьем наперевес. Надя видела на оружии ржавые пятна и была почти уверена, что оно не стреляет.

— Кто такие? Откедова приперлись?

— Идем в Каст, — ответил Роджер. — Пан староста, хотим у вас на ночлег остановиться, и может, накормите нас, чем боги пошлют?

— Жратвы нет. Самим не хватает.

Надя хотела возразить. Они же только что видели, как за избами сушится рыба, но Эол дернул ее за руку и она промолчала.

— Тогда переночуем. Пустите? Я видел у вас пустые дома.

Староста пожевал губы, затем равнодушно махнул рукой.

— На выгоне изба стоит. Токмо там неупокоенные ходют. Живых не трогают, не бойтесь. Там ночуйте!

Эол посмотрел на Роджера. Охотник сжал кулаки, оставлять старосту в покое он не собирался.

— Что-то я у вас погоста не видел, пан староста.

Старик уже терял к ним интерес. Он опустил ружье и все чаще смотрел в сторону реки.

— Нам погост ни к чему. Покойников в реке топим.

— Потому они у вас и шастают потом по деревне, — пробурчал Эол.

Староста повернулся к ним спиной, давая понять, что разговор окончен, но Роджер уходить не спешил.

— И храма у вас нет, покойников отпевать?

— Нам не надо. Иди уже, гостюшка, — совсем не ласково попросил старик, хмурия кустистые брови.

Староста скрылся в избе. Роджер выглядел задумчивым и сердитым.

— Мы правда пойдем спать в ту избу? — с опаской спросила Надя.

Роджер ее вопроса не слышал, он пошел по улице, время от времени поглядывая на реку. Ответил Эол:

— Верь мне, как богу, девочка: покойники нам не страшны, даже неупокоенные. Интересно другое, с чего тут все такие одурманенные ходят?

Надя вздохнула и пошла за Роджером.

Эол оставил их на деревенской площади. Пропал в воздухе, будто его и не было. Надя даже не удивилась.

Изба не выглядела местом, пригодным для ночевки. Соломенная крыша была разобрана. Ветер и дождь вырастили в земляном полу заросли бурьяна. Печь покосилась и завалилась набок. Лавки и стол давно сгнили, но Роджера это не смутило. Он сел на развалины печи. Царевна замялась, остановилась в дверях.

— Заходи, — сказал Роджер.

— Мы будем здесь спать?

— Я хочу посмотреть на местных покойников. Подождем.

— Покойников? Призраков?

— Если неупокоенные, то это не призраки, девочка. Живые мертвецы.

В назначенный час жизнь их закончилась, но по какой-то причине душа не смогла покинуть тело. Живые им не интересны, не бойся.

Говорил он спокойно, даже буднично, и Надя пообещала себе не показывать страха. Если Роджер не боится, значит и ей не стоит.

Мертвец пришел, когда солнце скрылось за горизонтом.

На улице еще было светло, догорало небо на закате, желтым и малиновым. Скрипнули доски на чердаке, и к ним спрыгнул кот, тот самый, что привел их в деревню. Он подошел к Роджеру, потерся о его ноги, но, когда Надя наклонилась, чтобы снять веревку с его шеи, отпрыгнул в сторону, сверкнув зелеными глазами.

Неуспокоенный, тяжело прихрамывая, переступил порог и остановился. Роджер поднялся ему навстречу.

В сгустившихся в избе сумерках Надя различала лишь седые волосы и белую рубаху в темных пятнах. Ни горящих глаз, ни хищного оскала царевна не увидела. Мертвец походил на тихого и очень уставшего человека.

Охотник подошел к нему, бесцеремонно распахнул рубаху, и Надя увидела темную дыру в груди на месте сердца.

Роджер смягчился. Он похлопал покойника по плечу. Невесть откуда вынырнувший кот снова потерся о ноги охотника, словно прося о чем-то.

— Иди отсюда, — приказал Роджер беззлобно и печально, и мертвец послушался. Повернулся к ним спиной и медленно побрел по улице.

Царевна выглянула в окно.

Таких несчастных теней к реке стекалось не меньше десятка с разных концов деревни. Надя подошла к Роджеру, робко тронула его за локоть.

— Ты понял, что с ними?

— Русалка.

Надя ждала объяснений. Он обернулся и тяжело вздохнул.

— Их уже не спасти, девочка. Ни мертвых, ни живых. Эта тварь понемногу выпивает души. Нельзя освободить людей, не убив русалку, а убить ее человеку не под силу.

— Почему?

— Потому что такие это твари, девочка. Ложись спать.

— Постой! Неужели совсем ничего нельзя поделать?!

Роджер вздохнул.

— Можно. Отчего нельзя? Попроси об этом своего хозяина — Анку.

— Мокошь сказала, что, если я обращусь с просьбой к богам, это даст им власть надо мной и вонзит нож в спину моего ближнего...

— Тогда ложись спать.

Он поднялся и вышел из дома. Надя осталась одна. Она села на холодный пол, обняла колени и стала смотреть в светлеющий провал окна.

Остров Вит — крайняя южная точка Яблоневого Края. Слишком маленький и неровный для пастбищ и полей, он никому не принадлежит. Там живут отшельники и дикие козы. Туда хотела отправиться Надя.

Просто жить. Без стен, без стражи. Самостоятельно выбирая, что надеть, что съесть и с кем говорить. Она больше года мечтала об этом, как отказаться в одночасье?

Может, именно этого хотел от нее бог-мертвец? Не приходил, ожидая, чтобы сама позвала? Если Роджер прав и все люди — заложники собственной судьбы, тогда все пережитое за последнее время вело лишь к этому решению? Вот и Эол явился поглазеть, как Анку заберет свое...

Царевна уткнулась лбом в сложенные на коленях руки.

Да. Так может быть. Значит, таков конец ее короткого приключения? А дальше что? Отправиться в Царство Мертвых рожать детей-чудовищ?

Надя поежилась.

Она клятвенно обещала себе, что доберется до острова Вит! Что больше не будет пленницей! Значит, нужно промолчать. Завтра утром они с Роджером продолжат путь. Через пару дней будут в Касте, а дальше она сама выберет, как жить...

Перед глазами стояли две худенькие девочки с острыми локотками. Надя могла не пожалеть взрослых, но что будет с детьми? Люди в Варте обидели ее, их бессердечность могла оправдать ее собственную, но в этой деревне никто не причинил ей вреда. Каким человеком она будет, если снова предпочтет свободу чьей-то жизни?

«Нет. Нет. Нет. Нет. Я слишком юная, чтобы сдаваться! У меня вся жизнь впереди!»

«А у девочек с кукурузными куклами?»

Выдохнула. Заткнула уши. Решила спать. Легла на земляной пол, поджала ноги и закрыла глаза. Сон не шел.

«Я уже оставила за спиной Варту, и если поступлю так снова, сплетни о Проклятой станут правдой».

Надя перевернулась на спину и долго смотрела в темный потолок. На звезды, видные сквозь разобранную крышу. Ей было очень страшно и очень одиноко. Роджер не возвращался.

Чего будет стоить ее свобода, если она переступит через собственную совесть? Куда она бежит и зачем?

«Анку! — мысленно позвала она, обращаясь к темноте вокруг. —

Прости мою неловкость! Прости, что не говорила с тобой раньше! Я не знаю твоих имен, не знаю, как молиться тебе... Я не достойна быть твоей невестой, но хочу попросить о помощи...»

Вернулся Роджер. Тихо сел в дверном проеме, преграждая вход посторонним. Надя замерла, зажмурилась, сделала вид, что спит.

«Неправильно начинать знакомство с просьб, — подумала она. — Прости за это, но только ты сможешь помочь. Люди в этой деревне...»

Роджер пошевелился.

— Ты бросила на смерть город, девочка. В Варте тоже были дети, так что тебя сейчас тревожит?

Надя промолчала.

— Я знаю, что ты не спишь.

Она открыла глаза.

— Ты уговаривал меня остаться там, так почему хочешь, чтобы я ушла отсюда?

— Потому, что там ты могла что-то изменить, а здесь — нет.

Она поднялась, села, поджав под себя ноги.

— Хватит осуждать меня за сделанный выбор. Я сама отвечу за него перед собственной совестью и перед богами. Просто помоги, если можешь, или дай мне сделать то малое, на что я способна!

Надя не видела его лица, но чувствовала раздражение в голосе.

— Я тебя слышу, — сказал он, решаясь на что-то. — Подожди до утра.

Роджер разбудил ее, когда воздух в доме стал сереть, а предметы обретать очертания. Поднялся одним прыжком. Надя запоздало подумала, что за время их путешествия видела его спящим лишь единожды.

— Иди за мной, девочка.

Когда они вышли на улицу, звезды на небе уже побледнели. Ночная синь стала светлеть, словно кто-то разлил воду на акварельную картину, размывая краски, делая их бледными и прозрачными.

Эол ждал их на площади. Надя издали узнала его голубую куртку, бледнеющую в рассветной темноте.

— Решил сотворить чудо? — насмешливо обратился он к Роджеру.

— Вы снова подслушиваете, бог-сто-ушей? — раздраженно спросила Надя.

— Ни к чему мне это, девочка, — ответил Эол. — Я знал, что ты не отстанешь от него.

— Где русалка? — спросил Роджер.

Эол показал рукой в сторону реки, там, где днем сидели на берегу

рыбаки.

— Нужно запереть людей.

— Я видела пустой амбар за садом...

— Эол, отнеси их. И запри снаружи.

— Всех перенести? И детей?

— Всех, — подтвердил Роджер.

Надя не ожидала, что Эол послушается, но бог сразу пропал. Ни шуток, ни требований.

— Чем я могу помочь, Роджер?

— Нужно выманить русалку из воды.

— Что мне делать?

— Пойдем.

Мертвецы и живые столпились у кромки воды, не сводя с реки мутных взглядов. Они нехотя расступились, пропуская Надю и Роджера. В нескольких шагах от берега стоял по пояс в воде староста. Надя узнала его по выцветшей голубой рубахе с васильками. Старик ласково качал кого-то на руках.

— Заставь его выйти из воды, девочка.

— А ты?

— Она не должна меня увидеть.

На траве у воды повисла изморозь. Осень заканчивалась, и вода у берега была покрыта тонкой коркой льда.

Надя задержала дыхание и вошла в воду. Ноги пронзила судорога, но она выдержала, подошла к старику и тронула его за плечо. Староста повернул голову в ее сторону, сердитый и злой. На руках у него, свернувшись клубочком, лежала русалка. Маленькая, чуть больше кошки. Рыбий хвост блестел зеленой чешуей. Маленькие детские ручки, вцепились в рубаху старика. Он качал ее на руках, и она сонно приоткрыла зеленые глаза, чтобы посмотреть на Надю.

Сердце царевны наполнилось жалостью и нежностью.

— Чего приперлась, девка? — с трудом ворочая языком, спросил староста. Губы у него посинели от холода.

Надя оглянулась на берег. Роджера не было. Лишь мертвецы покачивались в такт движениям старосты, словно тоже качали кого-то на руках. Надя всмотрелась в спящую деревню, но охотника нигде не было видно. Ушел? Вернулся за мечом? Она вдруг ясно вспомнила, что его он оставил в избе, а значит, есть немного времени!..

— Ее нужно спасать! У него меч!

— Какой меч? — сердито спросил старик, снова начиная покачивать

русалку.

— Есть хочу! — капризно пожаловалась русалка.

— Чего тебе, дитятко? — ласково спросил старик.

— Сахару хочу. Есть у тебя сахар?

— В избе...

— Я принесу!

Надя, расплескивая воду, бросилась к берегу.

— И гребень неси, — плаксиво потребовала русалка.

Царевна вышла на берег, обернулась и увидела, что староста, шатаясь, идет следом, неся русалку.

Надя остановилась, сердце от ужаса ушло в пятки.

— Не сюда!

Эол обхватил ее сзади, зажал рот ладонью, крепко обнял за плечи, и в тот же миг ночные тени сгустились под вербами, превращаясь в Роджера.

Надя забилась, ударила Эола локтем в живот, но он ее не выпустил, даже не дрогнув, а Роджер уже в два шага оказался рядом со старостой и русалкой, схватил старика за локоть, выдергивая из воды. Русалка в ужасе зажмурилась, вцепилась пальцами в грудь старосты, голубая рубаха пропиталась кровью.

Роджер отодрал ее от старика и бросил на землю. Русалка расплакалась, скривив детское личико. В амбаре, где были заперты жители деревни, зарыдали дети, заголосили бабы, а мужики ударили что есть сил в двери. Сжалось от горя и тоски Надино сердце. Эол покачал головой.

— Сильная тварь. Даже мне ее жаль.

Русалка забила зеленым хвостом. Упираясь руками в землю, попробовала поползти, но Роджер прижал ее сапогом к земле. Потом посмотрел на Надю через плечо, презрительно усмехнулся и, одним быстрым движением выхватив из ножен меч, отсек русалке голову.

Покатилась голова по склону, остановилась, глядя рыбьими глазами на Надю, — детское личико все еще сморщено от плача, щеки мокрые... И в ту же минуту словно тиски с сердца сняли. Царевна смотрела на русалочью голову и ничего не чувствовала. В амбаре разом все смолкли.

Эол отпустил ее, отступил на шаг, и царевна тяжело опустилась на песок.

Мертвецы на берегу таяли, как ночные тени. Остался лишь один. Он сидел на берегу в разорванной рубахе и гладил мокрой рукой кота. Из разодранной груди его текла кровь... Кот ткнулся деду мокрым носом под мышку, заурчал, старик что-то тихо прошептал ему, почесал за облезлым ухом, и оба призрака пропали.

Надя медленно встала и пошла к деревне. Роджер остался стоять над безголовым телом, в ее сторону не смотрел.

Царевна с трудом подняла амбарный засов, раскрыла двери. Люди выходили из амбара хмурые, старались не смотреть никому в глаза и молча расходились.

Появился рядом Эол, помялся немного.

— Роджер ушел.

Надя кивнула, опустила на завалинку. Ни удивляться, ни сердиться — сил не было.

— Меня, как рыбу, выпотрошили, Эол. Устала.

— Пройдет до вечера, — пожал плечами бог. — Куда тебя отнести?

Надя посмотрела на него.

— А ты возьмешь и отнесешь? — Она перешла на «ты», но богу было безразлично. — Просто так? По доброте душевной?

— Нет. Меня попросил Роджер.

— Не думала, что ты такой отзывчивый бог.

Эол хитро прищурился.

— А ты попробуй! Попроси меня!

Надя улыбнулась. С трудом встала на ноги. Хотелось спать.

— Хватит врать, Легкокрылый! — примирительно попросила она. — Отвечай, откуда у Роджера право требовать от тебя услуги? Почему он не боится? Почему русалка его не разжалобила? Он чародей? Как я?

— Думаю, ты уже и сама догадываешься, что я отвечу.

Эол улыбнулся. Грустно. Кротко.

— Я не отказываю в просьбах родственникам.

— Кому?

— У него пять имен.

Надя отступила назад, чувствуя, как подкашиваются ноги. Мир вокруг закружился, застучала в висках кровь.

— Эрлик, Дит, Антака...

Надя оцепенела.

— Веселый Роджер.

Царевна замерла, как пойманная на обрыве лань. Перестала дышать.

— Анку.

Часть 2

*Флоты и то стекаются в гавани.
Поезд — и то к вокзалу гонит.
Ну, а меня к тебе и подавней —
я же люблю! —
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаете, бреясь и моясь.
Так я
к тебе возвращаюсь, —
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,
еле расстались,
развиделись еле.*

Владимир Маяковский

Ночь. Ясная, но безлунная и беззвездная. Единственный свет в Царстве Мертвых — синий луч маяка над горой Флегией.

Город Хель погружен в мертвую тишину. Ни звуков, ни движений, город прекрасен в своей пустоте. Этой ночью бог мертвых и его гость — единственные его обитатели.

Анку стоит у окна и смотрит вниз на темные ночные улицы. Его

дворец — копия Черной башни Варты, черная свеча на алтаре...

Комната под крышей не похожа на тронный зал или кабинет. Здесь пахнет пылью и старыми книгами, все заставлено диванами с синей обивкой и книжными шкафами. Здесь много шкафов. Они вытянулись вдоль стен, пересекают комнату, тонут в тени, вырастают в черный камень стен, чтобы продлиться где-то вне времени и пространства. На полках вместо книг — тысячи песочных часов, и комната до краев наполнена шорохом текущего песка.

У одного из диванов стоит бог-обманщик Мак, властитель снов, покровитель вина и дурмана. Сегодня он одет подобающе: в черную рубашку, синий жилет, пиджак и брюки. Даже галстук затянут на шее. Анку не предложил ему сесть, и теперь он переминается с ноги на ногу, не решаясь отвлечь старшего бога от его раздумий.

Анку чувствует его взгляд, но не спешит оборачиваться. В каждый миг своего существования он связан незримыми нитями с Царством Мертвых и его обитателями. И сейчас, глядя на пустой город, он видит и чувствует каждое движение, каждую мысль от этого окна и до границ своего мира.

В Лесу Мертвецов крадутся души. Почти прозрачные, истонченные фигуры стараются держаться в тени, преодолевая ужас, жмутся к людям-деревьям. Деревья похожи на руки — вместо коры грубая обветренная кожа, вместо пальцев тонкие живые ветви. И лица. Много лиц. Они скорбно глядят полуслепыми глазами на тех, кто скользит вниз. Если душа преодолеет лес, то искупит грех, но это почти неосуществимо. След в след за ними идут огромные черные псы. Злые и голодные. Они впиваются в руки, в ноги, в плечи, разрывают на куски, не спеша подбираются к горлу. Когда от грешника остается лишь кровь и тень, псы ложатся под деревья и засыпают.

Высоко в небе раздаются крики. Пронзительные, оглушающие. Это гарпии. Лица деревьев искажаются скорбью, но они не могут избежать своего наказания. Птицы с женскими головами садятся на живые ветви, впиваются когтями в нежную кожу. До утра, пока не рассеется тьма, гарпии будут рвать деревья на куски. Без жалости. Без сочувствия.

Дальше, на юге, в самом сердце снежной пустыни — город Лено. Это город грешников, день наступает здесь лишь на пару часов, а в остальное время сто тысяч черных душ мучаются от ста тысяч пыток.

Далеко-далеко на востоке стоит Храм — любимый город Анку, город света, где ночь не наступает никогда. Это город мертворожденных детей и невинноубиенных. Здесь, в радости и достатке, они доживают время, отнятое у них в мире живых.

Внизу, у южного подножья горы Флегии, раскинулась пустыня Флегетон. Бредут по ней ссохшиеся, потерявшие надежду мертвецы — карьеристы и властолюбцы. При жизни они не могли насытиться властью, и после смерти осталась с ними знакомая, неутолимая жажда.

Скоро утро. В мире мертвых нет солнца, нет рассветов, но Анку чувствует приближение дня каждым волоском на теле. Скоро небо посветлеет.

Игроки и самоубийцы очнутся в постелях, в домах из красного кирпича, под одной крышей со своими близкими, с теми, кого любили, и город Хель снова наполнится людьми. Пока не погаснет дневной свет, у них будет все, о чем мечтали: богатство и здоровье, молодость и взаимность. Каждый искренний поступок, чувство и доброе намерение — это день, минута или час в добром светлом городе Хель. Но вновь придет ночь, и души снова погрузятся каждая в свой собственный кошмар. И так будет, пока не закончит пересыпаться песок в часах, отмеряющих их срок в Царстве Мертвых.

Когда мертвые искупят свою вину и получат воздаяния за добрые поступки, слуги Анку — черные великаны без сердец и ртов, — не слушая просьб и не отвечая на мольбы, напоят их водой из реки забвения, перевернут песочные часы и отправят души в мир живых, в новое рождение.

Тихо шуршит песок в стеклянных часах.

Уже больше трех тысяч лет Анку смотрит из своего окна и видит одно и то же: воров и убийц, шлюх и насильников, простаков и благородных. Чувствует незримую связь со своими слугами: безмолвными демонами и черными псами, кошмарными господами и князьями тьмы. Царство Мертвых дышит с ним в унисон. Привычно и спокойно. Это его дом, родное, знакомое место, но в такой дом не приводят шестнадцатилетних невест.

Он отвернулся от окна. Рядом появился стол с бутылками из толстого разноцветного стекла. Он налил в стакан карего напитка, добавил серебряными щипцами два кубика льда и повернулся к племяннику.

— Так сколько у тебя имен, Нутур?

Мак помедлил, нервно улыбнулся:

— Четыре, дядюшка.

— Не многовато для второго божества?

Бог-обманщик благоразумно промолчал. Анку залпом выпил содержимое стакана, звякнули на дне нерастаявшие кубики льда. Налил еще.

— Что ты подмешал мне тогда?

— Простите, дядюшка! Я действительно думал, что так будет лучше! Вы просили проверить вашу невесту, и я старался придать нашему спектаклю достоверности!..

— Ты далеко зашел! — холодно оборвал его Анку.

Его голос разнесся по башне, и от испуга даже песок в часах зашуршал тише. Мак кусал губы и не поднимал взгляд от пола.

— Если ты посмеешь повторить эту шутку, я отменю все твои имена. — Он сухо щелкнул пальцами. — Вот так. Сразу.

Мак кусал губы.

— Убирайся! — приказал ему Анку, и бог исчез.

В комнате раздался тихий женский смех.

— За что ты так с ним, милый?

Женщина в серебряном вышла из тени шкафов и села на диван. Бог мертвых мягко улыбнулся сестре, прогоняя дурные воспоминания.

— Поделом ему. — Анку поставил на стол стакан. — Не понимаю, отчего вы с Мариной так благосклонны к нему.

— Мы любим лесть, а он хорош в этом, — ответила Мокошь.

В ее руках появился моток пряжи и спицы. Она не спеша расправила нити и принялась вязать.

— Что скажешь о девочке?

— Я испытал ее, как ты и советовала.

Мокошь улыбнулась, не отрывая взгляда от вязания.

— И как?

— Она еще ребенок, сестра. Наивный, добрый и эгоистичный ребенок. Оставь ее в покое — она не годится для той роли, которую ты ей назначила.

— Если так, почему лопаются твои обручи?

Анку задумался, непроизвольно положив руку на грудь, словно пытаясь прощупать их сквозь плоть и кожу.

— Она трогательная...

Он опустил руку, повернулся к сестре и улыбнулся.

— Она вырастет и станет достойным человеком. Но... — Он сделал паузу, подчеркивая сказанное. — Не женой — мне. Прекрати это сватовство.

Богиня покачала головой, подняла взгляд от вязания.

— Я точно знаю, какая женщина переступит порог твоего царства, мой милый.

Портовый город Морин-Дениз насквозь пропах солью, рыбой, дымом

и лошадиным навозом. В отличие от Варты здесь все еще было лето. Высокое солнце заливало все лимонным светом, ветер стих, было жарко.

Царевна закрыла глаза и подставила лицо солнечным лучам, наслаждаясь теплом. Стоящий рядом Эол скривился:

— Уверена, что хочешь здесь жить?

— Совершенно уверена! — ответила Надя, не оборачиваясь.

Еще несколько минут назад она стояла у амбара в заброшенной деревне, потерянной среди леса, и вот в одно мгновение — уже здесь, в приморской столице, на смотровой площадке над городом.

Эол все продумал: они появились на вокзале у станции канатной дороги, среди толпы, и не привлекли внимания. Легкокрылый позаботился о ее внешнем виде. На царевне было белое муслиновое платье, неприлично похожее на ночную рубашку, широкополая шляпка с голубыми лентами и бумажными цветами, перчатки и атласные туфельки на невысоком каблуке. Надя сейчас совсем не отличалась от молоденьких панночек, прогуливающихся по привокзальной площади. Эол тоже был одет по моде Побережья — рубашка с накрахмаленным воротником, жилет, шейный платок, фрак, панталоны, туфли и цилиндр. Он выглядел старше, чем на балу. Может, заботы о ней его старят? Надя улыбнулась этой мысли и подошла к ограждению смотровой площадки.

Она надеялась, что бог-ветер исчезнет, как только доставит ее в город, но Легкокрылый следовал по пятам, не замечая ее дурное настроение.

— Если хочешь моего совета, то тебе лучше перебраться в Гритдж. Это город на западе. Он не такой шумный и славится Праздником Цветения. Красивый город.

Надя не ответила. Она любовалась Морин-Денизом и разговаривать с Эолом не хотела.

Город раскинулся на берегах бухты Мари-Клот, как яркий цветастый платок на плечах томной южной красавицы. Когда-то прибрежные города, как и лесные, были городами-государствами, но тридцать лет назад король Веит объединил их в Золотое содружество — конфедерацию городов с общим советом, собирающимся в Морин-Денизе раз в полгода. По рассказам пана Рукши, со дня на день все может измениться. За прошедшие годы король Веит с помощью династических браков, усилил свое влияние на Побережье, подготавливая города к переходу от конфедерации к абсолютной монархии. Когда и как это произойдет, пока не известно, но все к тому идет.

А пока Морин-Дениз — самый большой порт на Побережье, светская и торговая столица юга. Город тысячи колоколов. Со смотровой площадки

он был виден весь: звонницы на каменных крышах, разноцветные купола храмов, площадь у Дворца Содружеств, порт, сотни мелких лодочек и шлюпок, пришвартованных к пирсу, и с десяток больших железных кораблей на рейде, тех самых, чьи механические внутренности оживлены дыханием бога-кузнеца.

Цветное море, о котором Надя столько читала и грезила, цветным отсюда не выглядело. Вода была синей ближе к горизонту и болотно-зеленой на моле. На западном склоне, за окружной стеной и апельсиновой рощей, блестел на солнце, словно рыбья чешуя, храм Ярока, или Бальдра, как принято называть его здесь. От него к городу тянулась медная паутина, питающая город светом. По широким улицам, сбегаящим с берегов к морю, шли трамвайные пути. По двум из них в одну и другую сторону проезжали настоящие трамвай-конки, запряженные четверками лошадей.

Лошади в Морин-Денизе были маслянисто-черные и чернильно-синие, крепкие, приземистые, с пышными золотыми гривами и злыми мутно-голубыми глазами.

— Это морские?

Эол кивнул, покачиваясь на каблуках и со скукой глядя на проходящих мимо людей.

— А почему они не летают? Ведь их за это ценят?

— Над городом полеты для гражданских запрещены.

— Почему?

— Ну, они же лошади. Чтоб не гадили на головы. Ну? Долго еще будем здесь торчать? Жарко!

— Не думала, что боги потеют, — фыркнула Надя.

Эол показал ей язык.

Они спустились от привокзальной площади в город. Долго шли мимо красивых магазинов со стеклянными витринами, мимо контор, чьи фасады были заботливо выкрашены яркой краской и щеголяли друг перед другом вывесками.

Царевна с интересом рассматривала колокола на крышах. Зачем так много? Для праздников?

Она прислушивалась к говору окружающих, может, что-то поймет? Надписи на вывесках она читала без труда, но смысл разговоров ускользал.

С тех пор как государства рассыпались на отдельные города, языки в Яблонево Крае смешались, объединились или потерялись вместе с пропавшими континентами. Самыми распространенными оставались аринский — в центральной части континента, гроенский язык — на Побережье, кало на островах и сканское наречие на севере. Дома, в Варте,

Надя старательно учила все основные языки, но то, что она слышала вокруг, не походило ни на один из них. Говорить с Эолом не хотелось, царица все еще сердилась на него и Роджера, но больше спрашивать не у кого. В конце концов Роджер — первый бог! Эол не мог его послушаться, вот с Роджера она и будет спрашивать.

Царица споткнулась, больно ударилась пальцами ноги о выпирающий из мостовой булыжник.

Роджер — первый бог.

Чем больше она об этом думала, тем больше путалась. Голова шла кругом, потому что из-за этого менялся смысл всех его слов и поступков. Почему он не признался сразу? Почему не явился в клубах дыма, верхом на какой-нибудь кошмарной твари? Почему не забрал ее, ведь она принадлежит ему от рождения? Невеста?

Надя снова споткнулась. Эол закатил глаза, подставил ей локоть, но Надя не воспользовалась предложением.

Зачем богу мертвых невеста, тем более такая, как она? Заберет его сердце? В смысле он влюбится в нее или буквально? С богами нельзя быть до конца уверенной.

— О чем задумалась, девочка?

— Не называй меня так.

— Что не так? Ты для меня ребенок, глупая! Я — бог и выгляжу, как хочу, но ты же не думаешь, что мне правда восемнадцать?

Надя отвечать не стала.

— Ладно. Я знаю, почему тебе это не нравится. Так звал тебя Анку? Хорошо, тогда я буду называть тебя «тетушкой». Вон и колечко носишь!

Надя сжала кулаки.

— Стесняешься, но не снимаешь?

Надя порывисто сняла перчатку и кольцо с пальца, замахнулась, чтобы выбросить... Эол, улыбаясь, ждал. Царица бессильно опустила руку.

— Это не обручальное кольцо, Эол. Роджер не вкладывал в этот подарок такой смысл! Не дразни меня!

От обиды у нее на глазах выступили слезы, и Легкокрылый поспешил сменить тему разговора.

— Рассказать тебе о местном наречии?

Надя кивнула.

— Ты их так просто не поймешь, хоть и учила язык. Здесь так много приезжих из всех уголочков Края, каждый выговаривает как ему удобно. Твой гроенский и тот язык, на котором привыкли говорить в Морин-Денизе, уже и близко не похожи. Но ты привыкнешь!

— Я же родилась чародейкой, неужели знание чужих языков мне недоступно?

— Обидно, но нет. Учи!

В порту начали бить в колокол. Один. Второй. Еще два выше по улице и еще... Порт и улица наполнились металлическим стоном. Надя зажала уши и повернулась к Эолу. Он не выглядел удивленным.

На мостовую легли тени. Царевна подняла голову и увидела, как над домами в сторону порта пронеслись с десятков морских жеребцов с всадниками в алых мундирах.

Колокола гудели, но прохожие вокруг спокойно занимались своими делами. Никто не бежал, не прятался, и всадники не привлекли их внимания.

— Эол, кто они? Что происходит?

— Морская гвардия. Что-то лезет из моря. — Он нахмурился. — Я тебе покажу, но крепко держи меня за руку. Возможно, придется бежать оттуда очень быстро. Ты перестала злиться на меня? Поддержимся за руки, тетушка?

Надя сердилась. Она вообще сердилась на него при каждой встрече, но любопытство взяло верх. Эол протянул руку, и она крепко сжала его ладонь.

Ветер ударил в лицо, взметнул подол платья и сорвал шляпку. Надя качнулась и зажмурилась. Их окатило водяной пылью. Царевна открыла глаза.

Они стояли на верхней площадке маяка у стеклянной лампы. Маяк возвышался посреди моря, за внешним рейдом. Сверху Надя видела часть крепостной стены, отделяющей город от моря, и незащищенный вход в бухту Мари-Клот. Кораблей на рейде было множество: торговые и пассажирские, парусные и железные. Застигнутые колокольным звоном, они спешили поднять якоря, суетились на палубах люди, а с двух сторон их уже обходили выкрашенные в красный корветы военных. Они шли под паром и под парусами, спеша встать между бухтой и тем, что надвигалось на город из моря. Успеют ли?

Вокруг маяка ревел прибой. Белая шляпка мгновенно слетела на камни и пропала в темной воде. Небо было голубым, чистым и тихим, но море внизу будто взбесилось, волны били в фундамент, словно желая опрокинуть маяк.

В пене и водовороте Надя не сразу увидела чудовище. Сначала в воде мелькнул костистый, обтянутый черной кожей плавник. Она подумала, что это большая рыба, но ошиблась: из пены вынырнула огромная

человеческая рука с кожистыми перепонками между красивыми бледными пальцами.

Царевна сильнее сжала ладонь Эола.

Первая рука ухватилась за камни фундамента. Из пены и волн появилась вторая, морское создание сделало усилие и вынырнуло из воды.

Большая вытянутая морда была собачьей. Черная кожа не имела шерсти, то, что Надя приняла за собачьи уши, оказалось выступающими над головой жаберными дугами. Мутные голубые глаза казались слепыми. Существо шумно выдохнуло из носа воду — в ноздрях раздвинулись вертикальные пленки, освобождая дыхательные пути, — и сразу же принюхалось, втягивая воздух. Тварь подтянулась и выбралась на камни у маяка.

Тело тоже было собачьим, черным и длинным. Задние лапы — жабьими. Трехпалые, перепончатые, с длинными средними пальцами. Чудовище вцепилось пальцами в железные перила, окружающие маяк, и полезло выше...

Наде казалось, что она спит и видит страшный сон. Царевна взглянула на Эола, надеясь, что сейчас они уберутся отсюда, но бог рассматривал чудовище без страха и уходить не собирался.

Над причалами в небе появились темные силуэты всадников. Они пролетели над корветами и стремительно приближались к маяку. Надя уже могла различить рослых южан в алых мундирах, тех самых, что она видела в городе. Они были вооружены ружьями. Царевна вцепилась в ладонь Легкокрылого.

— Пока ты со мной — тебя не увидят, — улыбаясь, успокоил бог.

Чудовище раскрыло пасть и зарычало. Всадники открыли огонь.

Глухие хлопки выстрелов утонули в шуме прибоя, существо не сразу почувствовало пули, лишь на гладкой черной коже вдруг проявились точки, словно в него швырнули красное конфетти. Чудовище оскалилось, подняло морду к маяку, протянуло лапу к бойницам последнего этажа, пытаясь достать людей. Алые Мундиры продолжали стрелять. Тогда создание оттолкнулось от стен и прыгнуло вверх.

Сильные жабьи лапы подбросили его высоко над водой. Чудовище схватило лошадь юного гвардейца посередине, зажимая зубами ноги человека, и увлекло обоих в воду.

Волны окатили подножье маяка, намочили подол платья царевны. Надя даже вдоха сделать не успела, как тварь вновь вынырнула, прыгнула и снова глухо ударили выстрелы. Морда чудовища покрылась новой россыпью красного. Царевна зажмурилась, перевела дыхание и посмотрела

на далекие корабли. Они закончили маневр, повернувшись бортами к маяку. Под солнцем заблестели длинные стволы незнакомого оружия. В шуме сошедшего с ума прибоя Надя не слышала выстрелов, но над морем поднялись и устремились в их сторону серебристые точки.

Создание раскрыло пасть и протяжно завывало — то ли угрожая, то ли жалуясь. От этого высокого пронзительного звука болели зубы. Чудовище напрягло задние лапы, выталкивая тело вверх и назад, по дуге взлетая в небо. Снаряд, выпущенный из оружия на корвете, поймал создание в воздухе, и над морем взорвался красный фейерверк. За мгновение до того, как водяные брызги, куски плоти и кровь упали на девушку и Эола, вокруг взметнулся воздушный вихрь, и они снова оказались на улице Морин-Дениза.

Надя пошатнулась, отпустила руку Эола и прислонилась к стене. Ее трясло.

Бог-ветер наклонился, заглянул ей в лицо, весело подмигнул:

— Пойдем, посидим в парке, царевна. Ты придешь в себя, а я все объясню...

* * *

— Не знаю, о чем рассказывали тебе учителя, но, похоже, совсем не то, что следует знать жителю Яблоневого Края, — начал Эол.

Он лениво откинулся на спинку скамьи и вытянул ноги. На девушку не смотрел. Надя сжала руки на коленях и тоже избегала смотреть на бога, но жадно слушала каждое слово.

— Еще во время Первой Чародейской войны, именуемой людьми Медной, чародеи западной коалиции, желая призвать себе на помощь потусторонние силы, открыли дверь в Царство Мертвых. Открыть-то открыли, а запереть ее не смогли. Дверь стала провалом. Спустя мгновение южное полушарие перестало существовать, а мир мертвых внезапно оказался доступен живым. Вернуть все на свои места даже боги-сиблинги оказались не способны. Ярок лишь остановил растущий провал, а Анку закрыл свой мир от мира людей Серой Завесой, непроницаемой для живых и мертвых.

Эол помолчал, перевел дыхание.

— К сожалению, там есть немало дряни, не относящейся ни к тем, ни к другим. Нежить. Бездушные, страшные твари, питающие слабость к живой плоти. Последние пятнадцать лет они просачиваются через Завесу,

плывут через Цветное море и лезут на берег к людям. Так что у Побережья, благополучного по меркам Варты, — свои беды.

— А острова? Они ближе к Завесе и прямо на пути нежити. Как люди выживают там?

— Тяжело им, — честно сказал бог. — Но они под опекой Марины. Мать вод не позволяет тварям есть островитян, а за это получает приношения. Драгоценности, шелк и людей.

— Людей?

Помолчали.

— Эол, хоть кому-нибудь живется хорошо в нашем Крае?

Легкокрылый улыбнулся, ободряюще похлопал ее по плечу.

— Богам и богатым, девочка. Ну, ты сильно не расстраивайся. Так уж заведено.

По парку пробежал порыв ветра. Поднял пыль и сухие листья, завертел их и больно бросил Наде в лицо.

— Но почему вы, боги, не исправите этого? Вы же можете! Вы же всемогущие, так почему бездействуете?!

Эол нахмурился, заострились черты лица, делая его старше.

— У каждого свои обязанности, свои интересы. Вторые боги привязаны к собственным предназначениям. Милость отвечает за то, что в сердце, Плутос — за то, что в банках, я — за ветер в парусах.

— А первые?

— Анку поставил на границах Царства Мертвых триста огненных великанов, пытаюсь уничтожить нечисть, что лезет в ваш мир, но у этих бездушных чудиков совсем нет мозгов. Они гибнут тысячами, но продолжают лезть. Марина не делает ничего. Ее все устраивает. Ярок... Он занят другими делами. Что дальше? Лесные города. Леший не отдаст и клочка своей земли под поля. Кто с ним поспорит? Не я, это точно! Так и живем. И мы, и вы в заложниках у собственных предназначений.

— А я? Я смогу что-то сделать?

Эол пожал плечами:

— На то ты и Надежда.

Замолчали. Эол закрыл глаза и притворился, что дремлет. Надя смотрела на людей, гуляющих по парку.

На солнце набежали легкие облака, и по парку скользили тени, стало не так жарко. Горожан в парке почти не было, их легко было узнать по светлым волосам и смуглым лицам, но здесь было много приезжих. Гуляли молодые пары. Среди фигурно выстриженных кустарников играли дети. А если монстр доплывет до берега?

— Эол, как становятся чародеями? Есть ритуал или какие-то древние знания?

Легкокрылый открыл глаза и косо посмотрел на девушку.

— Раньше я этим не интересовался, а сейчас уже не у кого спрашивать. Сходи в библиотеку, полистай книги, может, найдешь что-то.

Царевна тяжело вздохнула и поднялась.

— Спасибо. Дальше я сама.

Эол склонил голову набок, улыбнулся:

— Давай я тебя хоть обедом угощу на прощание.

Надя вздохнула, но есть хотелось, и царевна согласно кивнула.

Они остановились в полупустом ресторанчике рядом с парком. Эол заказал Наде рыбный суп. Сам пил чай.

— Еще один важный совет напоследок: выучи имена богов! В Крае лишь трехлетний ребенок мог принять Роджера за человека! Никто кроме бога мертвых не носит это имя.

— И так со всеми?

Эол кивнул.

— Демиурги, сотворившие Яблонеый Край, дали первым богам семь имен по числу семи первых народов. За последние тысячелетия народы перемешались, пропало за Серой Завесой царство Тохо, ушло под воду островное государство Мехала. Отныне сиблинги носят лишь пять имен. Ярок, Бальдр, Сурья, Хорс, Элиос — двуликий бог света. Марина, Роана, Иара, Дана, Таласса — богиня моря, мать вод. Леший, Вали, Дакша, Варман Тура, Пан — лесной хозяин. Марк, Ард, Притви, Великий Полоз и Гефест — хозяин земных недр. Мокошь, Сага, Камала, Доля, Мойра — владычица судеб.

Он перевел дыхание, грустно улыбнулся:

— Мы, вторые боги, имеем меньше имен, но в Крае лишь один Эол — я. Так со всеми, царевна. Потеряв земные имена, мы навсегда окажемся запертыми в Небесном городе, томимые нестерпимой жаждой. Потому мы так держимся за них. Потому ты должна выучить каждое из них.

— И никто не может назваться вашими именами, чтобы получить выгоду?

— Не может. Язык отсохнет. По-настоящему.

— У тебя лишь одно имя, Легкокрылый?

Эол перестал улыбаться.

— Их было больше.

— И что случилось?

— Ярок-справедливый. Если он считает нужным, то может лишать

вторых богов их имен. Вы, люди, этого даже не замечаете. Еще три года назад у меня было два имени, но, как только меня лишили одного из них, оно стерлось из вашей памяти, книг и храмов.

— И как тебя звали?

— Не помню, тетушка. Все. Мне пора. Выучи быстрее имена, потому что боги не оставят тебя так просто: давненько у нас в мире не было чародейки, еще и суженой дядюшки-мертвеца...

— Послушай, а почему у тебя все «тети» и «дяди»? Ты чей сын, бог-ветер?

Эол хитро посмотрел на нее, подмигнул:

— Никто не знает. Кроме меня и родителей, конечно! Если угадаешь — выполню одно твое заветное желание.

— Ну, начинается, — улыбнулась Надя. — Нет. В эти игры я не хочу играть. Тем более Роджер предупреждал, что в них побеждаете лишь вы.

— Тогда пока, тетушка!

— Постой! — Царевна замаялась. — Легкокрылый, ты ведь можешь оказаться в любом месте Края? Где только пожелаешь?

Эол кивнул.

— Ты можешь сделать для меня кое-что?

— Ты хочешь попросить меня?

— Хочу, — решила Надя.

— Ты не должна этого делать, глупая! Потому что я обязательно возьму за это плату.

— Возьми, Легкокрылый, — согласилась она.

— Что ж, я не буду повторять в третий раз. Чего ты хочешь, хотя я догадываюсь...

— Скажи моему папе, что я жива.

— Хорошо. Но теперь ты моя должница. Услуга за услугу.

— Чего ты хочешь?

— Верни одно из моих имен.

— Эол, я... — растерялась царевна.

— Поздно. Ты дала обещание и должна его выполнить.

— Но у тебя есть имя.

— Бог с одним именем — почти не бог. В шаге от смертного. Это сиблинги, если лишить их имен, сидят в Небесном городе. Вторые боги просто исчезают. Ты попалась, тетушка. Верни мне имя.

— Я не знаю как!

— Анку знает.

— Так попроси его сам!

Эол усмехнулся, снова сел за стол и наклонился к ней.

— Я не просто так потерял имена, царевна. Он не сделает этого для меня, как бы я не умолял. А тебя послушает. У вас особенная связь. Он за тебя в ответе. Ты дала обещание Лешему и не сдержала. За это Анку расплатился бессмертием для детей-полукровок лесного хозяина. Хорошее дело — бессмертие. Не исполнишь обещание — глядишь, и мне что перепадет. Вот и думай, как тебе быть. Дядюшка сам сглупил. До последнего хотел сохранить в тайне, кто он. Не вышло.

Надя молчала.

— Ты думала, что мое хорошее отношение оградит тебя? — насмешливо спросил бог. — Если раздаешь обещания, то будь готова их выполнять. У любого в этом мире — бога или человека — найдется, что потребовать у Анку. Ты — со своей наивностью, простодушием и доверчивостью — просто подарок для нас. Я от такого подарка не откажусь. Никто не откажется. Ты поняла урок?

Царевна покорно кивнула.

— Тогда — до встречи! — примирительно улыбнулся Эол и пропал.

Еще некоторое время царевна сидела в парке. Обдумывала слова Легкокрылого и свое положение. В первую очередь нужно найти ночлег, а завтра — работу.

Эол угостил обедом, но денег не оставил. Просить его о еще одной услуге она не могла, и теперь Надя стояла посреди незнакомого города без единой монеты. После бегства из замка Мака все ее вещи — одежда на ней, железное колечко, подаренное Роджером, и волчий клык от Длинношейки. С таким богатством до острова Вит не добраться.

Надя отправилась бродить по городу.

Морин-Дениз на треть состоял из порта, вытянувшегося вдоль берега. Здесь было бесчисленное количество причалов, сухих и плавучих доков, складов и разгрузочных площадок, таверн, дешевых гостиниц для моряков и контор ростовщиков. Здесь пахло рыбой, супом и морем. Наде нечего было здесь делать.

Между жилыми кварталами Морин-Дениза и портом втиснулись узкие улицы конторщиков. Здесь было великое множество администраций, нотариальных контор и таможенных служб. Надя долго бродила между одинаковыми зданиями в поисках работы, но ничего не нашла.

И царевна снова вышла к станции канатной дороги.

Публика здесь была приличней: туристы, капитаны торговых судов и банкиры. Вокруг посадочной платформы была круглая привокзальная

площадь, с красивыми коваными скамейками и фонтаном. Надя устроилась на лавочке рядом с большим семейством, состоящим из трех поколений белоголовых, загорелых до черноты островитян. Когда в поле зрения появлялся полицейский патруль, Надя вставала и шла в сторону общественного туалета, чтобы не попасться им на глаза. Она понимала, что без билета и багажа похожа на попрошайку.

Ночь она провела здесь же. Царевна надеялась, что сможет поспать на лавке в парке, но было слишком страшно, поэтому Надя бродила по привокзальной площади, смешиваясь с толпами прибывавших и уезжающих, сидела на парапете фонтана, опустив руку в прохладную воду. Надя еле дождалась утра. Умылась в фонтане, кое-как пригладила волосы, отряхнула платье и начала искать работу.

На уроках пан Рукша рассказывал ей о деньгах. Простолюдины получают их за выполненную работу, аристократы — из семейных банков или займы. Интересно, сколько займут Черной царевне из Северной Варты? Соблазн попробовать был велик, но страх попасться Ордену Доблести — еще больше. На всякий случай Надя решила даже имени своего не называть. На что она была способна без имени?

Она пробовала найти работу в закусовых для служащих, согласна была мыть полы, но ей везде отказали.

В гостинице «Морская звезда» Надю не пустили даже на порог. Она стояла в переулке, кусая губы от обиды. Один из охранников, крепкий мужчина лет сорока, сжалился над ней. Мужчина тоже был из лесных городов и говорил на аринском.

— Трудно с работой в этом городе. У нас из леса все сюда едут. Работников больше, чем работы, девонька. Была б парнем — взяли бы в Алые Мундиры, у них каждую неделю кто-то мрет, а так... Даже не знаю, что посоветовать тебе, милая. Ты откедова будешь?

— Северная Варта.

Мужчина печально покачал головой.

— Не говори никому. На Побережье думают: ваши за спиной несчастья носят.

Он пожевал губы, раздумывая.

— Знаешь что, девонька? Если до вечера ничего не подвернется — возвращайся. Мы с женой люди не богатые, но тарелку супа найдем.

— Спасибо, пан.

Надя очень надеялась, что ей не придется обращаться за помощью к незнакомцу в чужом городе. Она обошла порт и рынок. В порту были нужны мужчины-грузчики и матросы. На рынке никто не решился взять к

себе девчонку с улицы, а еще порезали подол платья, надеясь найти тайный карман.

Царевна набралась смелости и попробовала найти работу в портовых тавернах, но хозяйка первой же из них честно сказала, что служанки должны быть готовы «приголубить клиента».

Усталая, голодная и до слез расстроенная, царевна вернулась обратно к ресторану «Морская звезда». Охранник у двери издали узнал ее, улыбнулся с сочувствием. От его доброты у Нади сжалось сердце.

— Не раскисай, девонька! Обойдется!

Надя покорно кивнула.

Должно обойтись! Сама Мокошь назначила ей быть проклятием и спасением для этого мира, так что вряд ли она умрет на пристани от голода. Но вот как жить до свершения пророчеств, никто не упоминал. Голодать или торговать собой в тавернах Морин-Дениза? Может, именно это определит, будет она спасительницей или проклятием?

— Давай знакомиться, — предложил мужчина. — Я Станислав Крут, зови дядя Стас.

— Настя, — краснея, солгала царевна.

Пан Станислав жил на северо-западной окраине города, в Слободе — районе переселенцев. Они долго ехали в трамвае через город. Несмотря на тесноту и тряску, царевна наслаждалась теплом, ветром, запахом водорослей и соли, влетающим в окна.

Наученная горьким опытом, Надя прокручивала в голове план побега на случай, если пан Крут попытается обмануть ее, но в этот раз ей повезло — человек оказался порядочный.

Они вышли на конечной станции. Дальше улица карабкалась вверх по склону, постепенно обрастая маленькими домиками под соломенными крышами. Наде здесь понравилось. Несмотря на очевидную бедность Слободы, деревянные изгороди и обмазанные сырой глиной стены, здесь было чисто и зелено. Дома тонули в вишневых садах, заборы были обсажены синим барвинком и оранжевыми бархатцами.

Жена пана Крута — пани Ирина — сначала удивилась, потом улыбнулась, совершенно не рассердившись, что муж привел домой незнакомку.

— Давно приехала, Настасья? Синяки под глазами... Где спала прошлой ночью?

— Я не спала, пани.

Женщина обменялась с мужем взглядами.

— На вокзале сидела?

— Как вы узнали?

— Сами такими были! Тебе повезло, что полиция не схватила. Нынче всех, кто больше двух ночей на вокзале живет, в тюрьму бросают, а оттуда на пристань гонят, камни для крепостной стены таскать. Повезло тебе, вот что. Ладно, пойдем в дом!

Они зашли в сени. Слева была отгороженная пыльной занавеской кладовка, справа — маленькая кухня. Дверь прямо вела в комнаты, но пани Ирина сразу увлекла девушку на кухню, усадила, а сама принялась накрывать на стол.

Надя тихо сидела на стуле, смущенная неожиданной добротой.

— У нас гости, мама?

Дочка пана Стаса была на год младше Нади, но выглядела старше. Морское солнце и ветер загрубили кожу, опалили до бронзы. Юлия была невысокой и крепкой, как отец, но черты лица были мягкими, как у матери. У нее были очаровательные ямочки на щеках, полные губы и ярко-синие глаза.

— Юленька, это — Настя!

Девушка посмотрела на царевну с любопытством, но расспрашивать не стала. Пани Ирина накрывала на стол, пан Станислав ушел в дом, Юленька помогала матери. Надя, сжавшись, сидела за столом.

Странное было ощущение.

Непосредственность хозяев, домашняя спокойная обстановка, словно она бывает у этих людей каждый день. Она видела их впервые, но почувствовала себя здесь дома и была до слез благодарна.

Надя не представляла, как сложится ее дальнейшая жизнь в городе, но это короткое мгновение — кипит на печи суп, Юленька нарезает крупными ломтями ржаной хлеб, пани Ирина расставляет глиняные тарелки, расписанные алыми жар-птицами и вишнями, — она будет нести в сердце и памяти как великую драгоценность.

Надя сглотнула, потерла нос.

Вернулся пан Станислав, сел на стул напротив девушки. На улице сгустились ранние осенние сумерки. Мужчина посмотрел под потолок, где висел стеклянный шар. Прочел молитву, и шар наполнился тусклым светом.

— Слабо светят кровавки в последний год, девонька. Устал Ярок.

Пан Станислав постучал по лампе, снова прошептал молитву одними губами. Света стало больше. Он тяжело вздохнул и сел.

— Как там Варта? Я слышал, дела у вас совсем плохи?

Надя кивнула, опустил взгляд.

— Только здесь нам тоже не рады, девонька, — сказала пани Ирина. —

Мы за местных самую тяжелую работу делаем, а на нас смотрят, как на грязь. Ни в лечебницу не обратиться, ни в полицию. Мы тут всегда виноваты.

Она замолчала, горько сжала губы.

— Но ведь и местным нелегко? Страшно жить, когда в любую минуту на берег может выползти какая-нибудь нечисть из моря.

— И то правда, — нехотя согласилась пани Ирина. — Да только первые, кого на штыки бросают, — такие, как мы.

— А солдаты в алых мундирах? Они из приезжих?

— Солдаты — да, а офицеры — местные.

Помолчали. Пан Станислав, Юлия и пани Ирина молча ели. Надя не выдержала, спросила несмело:

— Почему же не попросить помощи у Черной царевны?

— Типун тебе на язык, девонька! — сказал пан Станислав, сплевывая через плечо.

— Она ведь царской крови, невеста первого бога и чародейка! Она может попросить о помощи у королевских особ и у первых богов, и сама, наверное, что-то может... Ей ведь просто не сказали, как здесь всем тяжело!

— Чародейка, говоришь? Не знаю. Не слышал. Но если так, то спасите нас боги!

— Почему?

— Да неужто не поймешь, глупая? — сердито вмешалась пани Ирина. — Что бы она ни делала, все ее поступки приведут к злу. А если она еще и чародейка, то Краю точно конец. Дай боги, чтобы ее смогли удержать в Черной башне, а то всем смерть.

— Все говорят, что она зло и проклятие, но почему? Потому что обещана в невесты Анку? Это ведь не делает ее чудовищем.

Пани Ирина не выдержала, со стуком положила ложку на стол.

— Мать ее душу ребенка продала за власть. Отец вконец город извел ради нее. А суженый? Сама Смерть! Ничего хорошего этот ребенок в мир не принесет. О чем бы она ни думала, как бы ни пыталась, все ее поступки, вольные и невольные, приведут лишь к беде. Тебе, возможно единственной в Крае, жаль ее. Не надо! Такова ее судьба. Кто-то живет тихо, детей растит, а кому-то назначено быть очищающим пламенем. От судьбы не уйдешь.

Надя склонилась над тарелкой и начала есть, не чувствуя вкуса.

— Тварей из-за Завесы не мучает совесть, когда они жрут людей, — добавил пан Станислав. — Анку не плачет над младенцами, которых забирает на тот свет. И Черная царевна из того же теста. Не жалей ее!

— Хочешь добавки, Настенька? — смягчилась пани Ирина.

Вот они: хорошие добрые люди, не глупые, не жестокие, но готовые ненавидеть незнакомку из Черной башни лишь потому, что все ждут от нее беды. Как объяснить им, что она не виновата? Как заслужить их расположение, если они даже в мыслях не допускают, что Надя хороший человек?

— А как же то хорошее, что ей предсказано совершить? — тихо спросила царица, не поднимая глаз. — Она вернет память, свет и тени тем, кто их потерял...

— К добру ли? — отмахнулась пани Ирина. — Все, что сделала или сделает Проклятая, приведет к беде. Все это знают.

Разговор оставил тяжелое впечатление у всех. Спать легли рано.

Надя очень устала за последние дни. Это была та усталость, когда при виде подушки она должна была мгновенно уснуть, но сон не шел. Надя думала над словами пана Станислава.

Может, она и вправду Зло? Именно так, с большой буквы? Наверное, чародеи древности, те, что уничтожили половину Края, загнали людей за стены городов, чьи имена вычеркнуты из книг, тоже не думали, что творят зло? Им всем когда-то было шестнадцать, и они мечтали сделать мир лучше...

Надя, не мигая, смотрела в темный потолок.

«Если все говорят, что я плохой человек, то, может, так оно и есть? Может, я обманываю себя? Лишь думаю, что я лучше? Со стороны людям виднее... Так зачем что-то доказывать? Проще поступать, как от меня ждут. Они говорят, что я ужасная. Так, может, не спорить? Даже папа верил в это, поэтому и держал меня взаперти в башне».

Царица села на постели, поджала ноги.

Сонно дышали Юлия и пани Ирина. Царица за шкафом мышь. Пахло сыростью от земляного пола и человеческим дыханием. Надя сжала висящий на шее клык. Теплая кость впиалась в ладонь.

Длинношейка сказал, что она хороший человек. Грустно, что во всем мире в это верит лишь он. Так как быть? Чьим ожиданиям соответствовать?

Надя зажмурилась.

«Что думаешь, Роджер?»

Наверное, бог мертвых тоже останавливался перед подобным выбором. Никто в мире не ждет от него доброты или благородства. Его именем пугают детей, но Роджер не зло, значит, и она не должна быть злом!

Надя прижала колени к груди, свернулась котенком.

«Я просто хочу быть хорошим человеком. Хочу жить так, чтобы не

стыдиться себя. Что бы обо мне ни говорили, чего бы от меня ни ждали — я не черная, я не проклятая!»

Пусть говорят, она не будет слушать.

На окраине Морин-Дениза, почти на самой вершине холмов, окружающих гавань, вытянулась улица Цикория.

Каштановые аллеи, хорошие бульжные дороги, не искореженные шрамами трамвайных рельсов. Заборы здесь были каменные и высокие, но у Нади не возникало ощущения, что живущие за ними хотят отгородиться от окружающих. По улице плыл запах готовящегося обеда, на веранде одного из домов кто-то играл на пианино, и музыка стелилась по улице, как аромат супа.

Кое-где на воротах висели аккуратно отшлифованные доски с объявлениями. В двух домах требовались горничные. Надя решила попробовать устроиться здесь, но привратники, поняв по ее произношению, что она эмигрантка, не стали даже слушать. Громко хлопали дверью прямо перед носом. Еще в одном доме искали помощницу кухарки. Надя очень плохо разбиралась в готовке, но выбор был не велик. Но и здесь с ней не стали разговаривать. Привратник больно схватил за руку и швырнул на дорогу, хотя необходимости в этом не было — Надя вела себя очень вежливо. В самом конце улицы, в доме с зеленой крышей, требовался садовник. Надя позвонила в двери без особой надежды, мысленно готовясь снова искать работу в порту.

Открыл привратник, пожилой, но еще крепкий мужчина, похожий на солдата. Он посмотрел на нее свысока, нахмурился и быстро что-то проговорил. Надя поняла, что и здесь ей не рады.

— Господин, я на место садовника! Я отличная садовница! — попробовала она объяснить на гроенском.

Привратник задумался. Затем позвал кого-то со двора.

К ним вышла молодая женщина. Она вытирала о передник мокрые красные руки, пока привратник что-то объяснял про Надю. Затем женщина жестом пригласила царевну следовать за собой.

Сразу за забором начинался низкий яблоневый сад. Трава была старательно скошена, но под деревьями скопились опавшие яблоки, желтые, пропитанные солнечным светом. Пахло кисло-сладким яблочным соком.

Большой белый особняк под синей крышей стоял в самой глубине сада. Под окнами росли кусты роз. Белые, бледно-розовые и желтые. Надя сразу прониклась к ним сочувствием и любовью. На лужайке между садом

и домом были растянуты веревки с сохнувшим бельем. Пейзаж был очень домашним, и Наде очень-очень захотелось остаться здесь.

По мраморному крыльцу они поднялись в дом.

В темной прихожей пахло розами. Окна были открыты, впуская прохладный утренний воздух. Женщина провела царевну на второй этаж. Надя с любопытством рассматривала по дороге стены, увешанные картинами в старых рамах. Здесь не было ни одного семейного портрета, только морские пейзажи. Горничная постучала в дверь в конце коридора, а когда за дверью ответили, подтолкнула девушку в спину.

Комната была кабинетом и библиотекой. Все четыре стены до потолка заставлены стеллажами с книгами, оставляя свободными лишь дверной проем и окна. В центре стоял тяжелый стол из темного дерева, а перед ним два кресла. За столом работала с бумагами пожилая женщина. Она подняла на девушку вопросительный взгляд.

Надя смущенно подошла к столу и неловко присела в реверансе.

— Я на должность садовницы, госпожа.

Женщина смерила царевну взглядом, задумалась ненадолго.

— Меня зовут госпожа Алид Ван Варенберг. А тебя? Из какого ты города?

Говорила женщина на гроенском, но выговор у нее был четкий, с хорошей артикуляцией и понятными паузами. Именно так учила говорить пани Ожина. Царевна облегченно вздохнула.

— Из Северной Варты, госпожа. Зовут Настасья, — ответила она, старательно выговаривая слова.

— Ищешь работу? Приезжая?

Надя решила обойтись малой ложью. Утвердительно кивнула.

— Где выучила язык? Ты хорошо говоришь, — заметила женщина.

— Я всегда мечтала переехать жить на острова.

— Там говорят на кало.

— Его я тоже учила.

Женщина подняла брови.

— И почему девушка с таким прекрасным образованием ищет работу садовницы? — уже на островном наречии спросила она.

— Даже такую работу тяжело найти в Морин-Денизе. Как я могу желать чего-то большего? — честно призналась Надя, тоже переходя на кало.

Женщина отложила в сторону механическое перо и сцепила руки на столе.

— Ты умеешь грамотно писать на аринском и гроенском? Читать?

— Да, госпожа.

— Ты приехала в город одна или с семьей?

— Одна, госпожа.

— Садись.

Женщина, не вставая, подвинула ей чернильницу, перо и лист бумаги.

— Пиши.

Следующие полчаса Надя неожиданно для себя сдавала экзамен по языкам. Госпожа Ван Варенберг заставила исписать несколько листов текстами под диктовку и перечитать несколько глав из разных книг.

В конечном итоге хозяйка была удовлетворена. Она побарабанила пальцами по столу, принимая решение.

— Тебе повезло, Настасья. Я искала секретаря, и ты мне подходишь. У меня нет предрассудков касательно твоего происхождения, но есть несколько важных требований. Во-первых, ты не должна воровать. Предыдущий секретарь был уволен за кражу. Он уверял меня, что его семья умирает от голода, но даже при таких обстоятельствах я подобного не приемлю. Поняла?

Надя послушно кивнула.

— Второе. Твоя репутация. Никаких мужчин. Мне нужен самоотверженный работник, а не барышня на выданье. Я тебе не тетушка, а хозяйка.

— Да, госпожа.

— Платить я буду не много, но позволю жить в своем доме и питаться со слугами. Тебя устраивает такое предложение?

— Да, госпожа! Спасибо...

Женщина прервала ее жестом.

— Давай без пустословия. Я возьму тебя на один месяц, до зимы. Половину выплачу сразу и половину — в конце месяца. Если не разочаруешь меня, возьму на год.

Надя кивнула.

— И еще одно. Со мной в доме живет внук. Если узнаю, что ты крутишься рядом, — вылетишь не только из моего дома, но и из города. Ты поняла?

Надя кивнула.

— Иди, Настасья. Карин покажет спальню и расскажет о порядках в доме.

Слуги спали на третьем этаже, под чердаком. Надю поселили в комнате с тремя горничными. Ей выделили узкую кровать у окна и

тумбочку. Шкаф для одежды был общим, но у Нади кроме платья на ней ничего не было, так что теснить девушек не пришлось.

Она пообедала со слугами на кухне и остаток дня помогала госпоже Ван Варенберг переводить бумаги на аринский.

Наступил вечер. Надя снова ела на кухне со слугами. Они все, кроме повара, были южанами — на Надю смотрели презрительно. Царевна молча поела и тихо вышла из кухни.

Легла рано. Сон никак не шел. Царевна смотрела в потолок и думала о Роджере. Странно, но она совсем не злилась. Если подумать, тут не на что обижаться. Как сказать о таком, не испугав?

«Я — Анку, бог мертвых, которому тебя обещали с рождения, но ты не бойся меня, давай погуляем, поболтаем... Может, подружимся...»

Чушь, конечно. Обидно было, что он не решился рассказать все сам, что сбежал, не попрощавшись.

Над городом зазвенели колокола.

Царевна рывком села на кровати, прислушалась. Ее соседки спали, ни одна даже не вздрогнула во сне. Как они живут здесь, постоянно ожидая нападения? Люди ко всему привыкают, но они не должны привыкать! Нельзя к такому привыкать! Если бы она могла колдовать! Она все на свете отдала бы за умение колдовать!

Царевна прислушалась к себе, но ничего не почувствовала. Если магия и есть в ней, то очень глубоко под кожей.

Колокольный звон стих. Надя легла опять на подушку, закрыла глаза.

«Роджер, как так получилось, что ты не можешь ничего с этим поделать? Смогу ли я?»

Наде выдали платье и передник, какие носили горничные, и пару стоптанных туфель. Домоправительница ни о чем не спросила, хотя взгляд ее был красноречив.

До конца недели царевна работала с госпожой Ван Варенберг, не поднимая головы. Работы оказалось много: госпожа торговала солью с десятком лесных городов. Соль поставляли с островов, торговля шла хорошо, и они были завалены горой писем, деклараций и отчетов.

Они начинали в восемь утра. Надя впервые попробовала горький черный напиток с островов. Он имел очень вкусный аромат, но пить его было почти невозможно.

В десять был короткий перерыв на завтрак, и работа продолжалась. Обедали здесь же, в библиотеке и снова работали. И так до восьми вечера. Ужинала госпожа с внуком вдвоем. Надя ужинала со слугами на кухне.

Из окон библиотеки, царевна дважды видела внука госпожи Алид.

Будевин Ван Варенберг приходил домой раз в три дня — он был капитаном Алых Мундиров. Лицо у него было загорелое и обветренное, волосы, как у всех жителей прибрежных городов, выгоревшие до белизны. Будевину было двадцать пять, но шрам от виска до подбородка и напряженное, встревоженное выражение молодого лица старили его.

Госпожа Алид встречала внука в саду. Он быстро целовал ее в лоб, и они вместе шли по дорожке из гравия в дом.

Сквозь открытое окно библиотеки Надя слышала шуршание мелких камешков под ногами и привычно поднимала голову от бумаг. Ей нравилось видеть эту трогательную близость между бабушкой и внуком, и был интересен сам Будевин.

Царевне хотелось поговорить с ним, расспросить о чудовищах, о том, как они справляются с ними, что делают, чтобы защитить город. Если бы могли попросить богов о помощи, то чего бы просили?

Но госпожа Алид, опасаясь, что новая секретарь посмеет соблазнить ее единственного наследника, их не знакомила, а сама царевна не хотела злоупотреблять добротой хозяйки и заводить знакомство без ее разрешения.

На седмицу пришелся ее первый выходной.

— Настасья!

Царевна не сразу вспомнила, что обращаются к ней, и продолжила переводить бумаги.

— Настасья! — требовательней повторила госпожа Ван Варенберг.

Надя вздрогнула.

— Сегодня все приличные горожане ходят в церковь, — хмурясь, сказала госпожа Алид. — Кому ты молилась в Варте?

Надя растерялась. Очевидно, что упоминать Роджера не стоит, тогда кого?

— Эолу.

Женщина удивленно подняла брови, но расспрашивать не стала.

— Помолись ему на новом месте. Работать сегодня не будем.

Надя вышла за ворота особняка, спустилась по улице к трамвайной остановке и села на скамье. Она не знала, куда ей идти.

Царевне не хотелось говорить сейчас с богами. Разве что с одним, но Надя не была уверена, что он захочет ее слушать.

Слуги с улицы Цикория, что собирались небольшими группами в стороне, бросали на Надю косые взгляды. Никто не заговаривал с ней, даже горничные из дома госпожи Алид. Подъехал трамвай. Люди зашли в него, и

остановка вновь опустела. Надя осталась сидеть на скамье.

— Ты опоздаешь в храм.

Надя обернулась. Будевин Ван Варенберг, в своем неизменном алом мундире, остановился рядом, улыбаясь. Надя вспомнила предупреждение госпожи Алид и замерла, как загнанный в угол мышонок.

— Ты — новый секретарь моей бабушки, верно? — спросил он.

Царевна кивнула.

— Я — Будевин.

— Я знаю.

Царевна старалась не смотреть на него, но на остановке они были одни, и никак не уйти от этого разговора.

Солдат склонил голову набок, пристально рассматривая ее.

— Ты боишься меня?

— Вас — нет, а вот вашу бабушку...

Она подняла на него короткий взгляд и встретила открытую улыбку. На такую улыбку невозможно было не ответить, и Надя улыбнулась.

Будевин был ярким представителем южан. Среднего роста, крепкий и широкоплечий. Он сильно загорел за долгое южное лето, обесцветились брови и ресницы, но от этого ярче казались голубые глаза. От правого виска вниз до подбородка опускался широкий шрам. Некрасивый, отталкивающий, но царевну он не пугал. Ей нравился Будевин. Бывает же такое — смотришь человеку в глаза и сразу проникаешься симпатией.

Над городом зазвенели колокола.

Надя и Будевин замерли, настороженно вслушиваясь. Потом встретились взглядами.

— Вам разве не нужно быть сейчас там?

— Мое дежурство начинается через час. Все в порядке.

— Для вас это так обыденно, что даже страшно.

Солдат пожал плечами.

— Мне очень жаль! — сказала Надя.

Будевин улыбнулся, тронутый ее наивным сочувствием.

— Мне тоже.

Застучали копыта лошадей. Снизу к остановке поднимался трамвай. Колокольный звон над городом затих.

— Будевин! — поддавшись порыву, спросила Надя. — Если бы вы встретили живого чародея, что бы просили? Меч? Броню?

Трамвай остановился перед ними. Будевин посмотрел ей в глаза и грустно улыбнулся.

— Ни то, ни другое, Настенька. Пусть забудут дорогу на землю. Как

думаешь, есть такое волшебство?

Он подмигнул ей, широко улыбнулся и запрыгнул на подножку трамвая. Царевна осталась на остановке.

Пана Станислава и пани Ирины дома не оказалось.

Юлия сидела в саду и нанизывала на рыболовную леску разноцветные стеклянные бусины. Она подняла взгляд, узнала Надю.

— Утро доброе, Настасья!

— А ты почему дома?

Юлия смущенно улыбнулась.

— Родители ходят в храм Мокоши. Там ужасно скучная церемония. Я сказала маме, что у меня женские дни. — Девушка предостерегающе подняла палец к губам. — А почему ты не в храме?

— Я еще плохо знаю город.

Юлия оживилась:

— Хочешь покажу?!

Храм Бальдра-Ярока вблизи оказался еще больше, чем ей представлялось со смотровой площадки. Высокая позолоченная пагода сияла, как осколок солнца. Вокруг был разбит ухоженный парк с фигурно подстриженным кустарником и лавочками для отдыха.

Следом за Юлией Надя вошла в храм.

Здесь пахло свечами. Сквозь распахнутые окна влетал прохладный утренний ветер, было светло, празднично илюдно. К алтарю и статуе Ярока не подойти. Девушки постояли немного у двери, любуясь желтыми и лазурными фресками, и вышли в парк.

— А где крематорий? — спросила Надя, оглядываясь в поисках трубы.

Юлия засмеялась:

— Здесь покойников не сжигают. У местных земли полно.

— Земли? — удивилась царевна.

Юлия в ответ тоже подняла брови.

— Ты не знаешь? Местные закапывают мертвецов в землю.

— Зачем?

— Чтобы потом прийти на могилу. Поговорить.

— Но под землей не человек, а тело. Даже душа ушла! Они не знают?

— Знают, конечно. — Юлия растерялась. — Так им нравится... Ладно, пойдём!

Потом они пошли в храм Эола. Людей здесь было значительно меньше. Зрелые, степенные и серьезные, они совсем не подходили на роль

почитателей бога-мальчишки.

— Торговцы, — пояснила Юлия. — Попросят попутного ветра и легкой дороги для товаров. Вот смотри: потопчутся здесь пару минут и бегом в храм Марины. Морская богиня их больше пугает, а здесь так... На всякий случай.

Девушка оказалась права.

Следом за торговцами Надя и ее провожатая спустились в порт.

Храм Марины тоже оказался переполнен. Люди стояли на улице, вытягивая шеи, чтобы услышать о чем говорят жрицы у алтаря. Надя тоже попробовала привстать на цыпочки, но даже тогда ее невысокого роста едва хватало, чтобы увидеть высокий свод, выкрашенный в синий, и гирлянды цветов на стенах.

Торговцы, за которыми следовали девушки, хмурясь и ругаясь, стали протискиваться в храм. Юлия тоже хотела последовать за ними, но Надя удержала ее за локоть.

Время приближалось к полудню. Девушки присели отдохнуть на ступени каменной лестницы у входа в порт.

— Куда бы тебя еще отвести? Храм Мокоши далеко. В храме Марка — скучно... — Юлия задумалась.

Надя ей не мешала. Откровенно говоря, она устала. Толпа ей не нравилась, и уже хотелось домой. Но Юлия вдруг резко выпрямилась и радостно хлопнула в ладоши.

— А хочешь посмотреть на танец жриц Анку?

— На что? — удивилась царевна.

— О! Ты непременно должна посмотреть!

На набережной, под крепостной стеной, отделяющей берег от моря, уже собралась толпа. Дамы в красивых широкополых шляпках, украшенных искусственными цветами и крашеными перьями. Господа в безупречных фраках и начищенных до блеска ботинках. Даже дети здесь были опрятные, чистенькие, какими дети бывают лишь по большим праздникам и то, пока их крепко держат за руку. С крепостной стены за всем лениво наблюдали солдаты морской гвардии. Все чего-то ждали.

Перед стеной был выстроен деревянный помост. Надя и Юлия протиснулись через толпу ближе к нему и тоже стали ждать.

Их было четверо. Молодые женщины в черных шелковых платьях, смеясь и обмахиваясь веерами, не спеша шли по набережной к толпе. Люди перед ними расступились, и Юлия возбужденно вцепилась Наде в локоть.

— Черные жрицы Анку!

Надя нахмурилась.

Им всем было около двадцати лет, красивые, уверенные в себе. Длинные волосы у всех распущены и приспособлены на висках шпильками с искусственными цветами, тоже черными.

Надя испытывала смешанные чувства. Она понимала, что Роджер — бог, но не могла думать о нем, как о божестве. О ком-то, в чью честь строят храмы, кому молятся и приносят жертвы. Она смотрела на красивых женщин и испытывала незнакомое чувство — смесь обиды и ревности.

Жрицы прошли в шаге от нее, оставив шлейф из аромата жасмина и корицы, сладко-душного в такую жару. Они поднялись по ступеням на помост и замерли. Прохожие столпились вокруг, прижав Надю и Юлию к причалу.

На туфлях у них были прибиты деревянные набойки, которые громко стучали по доскам помоста. Одна из женщин ударила каблуком. За ней вторая и третья. Четвертая запела. Ее подруги подхватили песню, подхватили юбки...

Голоса их глушили ветер и волны, но они все равно звонко наступали на зрителей. Они взмахивали руками, превращая платья в черные крылья бабочек, они кружились, останавливались, пели, и их страсть, их танец захватывал слушателей. Ускорялось биение сердца, хотелось броситься к ним, присоединиться к танцу, выпустить сдерживаемые страсти наружу. Незнакомая песня дразнила и спрашивала, а в черных шелковых волнах призывно мелькали голые плечи.

Невозможно было быть более яркими и притягательными, чем в этих черных платьях под ярким солнцем среди белой толпы.

Надя не знала, как долго это продолжалось. Незнакомая песня была целой историей. Была молитвой. Была обещанием. Надя видела, как стоящие вокруг поддаются ритму, как блестят их глаза и краснеют щеки, как учащается дыхание, а руки сами поднимаются, чтобы подхватить ритм. Надя думала лишь о том, что в этих черных платьях жрицам должно быть нестерпимо жарко.

Женщины закончили песню-танец. Всплеснули веерами и замерли, подхватив юбки. Толпа не аплодировала, и Надя тоже опустила руки. Жрицы грациозно спустились с помоста и прошли вдоль толпы, придерживая юбки перед собой. Люди доставали и бросали им деньги. Медные монетки большей частью, но Надя заметила и пару серебряных. Жрицы молча собрали подношения и так же молча пошли по набережной к городу, высокомерные в своей отрешенности. Никто не последовал за ними. Люди стояли рассеянные, ошеломленные. Потом кто-то вздрагивал,

прогоняя наваждение, за ним еще один и постепенно толпа рассыпалась по набережной, словно ничего и не было.

— Пойдем! — Юлия схватила Надю за руку и повела вдоль моря, по еле заметной дорожке.

— В Морин-Денизе один из самых больших храмов бога мертвых, — рассказывала между тем Юлия. — В молельный день жрицы расходятся по всему городу и танцуют. Так они восхваляют Анку и собирают подаяния для храма. Вот куда бы я хотела ходить!

Они дошли до конца набережной, протиснулись в трещину в крепостной стене и пошли по берегу.

— Они учатся петь и танцевать при храме и носят такие красивые платья! А на их службах, я слышала, все поют и танцуют, а потом едят свинину и пьют вино!

— Едят свинину?

— Правда, здорово? У нас в семье это только по праздникам!

— Звучит здорово.

Юлия иронию не уловила и радостно закивала в ответ.

Они прошли по скользким от водорослей камням еще несколько шагов и вышли к пляжу.

— Пойдем купаться? — спросила Юлия.

— А если кто-то увидит?

Девушка рассмеялась.

— И что с того? Не бойся! Здесь редко кто ходит, особенно утром в седмицу. Все в храмах!

Она сбросила платье и в нижней рубашке пошла в воду. Надя подошла к кромке моря, присела и опустила руки в прохладную соленую воду.

Юлия уже по пояс вошла в море, обернулась, поманила Надю рукой. Царевна решила. Расстегнула крючки на платье и тоже осталась в одной нижней рубашке. После жаркого дневного воздуха, вода казалась ледяной. Надя, задерживая дыхание, чтобы не взвизгнуть, медленно вошла в воду.

— Поплыли?

— Я не умею.

— Точно! Ты же из города! Хочешь научу?

Около часа они дурачились в воде. Юлия учила ее плавать, потом они высухали на берегу, болтали о Морин-Денизе и Варте, о моде, школе и родителях. Потом снова купались.

Хороший был день.

Ночью звенели колокола. Так долго и пронзительно, что горничные в

спальне не могли уснуть! Надя и девушки сидели на постелях, с тревогой выглядывая в окна. Около четырех утра, посланный Будевином солдат, сообщил, что чудовище обезврежено и можно успокоиться.

Монстр разрушил часть крепостной стены. Пляж, на котором купались Надя и Юлия, завалило камнями.

В следующую седмицу Надя решила не заходить к Юлии, а пошла просто гулять по городу.

Заканчивалась осень. Варту давно укрыло снегом, но в Морин-Денизе листья лишь начинали тускнеть. Ночи были прохладные, под утро Надя зябко куталась в тонкое одеяло, но о зиме говорил лишь календарь на стене в спальне.

Царевна шла вдоль трамвайных рельсов, потом посидела в маленьком парке с соленым фонтаном, в конторском районе купила на лотке пирожок с яблоком.

Потом шла и шла, впервые за две недели думая о Роджере. А когда подняла взгляд, с удивлением обнаружила, что ноги сами принесли ее к дверям храма Анку.

Мрачное здание высотой с семиэтажный дом, было построено из ракушечника и выкрашено в черный цвет. Неровное, все в морщинах фресок, с острыми шпилями, похожими на высохшие пальцы, этот храм, как и ритуальные жертвы, как и танцы на пирсе, совсем не подходил Роджеру.

Кованные железные ворота были раскрыты настежь, и Надя решилась войти.

Двор храма, небольшой, но аккуратный, был густо засажен кустами гибискуса. Прямо от ворот начиналась засыпанная гравием дорожка. Она вела влево, но наискось от входа упиралась в порог храма, разветвлялась и огибала здание с двух сторон, уходя к хозяйственным пристройкам.

Во дворе было пусто, а из приоткрытых дверей слышался стук каблуков.

Надя, сама не веря, что делает это, вошла в храм.

Все внутреннее пространство занимал амфитеатр, ровно разделенный на две части. Справа стоял деревянный помост, на котором жрицы разучивали танец. Слева стоял алтарь. Над ним возвышалась статуя. Надя не сразу угадала в ней Роджера. Бог мертвых был в доспехах, в правой руке держал свой слишком изящный меч, в левой — песочные часы. На плечи наброшен плащ, и лицо нельзя рассмотреть в тени глубокого капюшона.

В проходах между скамьями стояло много подсвечников, все в потеках

остывшего черного воска. Пахло медом и древесной стружкой. Никем незамеченная, Надя сделала пару шагов, присела на край скамьи напротив помоста.

— Кто здесь? — спросила, прищурившись и вглядываясь в темноту одна из жриц.

Надя смущенно поднялась.

— Простите! Я не знала, что сюда нельзя...

Она собиралась выйти, но женщина ее остановила.

— Постой, девушка! Случайные люди не ходят сюда. — Она улыбнулась. — Подожди, я поднимусь к тебе!

Ей было около тридцати. Светловолосая, как все южанки, у нее были синие глаза и выгоревшие до белизны брови и ресницы. Черное шелковое платье удивительно шло блондинке.

— Меня зовут сестра Стерр. А тебя? — спросила она на аринском.

Царевна решила в этот раз не лгать.

— Надя.

Жрица осталась невозмутимой. Она села рядом, вытянула ноги и помяла уставшие щиколотки. Посмотрела на царевну с любопытством.

— С утра разучиваем. Тебе нравится?

Царевна неуверенно кивнула. Жрица улыбнулась.

— Ты откуда, Надя?

— Из Каста.

Сестра Стерр кивнула. Расспрашивать не стала.

— Вы хорошо говорите на аринском, — сказала Надя.

— В наш храм приходит много девушек из лесных городов. С моей стороны невежливо не знать их языка. Что привело тебя к нам? Тебе нужна помощь?

Надя улыбнулась.

— Спасибо, сестра, не нужно. Я просто увидела храм и захотела зайти. Простите, если я вас отвлекла...

— У нас не бывает случайных людей, Надя, — повторила жрица. — Пойдем, я покажу тебе все!

Они прошли через сцену к алтарю и остановились у безликой статуи.

— Знаешь, как Анку стал богом смерти?

Надя отрицательно покачала головой.

— Когда Ян и Ина сотворили первых богов, первых людей, первых животных и посеяли зерно Великой Яблони, они позвали своих детей, богов-сиблингов, и сказали: «Вот ваш дом. Заботьтесь и любите его во славу нашу. Вот вам монета, зерно, зеркало, камень, клубок нитей и

ножницы. Возьмите каждый, что по нраву, и правьте».

Стали первые боги делить: кто чем будет править.

Ярок, как самый старший брат, выбирал первым. Взял он монету.

«Будешь править небом и небесными светилами, Солнцем и Луной — сказал Ян. — Для этого нужна мудрость, смелость и сила».

Второй подошла выбирать красавица Марина. Взяла она зеркало.

«Будешь править морем, реками и дождем, — сказала Ина. — Быть им прекрасными и изменчивыми, как ты сама».

Ард-кузнец выбрал камень. Вали — зерно. И вот остались у стола Анку и его сестра Мокошь.

Анку был самым младшим, самым добрым и самым красивым из богов. Мать Ина любила его сильнее всех детей, а потому накануне выведала у супруга, что какой предмет значит, отозвала Анку в сторону и тихо шепнула: «Сын мой любимый, когда начнешь жребий выбирать, что хочешь бери, лишь ножниц не трогай. Кто ножницы возьмет, тот до конца времен останется одинок и ненавидим».

Стоит Анку перед столом, а на столе лежат ножницы и клубок ниток. Посмотрел Анку на сестру, и сердце его доброе сжалось от жалости. Протянул он руку и взял ножницы.

Заплакала Ина, тяжело вздохнул Ян.

«Что ж, сын, — сказал отец богов, — суждено тебе до конца времен быть Смертью. Сестра твоя будет плести из нитей судьбы всего сущего, а ты будешь эти нити пресекать. Женщин, детей, стариков и мужчин, у каждого ты рано или поздно отнимешь самое дорогое, что есть у них — жизнь, и проклянет тебя каждый...»

Ничего не сказал на это Анку, повернулся к брату, Арду-кузнецу, хозяину земных недр:

«Выкуй мне двенадцать железных обручей и надень на мое сердце!..»

Молчали. Жрица выдержала эффектную паузу. Надя смотрела на статую у алтаря, оглушенная услышанным.

— Приходи, если захочешь узнать больше о нашем боге, — подытожила жрица. — Поверь, он не так страшен, как о нем говорят!

— Я знаю.

Жрица вернулась к сестрам на сцене, а Надя задержалась у алтаря. От стыда и разочарования в себе она не могла дышать.

«Нити или ножницы, девочка?» — спросил ее Роджер.

Царевна зажмурилась, чувствуя, как горят щеки и холодеют руки.

Значит он, выбравший ножницы, такой увидел ее в том лесу?! И как ей

жить теперь? Как взглянуть ему в глаза при встрече?

«А будет эта встреча?»

Только сейчас, стоя перед пустой статуей, она вдруг поняла, как ей не хватает его. Странное было чувство.

Она честно старалась выбросить Роджера из головы последние дни. Он не человек, у него свой путь, у нее — свой. Пусть разочаровывается в ней, пусть бросает. Что с того, если они больше никогда не встретятся?

От этой мысли подкашивались ноги.

Надя запретила себе ходить в храм. Чем меньше воспоминаний о Роджере, тем лучше. Он сам решил оставить ее, ей же лучше!

Но прошел день, прошла неделя... Странное новое ощущение не покидало ее. словно в груди поселился противный верткий хорек, он все крутился, толкался, царапал душу. Он не давал дышать в полную силу, отравлял любую радость. Не хотелось есть, не хотелось спать, и восторг от нового города, от долгожданного моря и новых встреч — обесцвеченный.

Перед сном, лежа в кровати и всматриваясь в черные силуэты яблоневых веток, царапающих окна, она звала его.

«Роджер! Ты ведь слышишь, когда я к тебе обращаюсь, правда? Роджер, пожалуйста, приди ко мне. Давай поговорим! Это не честно, что ты сбежал, не поговорив со мной!»

Темнота в комнате молчала.

Шепот.

Как человек, живущий на берегу океана, привыкает к шелесту волн, так и Анку привык к этому вечному шепоту, перестал замечать. Он слышал каждое слово, каждую обращенную к нему мысль, но никогда не прислушивался. Он был Смертью, в его адрес редко произносили добрые слова, так зачем слушать? С начала времен он носил на сердце двенадцать железных обручей и был глух к мольбам.

А ее он слушал.

Девочка скучала по нему. Никто и никогда не тосковал о нем раньше, и это смущало, сбивало с толку, травило душу. Он никак не мог понять, нравится ему это ощущение или мешает. Поэтому замер.

Ее тоска не продлится долго. Она привыкнет к новому городу, найдет друзей, влюбится и оставит мысли о нем. Так что с того, что он позволит себе небольшую слабость?

Он слушал...

Надя снова пришла в Черный храм.

Служба начиналась в полдень. Черные жрицы заканчивали представления по городу и возвращались в храм. Посторонних не пускали, лишь несколько таких же новеньких девушек, как Надя, почти готовых присоединиться к жрицам.

Все заняли свои места. В храме заперли двери, зажгли свечи, по рядам стали передавать большую серебряную чашу с крепким медовым напитком. На сцену поднялась сестра Стерр в сопровождении десяти старших жриц. Внизу в первом ряду перед сценой расположились женщины с музыкальными инструментами. Скрипки, гитара и кастаньеты в руках танцовщиц, все слилось в упоительную, будоражащую мелодию. Начался танец, жрицы затянули красивую песню о любви и ночи, закружились, повели обнаженными плечами в черных кружевах...

Надя не знала, сколько это все длилось. Жрицы замерли, тяжело дыша, на сцене. Музыканты перестали играть, но сердце все еще лихорадочно билось в груди. В голове шумело от медового напитка. Было душно, пахло воском и женским потом.

Открыли окна. Жрицы смеялись, переговаривались. Надя услышала отрывок разговора вероятной послушницы и женщины в черном.

— Я поговорю с сестрой Стерр. Думаю, ты безупречно подойдешь.

— Невеста Анку? Я?

— Поверь мне, я разбираюсь в людях. Оставайся после праздника, и я поговорю с сестрой.

Женщина протянула девушке чашу:

— Пей. Жарко.

Девушка сделала глоток, закашлялась.

— Ну, как тебе сегодня?

Сестра Стерр, улыбаясь, обняла Надю за плечи и повела к выходу из храма.

— Понравилось?

Надя кивнула. Возразить нечего — представление было незабываемым.

— У тебя есть, где остановиться?

Надя снова кивнула.

— Родственники?

— Нет. Я одна. Нашла работу.

Жрица одобрительно кивнула.

— Работа это замечательно, но одиночество тяготит любого. Приходи к нам еще!

Надя не собиралась идти туда снова, но прошла неделя, еще одна, и одиночество начало тяготить ее. Слышал ее Роджер или нет, но в храме она чувствовала себя ближе к нему. И она пошла.

— Ты ходишь в храм Анку? — вместо приветствия спросила госпожа Ван Варенберг утром во вторник.

— Да...

Женщина встала из-за стола, подошла к кушетке и поманила Надю к себе.

Они сели, и госпожа впервые за время их знакомства посмотрела на царевну тепло.

— Тебе плохо у нас?

— Нет... — смутилась Надя.

— Я понимаю, как располагают к себе жрицы, но это не врожденное обаяние. Они учатся ему!

— Я понимаю, что люди не любят Анку, но...

— Не в этом дело! — перебила ее женщина. Взяла за руку, сжала. — Тебе одиноко в чужом доме, в чужом городе. Я понимаю, почему тебя тянет в этот храм, но о них ходят очень скверные истории. У них в храме пропадают люди.

Надя хотела улыбнуться шутке, но госпожа Алид смотрела серьезно.

— Это правда, — повторила она. — Именно поэтому они так добры к приезжим. Не ходи туда! Как бы тебе ни было одиноко в нашем городе, не ходи! Ты не там ищешь друзей!

Надя пообещала быть осторожной, и больше они к этому разговору не возвращались.

В следующую седмицу после представления к Наде подошла сама сестра Стерр.

— Хочешь увидеть его?

— Кого?

— Анку.

— Я думала, он не показывается смертным.

— Обычным смертным — нет, но своей невесте — да.

Сердце упало.

— Кому?

— Ты наверняка слышала лживые истории о невесте Анку. О Черной царевне.

— Лживые?

— Конечно, девочка! Неужели ты думаешь, что это правда?

— Честно говоря...

— Не знаю, что за ребенка держат в Черной башне Варты, но, поверь, неопытная, неподготовленная девушка даже царских кровей не может претендовать на подобную милость.

Надя промолчала.

Сестра Стерр обняла царевну за плечи и повела из храма.

— Раз в месяц самая красивая, преданная и умная из сестер удостоивается чести быть представленной нашему господину. Мы нарекаем ее Истинной Невестой Анку и отправляем к нему.

— Раз в месяц? Сколько же у него сейчас жен?

— Истинная будет одна. Она станет темной богиней и будет править с ним в царстве теней.

— А остальные? Что еще за невесты, которые не становятся женами?

Жрица посмотрела на нее сурово.

— Не кощунствуй, милая. Это выбор самого Анку. Если ты не попадешь в его царство, значит твоя вера и преданность были недостаточно сильны. Не нам судить о его выборе.

— Что будет, если я ему не понравлюсь?

— Не спеши говорить такое! — улыбнулась жрица. — У меня очень хорошее предчувствие!

— Я не слышала, чтобы у Анку была жена. Предыдущие невесты не подошли? Что с ними? Они мертвы?

— Это ведомо лишь нашему господину.

— Это жертвоприношение?

— Не говори ерунды! Анку не принимает жертв, лишь добровольный дар. Он никогда не возьмет жену силой. Женщина, идущая к нему на ложе, сама принимает это решение.

— Это невозможно! — решительно возразила Надя.

Она понимала, что Черный храм и все эти ритуалы не имеют ничего общего с настоящим Анку, с ее Роджером, но человеческие жертвы оказались последней каплей.

— Ты ничего о нем не знаешь! — сказала Стерр, и Наде захотелось рассмеяться ей в лицо. — Ты ничего о нем не знаешь, девочка, так не говори пустых слов!

Надя закусила губы.

— Милая, ты, наверное, расстроилась, узнав о невестах... — вкрадчиво начала жрица, увлекая ее в парк за храмом. — Я понимаю. Я сама прошла через это. Тебя впечатлила и тронула история с ножницами... Ты влюбилась в него. Так же, как я в свое время. Это случается, и в этом

нет ничего плохого. Любить даже безответно — большая радость и большое благословение. Любовь лучшее, что есть в этом мире, девочка. Это величайшая сила, способная как на созидание, так и на разрушение. Я понимаю, как горько узнать, что тот, кого ты любишь, принадлежит кому-то еще, но у тебя есть возможность...

Надя уже понимала, что ей предложат. Ее настойчиво вели к хозпристройкам, и она понимала, что отказаться не получится. Да ей и не хотелось. Роджер не отвечал, и если жрицы знают способ встретиться с ним, — она готова рискнуть.

— У меня удивительное предчувствие на твой счет, милая!

— Правда?

Надя ни мгновения не верила жрице.

Ее привели в деревянный флигель. Здесь их уже встречали две старшие жрицы. Во флигеле был накрыт стол, на котором из напитков стояла лишь крепкая медовуха, которой Надю уже поили в храме.

— Поешь, милая, — вкрадчиво предложила сестра Стерр.

Надя съела кусочек жареного сыра. Сыр был соленым, а запивать можно было лишь крепким медом. Царевна обмакнула в него губы, не сделав глотка. Происходящее ей не нравилось.

Пришли еще две жрицы. Они терпеливо стояли под стенами, пока сестра Стерр развлекала Надю легкими разговорами, подталкивая к ней тарелки с соленой едой.

Во флигеле были закрыты окна, горели свечи. От духоты, медовухи, долгого дня и монотонного голоса жрицы Надя чувствовала себя как во сне.

Она сама не заметила, как с нее сняли одежду, нарядили в красивое черное платье, надушили и снова отдали в распоряжение сестры Стерр. Жрицы у стены затянули тихую песню. Царевна чувствовала себя как в страшном сне, когда не можешь проснуться. Тело было мягким, как воск и безвольным, как тряпичная кукла. Пора было бы испугаться, но даже для этого воли не осталось.

Новые жрицы принесли большое зеркало, укрытое черным атласом. Его поставили напротив царевны, бессильно обмякшей в кресле, и тут жрицы наконец покинули флигель.

Прошла минута. Прошло пять. Туман в голове стал отступать.

Сначала Наде показалось, что она ослышалась. Где-то далеко играла гитара. Музыка становилась громче. Тонкая капель превратилась в град, зацелкали невидимые кастаньеты. Музыка заполнила всю комнату. Безумный ритм кружил голову и перехватывал дыхание. Затем отражение в зеркале удлинилось и превратилось в другой зал, так же до краев

заполненный свечами. В отражении появился человек, поманил к себе рукой.

Надя поднялась из кресла. Настроенная идти до конца, она смело переступила зеркальную раму и оказалась в другом месте. И только теперь узнала мужчину в отражении. Все внутри сжалось.

— Добрый вечер, Мак.

— Добрый вечер, Надежда.

Бог-обманщик был в своем неизменном распахнутом на груди халате. Он удивился и тут же обрадовался.

— Вот так встреча! Что ты делаешь здесь?

— Убери музыку.

Мак щелкнул пальцами, и стало тихо. Стены вокруг оплыли, как воск, изменили цвет, раздвинулись, и Мак с Надей оказались в знакомом бальном зале. Зеркала на стенах превратились в открытые настежь окна, и в них стояла неподвижная луна. Бог расположился в оказавшемся позади него кресле, Надя осталась стоять.

— Не ожидал тебя встретить, — сказал он, щуря кошачьи глаза.

— Я тоже. Ты бог-сон?

— А ты так и не собралась выучить наши имена?

— В том, чтобы угадывать вас, есть особая прелесть.

— До поры до времени.

Надя промолчала.

— Значит, дядюшку ты уже угадала? — Он подмигнул. — Испугалась?

— Удивилась.

— Смелая девочка.

У него в руке появился бокал с зеленым вином. Такой же появился на подлокотнике дивана рядом с Надей. Царевна сделала вид, что не заметила его.

— Чем займемся?

— Анку знает, чем ты занимаешься от его имени?

Мак отпил из бокала, прищурился.

— А ты решила на правах невесты навести порядок? Ревнуешь?

— Не порочь его имя! Если тебе нужны любовницы — построй свои храмы. Ты прекрасен, и женщины будут рады отдаться тебе.

— Стать невестой первого бога или любовницей второго? Как думаешь, что выберут? — Он покачал головой. — Зачем что-то менять? Меня все устраивает.

— Что происходит с ними?

Надя задала вопрос, не ожидая ответа. Она знала. Мак улыбнулся,

утвердительно кивнул головой.

— Ты верно думаешь. Я наслаждаюсь их обществом, а когда они надоедают — оставляю в саду. Из них получают красивые статуи.

— Сколько их?

— Зачем тебе знать? Ты в ловушке, мышка, прекрати выведывать, тебе некому будет передать эти знания.

У Нади холодок пошел по коже.

— Я невеста Анку. Ты не посмеешь тронуть меня.

Мак, глядя на нее поверх бокала, очень медленно допил свой напиток. Бокал вновь наполнился, на этот раз чем-то красным.

— Все эти женщины были его невестами. Мой замок неподвластен Анку. Все, что здесь происходит, — остается здесь. Хочешь проверить?

— Я не просто очередная глупая девчонка. Я — Черная царица из Северной Варты, последняя чародейка Яблоневого Края и нареченная бога мертвых. Уважай это!

Он прищурился, усмехнулся.

— Хорошо. Давай на мгновение я притворюсь, что это имеет значение. Что дальше?

Надя не знала. У нее не было ничего, чтобы выторговать свою жизнь.

— Я не знала, кто ты. Мне жаль, если я рассердила тебя, бог-обманщик.

— Теперь знаешь. Что будешь делать?

Мак поставил бокал, поднялся и пошел к ней, на ходу сбрасывая с плеч халат. От страха у Нади вспотели ладони.

Он остановился напротив, красивый и соблазнительный, он наклонился, провел пальцами по ее губам, замер на расстоянии дыхания, дразня и проверяя.

От злости у девушки перехватило дыхание. Она положила ему руки на плечи и со всей силы ударила коленом в пах.

Маруся из Варты была права: хоть и бог, а в штанах он был мужчиной. Мак охнул и согнулся, а Надя бросилась к ближайшему окну. Быстрее, чем он опомнился, быстрее, чем сама испугалась, царица запрыгнула на подоконник. Мак зло выкрикнул ее имя, и царица прыгнула.

Она успела увидеть под ногами крыши ночного города и улицы, залитые светом фонарей-кровавок, а потом кто-то крепко схватил ее за руку, дернул что есть сил назад, вокруг закрутился холодный, полный снега вихрь, и все исчезло.

Надя стояла на вершине мира, на верхней площадке невозможно

высокого маяка. Вокруг плыли облака, оседая мокрым туманом на волосах и лице. Надя обернулась, и Роджер поспешно выпустил ее запястье.

— Ты с ума сошла?! — крикнул он.

Радость.

Светлая, чистая и всепоглощающая радость захлестнула ее. Надя улыбалась и ничего не могла с собой поделать, потому что за эту встречу готова была простить ему любые слова. Глупое сердце билось в груди, как бешеное. Надя не могла пошевелиться, обезоруженная чувством, что захлестнуло ее.

«Я люблю его!»

Радость сменилась отчаянием, и этот прыжок из счастья в беду оказался головокружительнее того, что она совершила минуту назад. Пустота в желудке, ком в горле. Это так любят?

Что дальше? Это последняя встреча или Роджер сможет отменить проклятие? Захочет ли?

— Думаешь, если Мокошь назвала тебя моей невестой, то все можно?! Ты лишь претендентка. Если покончишь с собой, отправишься в Царство Мертвых по обычному пути. Я не буду тебя спасать. Если ты хотела встретиться, то выбрала неправильный способ. Не люблю самоубийц. В моем царстве для них есть особое место и оно тебе не понравится.

Надя жадно вглядывалась в его лицо, стараясь запомнить каждую черту. Он казался младше, чем при последней встрече. Наверное потому, что отросли волосы и челка падала на лоб, закрывая брови и напряженную морщинку между ними. Больше всего на свете она хотела сейчас прикоснуться к нему, но стояла неподвижная, боясь, что от одного неловкого движения он пропадет, как туман.

— Испугалась? — уже спокойно спросил Роджер.

— Нет...

Он больше не был похож на бродягу из леса, хотя и на царя мертвых не походил. Строгий черный фрак, белая рубашка, жилет и серый шейный платок. На пальцах тускло блестели железные кольца, похожие на оружие больше, чем на украшения.

— Совсем не страшно?

— Совсем. Я скучала по тебе!

Он смутился и сразу рассердился на себя. Его лицо потемнело, треснуло сетью морщин, и перед ней оказался сухой высокий старик в черном балахоне.

— А теперь? Я все еще кажусь долгожданным другом?

Надя рассмеялась, взяла его лицо в ладони, привстала на цыпочки,

заглянула в глаза — знакомые, молодые, человеческие.

— Я. Тебя. Люблю.

Он рассердился. И смутился, и испугался! Он отшатнулся от нее, отступил на шаг. Он снова был собой, мужчиной в черном костюме, и такую ярость на его лице Надя видела, лишь когда они были на болотах.

— Дура! Ты понимаешь, что говоришь и кому? Ты правда думаешь, что я возьму тебя в жены?!

В воздухе повис металлический звон. Роджер сжал кулаки, стоял белый от злости и боли.

— Это обручи? — спросила Надя. — Те, что на сердце?

Роджер громко расхохотался, не искренне, но обидно. Далеко в небе ударил гром. В воздухе запахло грозой и мокрой травой.

— Что ты знаешь о моих обручах? Что знаешь о любви? Глупая, маленькая девочка, падкая на броскую внешность и псевдотаинственность. Найди себе странствующего барда, благородного разбойника или зачарованного принца! Я — Смерть. Мне не нужна любовь. У меня другая роль, дурочка! Я пришел к тебе из пустого любопытства. Подумал, что в тебе должно быть что-то великое, если Мокошь решила сосватать нас, но ты оказалась не интересней стрекозы: забавная, яркая букашка. Как ты смеешь предлагать мне свою любовь?

Надя вздернула подбородок. Каждое его слово било наотмашь, но, возможно, это последняя их встреча, и она не имеет права отступить.

— Моя любовь не стеклянная бусина, Анку!

От звука собственного имени, чужого для ее губ, он напрягся, дрогнули ресницы.

— Не отмахивайся от нее и не обесценивай просто потому, что она тебе не нужна. Я не спрашиваю твоего разрешения, а лишь хочу, чтобы ты знал о ней.

— Ты дура, девочка? — уже спокойней переспросил бог. — Ты понимаешь, кому и что говоришь? Мое лицо — одна из масок. У меня их тысячи. Не страшно признаваться в любви богу-мертвецу? Анку и Роджер — не две личности в одном теле. Нет Роджера-человека и Анку-бога. Я — Антака. Я — Дит. Я — Эрлик. Ты не можешь влюбиться лишь в одно из имен и лишь в одно из лиц.

Небо над ними стремительно темнело, наполнялось водой и бурей.

— Я — Смерть, девочка. Зачем ты мне? Хочешь стать богиней? Этого не будет. Чтобы быть равной мне, недостаточно глупого предсказания. Думаешь, ты первая или последняя, кто мне был предназначен? Сотни женщин были до тебя и сотни будут позже. Царицы, полубогини и

чародейки. Кто ты? Не самая красивая, не самая умная и не самая смелая.

— У меня есть время стать кем-то, на кого ты захочешь посмотреть, — тихо, но твердо ответила Надя.

Он презрительно усмехнулся, покачал головой.

— Живи своей жизнью, девочка, я не приближусь к тебе. Это ценный подарок, будь благодарна за него и не прыгай в окна. Я больше не буду тебя ловить.

— Я не возьму своих слов назад, Роджер.

— Поступай как хочешь. Это лишь слова.

Он растворился в воздухе, а Надя оказалась на садовой дорожке перед домом госпожи Ван Варенберг.

Далеко на юге, за Цветным морем и архипелагом островов Марины, стоит Серая Завеса. Вокруг — ни души, лишь волны робко облизывают подножье скалы, и висит высоко в небе одинокая чайка. Когда-то здесь был материк, но сейчас от него остался лишь кусок скалы с вырубленными в камне ступенями — Последняя Лестница. Она поднимается из моря и упирается в плотный серый туман, который ничто не в силах развеять. Это и есть Завеса. От морского дна до небес поднимается она, отсекая половину Яблоневого Края, растворяя ее в Царстве Мертвых.

На верхней ступени Лестницы появился мужчина. Старомодный кафтан из голубой парчи, белая рубаха, черные кожаные штаны и красные сапоги. Голова непокрыта. Ветер развеивает длинные русые волосы и гладит окладистую, густую бороду. На вид мужчине около сорока, но глаза у него серые, ясные, веселые и молодые.

Марк, Великий Полоз, Притви, Гефест и Ард — бог-кузнец, господин и царь земных недр не часто покидает свое каменное царство, его раздражает морской простор за спиной.

— Я здесь, — сказал он негромко. Голос у него хриплый и глубокий.

Серая Завеса расступилась, открывая узкий бесконечный коридор. Марк сделал два шага и вдруг оказался в большой комнате с книжными полками, уставленными песочными часами.

— Спасибо, что пришел, — сказал Роджер, поднимаясь из кресла навстречу брату.

Бог-кузнец сдержанно кивнул в ответ.

— Что с тобой приключилось? Как ты мог сломать обручи? Три тысячи лет не требовалось починки.

Роджер поморщился.

— Ярок был прав. Не стоит иметь дел с людьми, — уклончиво ответил

бог мертвых.

Помолчали. В руках Марка появились железные обручи, которые он стал не спеша раскладывать на столе.

— Как он там? — спросил Роджер.

— Плохо. Ярок перестает узнавать окружающих и горит все ярче. Что-то здесь не чисто!

— Почему? Отец и мать тоже в конечном счете перестали быть личностями и слились с Космосом. Это естественно для высших богов. А Хорс как раз из таких. Просто время настало.

— Может, и так, — покорно вздохнул Марк.

— Что тебя смущает?

Бог-кузнец посмотрел на него из-под бровей.

— Мелкие боги все наглее. Обманщик ходит, распустив хвост, Юрист и Банкир вообще говорят, что мы с тобой слишком велики, чтобы ходить по земле, что наше место на небе и в книжках по истории.

Роджер рассмеялся.

— Хамство, но забавное. И с чего они такие самоуверенные?

— Не знаю. И это меня беспокоит, Роджер. Твой меч ведь при тебе? Береги его.

— Само собой, брат.

Роджер снял пиджак, шейный платок и жилет, расстегнул рубашку. Великий Полоз пригладил русые усы.

— Я не очень умный, ты же знаешь, Анку. Это вы с Хорсом у нас умники, вот и подумайте вместе, что к чему. Или просто детишки распоясались, или посерьезней чего...

— Посерьезней? — Роджер усмехнулся, положил рубашку на стол. — Что они могут? Не переживай, брат, сиблингам это не к лицу.

Роджер задержал дыхание и впился пальцами себе в грудь. Глубже и глубже. Полилась кровь. Он разорвал пальцами кожу и плоть. Обнажились кости грудины. Роджер ударил по ним костяшками пальцев, и грудина треснула. Морщась, но не проронив ни звука, бог мертвых достал пальцами до ребер, раздвинул их, словно распахнул книгу. В груди, в паутине из лопнувших обручей, билось сердце.

Марк осторожно, один за другим, достал искореженные полосы железа, освобождая место для новых.

— Никогда не видел ничего более мерзкого, — заявил Эол, появляясь в дверях.

— Не помню, чтобы тебя звали посмотреть, Легкокрылый.

— Да я и не напрашивался. Совпало.

Марк достал последний из обручей, бросил на окровавленный пол, и бережно вставил новые. Все двенадцать, один за другим.

Эол налил себе вина и уселся в кресло.

Марк вытер окровавленные руки о забрызганный кровью кафтан и отступил в сторону.

Роджер сам сдвинул назад ребра, две половины треснувшей грудины и накрыл все кусками кожи. Кости, мышцы и кожа начали срастаться и спустя несколько мгновений тело было в порядке, даже следа не осталось.

Марк бросил на Эола недовольный взгляд и пропал.

— Какие новости? — спросил Роджер. На кресле рядом с окном появилась новая одежда: белая рубашка, серый жилет и темно-серый костюм.

— Твоя невеста должна мне имя! Кто будет отдавать долги? Ты или она?

Роджер застегнул пуговицы на воротничке и оправил манжеты.

— Я предупреждал ее, чтобы не раздавала обещаний. Пусть разбирается сама. И она мне не невеста.

— Она тоже так сказала, а колечко носит!

Роджер бросил на Эола сердитый взгляд.

— Мне не страшно, — улыбаясь во весь рот, заявил Легкокрылый. — Беспокоишься о ней? В самом деле влюбился или это как с котенком? Приручил и теперь чувствуешь свою ответственность?

— Если не прикусишь язык, лишишься последнего имени!

— Хорошо.

Эол замолчал и пропал.

Роджер тяжело опустился в кресло, растирая грудь. В воздухе повис тонкий металлический звон, и бог мертвых громко выругался.

Осень закончилась. Началась странная приморская зима. Потускнели, выгорели до охры листья на кленах и тополях, высохла трава, и начались дожди. Вода лилась с неба день и ночь. Похолодало. Надя купила себе калоши, дождевик и зонт, но без надобности старалась из дома не выходить: улицы Морин-Дениза превратились в реки, трамваи не ходили.

Дни шли за днями. Закончился первый месяц зимы, начался второй. Снег так и не выпал, только дни стали короче и во влажном климате Побережья зимний холод был особенно пронизывающим и неудобным.

В последний день зимы одна из морских тварей, несмотря на огонь из пушек и ружей, добралась до набережной. Погибли шестеро гражданских и один военный.

В первый день весны Наде исполнилось семнадцать. Впервые в жизни она встречала день рождения одна. Царевна купила себе новых лент в косы и пирожное с кремом.

О Роджере Надя старалась не думать.

Днем это удавалось. Днем была работа, сухие строки деловой переписки, голова была занята цифрами и словами, но ночью, откидываясь на подушку, она не могла не думать.

Как будто душу привязали к нему шелковой ниткой. Нитка тонкая и почти неразличимая, но нет сил разорвать ее, и больно рвать, и не хочется рвать. Жить с душой на поводке сил нет, но от страха, что поводок оборвут, она просыпалась ночью в поту. Надя дала имя странному зверьку, что поселился в груди, под ямочкой на шее. Приняла его и старалась лишней раз не трогать. Но прошло четыре месяца, и все чаще через тонкий лед напускного равнодушия стал пробиваться страх. Что, если она была не права? Что, если, прогоняя ее, Роджер хотел, чтобы она ушла? Может, она придумала выражение в его глазах, неверно истолковала слова и поступки?

Она не пыталась обмануть себя. Она точно знала, насколько красива и насколько умна. И честно признавалась себе, что ни первого, ни второго недостаточно, чтобы быть достойной его любви. Так какой должна быть женщина, которую полюбит бог мертвых? Она могла дать ему лишь одно — преданное сердце, но достаточно ли такого подарка? Воспримет ли он его всерьез?

— Ты помнишь меня? — мысленно спрашивала она у тишины. — Ты слушаешь меня?

* * *

Маяк называли просто маяком, потому что в Царстве Мертвых не было других. Он стоял на вершине горы Флегетон, на берегу замерзшего озера Коцит с начала времен.

Белая штукатурка на стенах потерлась и местами осыпалась, стекла запылились. Внутри фонарного помещения стоял кофейный стол и два плетеных кресла. Лампа была обычной. Медная, наполненная маслом, под абажуром из синего стекла. Здесь всегда было холодно и тихо, всегда пахло старой мебелью и сухой травой. Роджер любил это место.

С начала времен и до их конца он был единственным зрителем. Отсюда были видны все его земли, окруженные серой пеленой Завесы: заснеженные склоны горы, неровные лоскутные одеяла городов, серая

лента Леты, лес самоубийц, пустыня, зарево огненного кольца на границе мира и голубой лед озера Коцит. Четыре земных месяца он не появлялся в мире живых. Проводил все свободное время на Маяке. Ждал, когда вrastут в плоть новые обручи. Его жизнь текла по привычному руслу, заполненная привычными делами.

Когда рассветало, он отправлялся осматривать владения. Проверял границы с Завесой и огненных великанов. Навещал каждый из городов, не столько проверяя, сколько демонстрируя бдительность.

Потом отправлялся в замок. Слушая мерный шелест песка в часах, читал книги судеб, присланные канцелярией сестры.

Когда на Царство Мертвых опускалась ночь, он отправлялся в Лено. Бродил по улицам, где земля была устелена битым стеклом, где не прекращался стон и всегда стоял запах гниющего мяса. Медленно шел между дыбами и колесами для четвертования. Его сердце ровно билось в груди, сжатое железными обручами, не способное на сопереживание и жалость.

Легкокрылый напрасно дразнил его. Трогательная девочка, назначенная ему в невесты, пусть живет своей жизнью. Роджер не собирался больше вмешиваться в ее жизнь.

Но невольно он прислушивался.

Роджеру много молились. Умоляли, выпрашивали, проклинали. Но еще никогда за три тысячи лет он не получал чьей-то любви.

Когда она заберет свои слова обратно? Через месяц? Через год? Что он будет делать?

А если не заберет? Если останется верна своему слову, как верен ему он?

Роджеру нравилась тишина и невозмутимость маяка. В его мире ничего не происходило внезапно, все было подчинено правилам и распорядку. Он любил привычное и известное, и его совсем не радовало новое ощущение в груди: до боли вжимаясь в железные обручи, там билось сердце.

В Морин-Денизе начался последний месяц весны.

Цвела сирень на проспектах города и вишневые сады в Слободе. Дни стояли жаркие, ночи — теплые, проснулись пчелы. Надя убрала в сундук под кроватью плащ и калоши, заплела в косы новые ленты.

Все книги по магии, которые она смогла найти в доме госпожи Ван Варенберг — позолоченные и показушные, — уже были прочитаны. Там были основы и множество цитат, призванных показать обилие магических

дисциплин, но не хватало по-настоящему полезных сведений. Морин-Дениз был одним из трех прибрежных городов, где король Веит открыл публичную библиотеку, но, чтобы посещать ее, нужно было быть подданным одного из городов Побережья, так что первый визит Нади в библиотеку закончился ничем.

Потребовалась еще неделя, чтобы набраться смелости и попросить госпожу Ван Варенберг о рекомендации.

Прошение и рекомендательное письмо Надя отнесла в Городскую канцелярию Морин-Дениза. Спустя десять дней ее вызвали для беседы. Комиссия из трех человек — двое мужчин и женщина — долго изучали письмо, дотошно выпрашивали о семье и ничего не обещали. Домой Надя вернулась измученной. Ей никогда еще не приходилось так много врать. Если бы она знала, что это будет так сложно, то даже не пыталась бы пробиться в эту дурацкую публичную библиотеку, но отступить было поздно.

Ответ пришел через неделю. Наде разрешили посещать библиотеку под ответственность поручителя, оставляя денежный залог.

Публичная библиотека Морин-Дениза оказалась трехэтажным зданием в нескольких кварталах от порта, на перекрестке улицы Ирисов и Бродяжьего переулка.

На первом этаже за столом библиотекаря царевну встретила суровая дама из комиссии.

— Даже не думай что-то стянуть!

Надя покорно кивнула и отдала ей залог.

Из вестибюля царевна по лестнице поднялась на второй этаж и попала в разветвляющийся коридор с золочеными алфавитными указателями с обеих сторон. Тома по истории, математике, физике и медицине...

Библиотека привела Надю в восторг.

Леший запрещал рубить деревья в центральной части континента. Их приходилось валить на севере, оттуда по рекам сплавлять на юг, и уже здесь превращать в мебель, лодки и бумагу. Такое долгое и сложное производство не могло быть дешевым. Вот и книги были дорогим удовольствием, доступным лишь для знати.

Надя нашла несколько интересных работ по ботанике Побережья и островов и на несколько часов просто выпала из времени. За чтением книг ее застала архивариус. Бесцеремонно подняла со стола книгу, которую царевна читала, удивленно подняла брови, увидев руководство по разведению роз, но ничего не сказала. Надя решила, что ей пора уходить.

В следующие две недели, преодолевая жажду деятельности, царевна намеренно не читала ничего кроме ботаники.

Она опасалась, что книг по колдовству здесь не будет, но ошиблась. Они стояли на полках посреди читальных залов. В золоченых обложках, украшенные, как шкатулки богатых господ. Трогать их Надя боялась. В конце зала с точными науками была небольшая деревянная лестница на четыре ступени. Двери были плотно прикрыты, но не заперты.

Надя несколько дней посматривала на эту дверь, пока решилась заглянуть за нее. Комната за дверью была в два раза меньше читального зала и лишена украшений. Простые деревянные панели на стенах, высокие пыльные стеллажи со стопками книг. Книги лежали как попало, многие были перевязаны по несколько штук бечевкой.

Здесь были книги слишком особенные, чтобы найти читателей, вроде «Методика выведения мопсов в лесных городах». Были книги, ждущие ремонта, с потрепанными обложками и выпавшими листами. Были книги, совсем не поддающиеся ремонту, с потерянными навсегда страницами. Книги по магии Надя угадала сразу — от них покалывало кончики пальцев.

Царевна подошла к одной из связанных стопок, стоящих прямо на полу, присела на корточки и погладила верхнюю из книг, открыла.

Слова в этих книгах были другие. Написанные на аринском и на гроенском, на кало и на сканском наречии, которое она лишь угадывала по вензелям и завитушкам. И другие... Языки, которые она угадать не могла, языки давно потерянных континентов и мертвых народов. Эти слова были верткие, все в зазубринах и в вензелях. Чтобы поймать ускользающий смысл, тайное значение, спрятанное между строк, нужно было постараться.

Она пыталась изо всех сил. Царевна приходила сюда день за днем, с трудом отрывая взгляд от пожелтевших страниц, забывая счет времени, засиживаясь в библиотеке, пока не раздавались на лестнице шаги архивариуса. Перед работой, после нее, в дни, когда все ходили в храмы, и в единственный выходной. У Нади было ощущение, словно она долго страдала от жажды и наконец нашла желанный колодец.

Магия кружев, подобия и одушевления. Магия крови, магия дыхания, магия слова и магия жестов.

Вновь и вновь она спотыкалась о перекрестные ссылки, заходила в тупик, угадывала по смыслу или оставляла в голове белые пятна и шла дальше, надеясь, что со временем смысл откроется сам. От этих колючих фолиантов ее знобило, стучали зубы, а ладони наоборот горели, но настоящее волшебство не давалось. Книжная пыль начинала искриться, вспыхивали от разогретых ладоней страницы, но на этом чародейство

заканчивалось.

Но Надя не сдавалась. Умение учиться было единственным, приобретенным за годы сидения в башне.

Она зазубривала положение пальцев, разучивая заклинания плетения, как игру на гитаре, как вязание кружев. Запоминала лишенные рифм и ритма тексты заклинаний. Ритуалы. Амулеты. Имена вещей. Научилась любить горький напиток с островов. Началось лето, а магия не давалась.

Надя почти отчаялась, но не сдалась. Учила в надежде, что со временем эти знания пригодятся, чтобы исполнить пророчество. Но пока ее усилия ничего не стоили, потому что ключа, отпирающего закрытое в ней волшебство, она не имела.

Будевина привезли домой умирать.

В полдень привычно рыдали над городом колокола. Надя и госпожа Алид продолжали работать, не поднимая взглядов от бумаг. Обедали в столовой, ни о чем не разговаривали, потому что рабочие вопросы обсуждали в библиотеке.

Полин и Анук убрали со стола, подали кофе, когда у ворот остановился катафалк.

Сначала Надя даже не испугалась. Люди вокруг в одно мгновение пришли в движение. Слуги, госпожа, санитары из госпиталя и кучер, все ускорились, быстро двигались, быстро говорили, занесли в дом носилки, пропитанные кровью. Человек на них, бледный и неподвижный, был похож на восковую куклу.

В ярком солнечном свете летнего дня не могло случиться ничего непоправимого. Люди, привыкшие к опасной службе Алых Мундиров, в глубине души ждущие несчастья каждый день, запустили давно продуманные сценарии, двигались деловито, без суеты.

За несколько минут была расстелена кровать в комнате Будевина, принесены тазы с водой, бинты, бутылки со спиртом и опий. Дворецкий Каспар улетел в город за личным доктором, госпожа Алид надела белый халат, подобрала волосы и до вечера не отходила от внука. Без слез, без истерик.

Надя осталась в стороне.

Во всем доме лишь она не была к такому готова. Царевна стояла в дверях библиотеки, прислушиваясь к шагам людей наверху, и смотрела на капли крови на ступенях лестницы. С первого этажа, через коридор, наверх...

Из окон над лестницей в коридор падал солнечный свет, кружились

пылинки в лучах, в доме пахло кофе и горячей выпечкой. В такие дни не случается ничего непоправимого! Но...

Будевина принесли домой умирать.

Так сказал санитар, сопровождавший катафалк, так сказал доктор, приехавший из города.

Надя сложила в аккуратные стопки документы в библиотеке. Полин вытерла со ступеней кровь. Уехал катафалк и санитары. Ушел доктор. Солнце начало опускаться к горизонту.

Царевна спустилась на кухню к слугам.

Все сидели за столом: Полин и Анук, домоправительница госпожа Хендрика, повар Рогир, садовник Мис, привратник Джонс и дворецкий Каспар. На плите выкипело молоко, у дверей стояло ведро с ржавой от крови водой. Люди плакали. Тихо, чтобы не беспокоить госпожу наверху. Плакал повар Рогир и дворецкий Каспар. Сидел, глядя на свои руки ослепшими от горя глазами, Джонс.

Надя тихо вышла.

Дверь в спальню Будевина была не заперта. Надя не стала стучать, открыла и вошла. Железное кольцо на пальце тут же налилось тяжестью, заледенело. Госпожа Алид подняла на нее сухие темные глаза.

— Доктора тут бессильны, он потерял слишком много крови, — сказала она, не заботясь, услышит ли ее внук. — Они наложили швы и дали опий. Девочка... Что нам теперь делать?

Только сейчас царевна поняла, что госпожа стоит на ногах, лишь вцепившись в спинку кровати. Еще никогда царевна не видела госпожу Алид такой маленькой и уязвимой. Этой женщине шестьдесят пять, и она уже пережила смерть сына и невестки. Женщина стояла белая. Надя бросилась к ней через комнату, подхватила под руки.

— Госпожа, вам нужно присесть!

Женщина собрала последние силы, стряхнула со своих рук Надины руки, повернулась к девушке.

— Помоги мне! Ради всех богов, сделай что-нибудь!

— Госпожа, я не...

— Он должен дожить до завтрашнего дня! Так сказал доктор. Если он сможет продержаться, тело понемногу восстановит кровопотерю... Нам нужно лишь немного времени!

Госпожа Ван Варенберг смотрела Наде в глаза требовательно и отчаянно.

— Я не могу обещать вам, что спасу его, — сказала царевна, — но я сделаю все, что смогу.

— Я не буду просить большего, Надя.

Царевна вздрогнула.

— Я не...

— У тебя нет документов, ты пришла к нам в одном платье, как беглянка. Ты очень образованна, твоя кожа никогда не знала работы на открытом воздухе, у тебя осанка аристократки, тебе шестнадцать и ты из Варты, где, как я слышала, пропала из башни Черная царевна.

— Госпожа!..

— Я не раз была свидетелем того, как ты забываешь отозваться на собственное имя, девочка.

Надя сдалась.

— Да, я Надежда, но не та... Я побоялась, что вы неправильно все поймете...

Женщина устало усмехнулась.

— Хватит лжи. С тех пор как мир узнал о Черной царевне, люди больше не называют дочерей ее именем, а те, кто был назван так до ее рождения, — имена сменили. Я узнавала у Ордена Доблести, девочка. И в Городской канцелярии Морин-Дениза...

Она порывисто сжала Надины руки.

— Сделай, что можешь, и я никогда больше не заведу этот разговор.

Женщина наклонилась и поцеловала ей руки.

— Я умоляю тебя!

Госпожа Алид хотела выйти быстрее, чем Надя успеет возразить, но ноги не слушались, она чуть не упала и царевне пришлось помочь ей. Госпожа Ван Варенберг закрыла за собой дверь, и Надя осталась в комнате.

Царевна подошла к кровати Будевина и остановилась, глядя на бледное лицо. Этот человек был одним из немногих проявивших к ней бескорыстную доброту, и даже если бы он не заговорил с ней тогда на остановке, он достоин спасения. За свой алый мундир, за то, что стоит между своим городом и чудовищами из моря.

Надя сжала и разжала кулаки, разгоняя в пальцах кровь. Прочитала заклинание, ладони разогрелись, но больше ничего не произошло. Скрытая в ней магия оставалась под кожей, и одного желания было недостаточно.

Такое отчаяние Надя чувствовала лишь в Варте, когда ее уложили на стол харчевни. Она ничего не могла поделать! Все пророчества о ней, вся магия в ее крови, все бесполезно перед смертью одного человека!

«Как такое возможно?! Я же Черная царевна! Я единственная живая чародейка Яблоневого Края, Роджер не мог ошибиться! Так почему я ничем не могу помочь?!»

Будевин дышал часто и неглубоко, временами вовсе забывая сделать вдох. На лбу — испарина, белые волосы слиплись от пота, открывая лоб, на побледневшей коже ярко краснеет шрам.

Она опустилась на колени рядом с кроватью.

— Роджер! Роджер, ты слышишь меня?

Царевна не ждала ответа, привыкшая за прошедшие месяцы к его молчанию.

— Пожалуйста, не забирай его!

Вокруг ничего не изменилось. Ритмично щелкали в настенных часах стрелки, в окно падали розовые лучи заходящего солнца. Заканчивался хороший день, близилась ночь, тяжело дышал во сне Будевин, все чаще пропускавая вдохи, все тише...

Надя сжала кулаки.

Леденело на пальце, сводя судорогой руку, кольцо. Царевна раскрыла ладонь, посмотрела на подарок Роджера. Она и раньше понимала, что оно необычное: ей перестали сниться сны. Совсем. Кольцо защищало ее от Мака, но что еще оно может? Кольцо с руки бога мертвых не может быть простым!

На нее кто-то смотрел.

Тяжелое ощущение на затылке, встают дыбом волоски на руках. Страшно обнаружить смотрящего, но еще страшнее увидеть, что комната пуста.

Надя поднялась с колен. Постояла немного, справляясь с онемением в ногах.

В стремительно сгущающихся сумерках заострились черты Будевина, он все меньше походил на себя и все больше на восковую куклу.

Царевна нервно облизала губы и наконец решила обернуться. Кошка. Черная кошка затаилась в дальнем углу комнаты у двери. Сидела там, не шевелясь, и не сводила с Нади человеческих глаз, карих, темных. От страха царевна перестала дышать, но даже не попыталась бежать.

— Не подходи, — приказала она кошке.

Голос прозвучал слишком громко, слишком испугано. Надя заслонила собой Будевина, встала между ним и той, что ждала у двери.

— Кем бы ты ни была — убирайся отсюда!

Пересохло горло, Надя облизала губы и почувствовала на них горечь полыни.

Кошка пошевелилась, встала на лапы, выгнула черную спину, но не ушла, смотрела на девушку немигающим взглядом, почти неразличимая в темноте.

— Уходи! Ты знаешь, чье кольцо я ношу? Ты не получишь этого человека. Властью этого кольца, именем того, кому оно принадлежит, я запрещаю тебе приближаться к Будевину Ван Варенбергу!

Кошка прищурила карие человеческие глаза, зашипела, Надя схватила стоящий рядом стул и запустила в нее...

Сквозь шелест штор, шепот прибоя и шуршание песчинок в часах только Роджер мог расслышать слова. Кошка-смерть, напуганная и растерянная, жалась в углу его тронного зала. Жаловалась.

Роджер слушал, сжав зубы. Потом резко ударил руками о подлокотники кресла, вскочил на ноги, в то же мгновение оказался посреди ночной улицы Морин-Дениза.

Кованные ворота госпожи Ван Варенберг были заперты, и он прошел сквозь них, стремительный в своем гневе. Бесшумно пересек по гравийной дорожке сад, поднялся по каменным ступеням дома, но войти не смог: деревянная дверь внезапно оказалась непроницаема, а дверная ручка не ложилась в руку, словно он не существовал для глупой бронзовой безделушки.

Под кустами сирени у подножья лестницы раздался смех. Роджер обернулся.

— Мы младше тебя, дядюшка, но мы тоже богини, — сказала Милость. — Ей запрещено видеть тебя, а значит, и ты не сможешь приблизиться к ней.

— Это глупо! — раздраженно сказал Роджер. — Кто вы такие, чтобы запрещать мне что-то?

— Никто, — покорно согласилась Пасиа Грина, беря сестру под руку. — Но тогда реши все сам. Если тебе дорога эта смертная — нарушь наш запрет! Войди в дом! Если же она одна из многих — уходи. Какое тебе дело до ее судьбы?

Роджер медлил.

Он чувствовал дыхание девочки в доме. Слышал биение ее сердца. Войти? Забрать тот единственный оберег, что у нее есть? Девочка не права, она применяет его подарок не по назначению и заслужила наказания, но не такого.

Если он признает, что ему есть дело до девочки Нади, Марина и Варман Тура, Плутос и Либер, Тривия и Камена — все набросятся на нее. Совратить, обмануть, использовать в своих целях. В ту секунду, когда он переступит через это глупое проклятие, девочка станет разменной монетой в торговле с ним. У него нет для нее другого щита кроме собственного

равнодушия.

Роджер выругался и пропал.

Будевин выжил.

Он поправлялся. Медленно, очень медленно. Ему тяжело было дышать, говорить, двигаться, но он уже мог пить бульон и сидеть. Госпожа Алид старалась не смотреть на Надю. Была предупредительна, но разговор больше не заводила.

Маяк на выходе из бухты был разрушен. В той битве пострадал не один Будевин. Из команды, дежурившей в тот день, выжили пятеро. Еще десять человек погибли под обломками.

Вечером в четверг к ним в дверь стали громко стучать. Привратник не пустил людей за ворота, вызвал госпожу Ван Варенберг. Надя с тревогой прислушивалась к далеким голосам в саду.

Знакомо зашелестел гравий дорожки, ударили по каменной лестнице каблуки госпожи, хлопнула дверь. Надя вышла навстречу женщине.

— К вам пришли.

— Ко мне? — удивилась царица. — Кто?

— Парнишка из отряда Будевина при смерти. Ему сделали операцию, но началось заражение. Умирает. Его мать и сестра просят тебя поехать с ними.

— Хорошо.

— Пойдите! — Госпожа Алид схватила ее за рукав. — Подумайте минуту, Наденька.

Царица пожала плечами.

— О чем? Я нужна им.

Госпожа сжала ее плечи, заглянула в глаза.

— Посмотрите на несколько шагов вперед! Спасение Будевина можно назвать чудом и стечением обстоятельств. Со временем все забудут эти слухи. И вы сможете продолжать свою спокойную жизнь в нашем доме. Но, если вы поедете и снова совершите чудо, о вас заговорят. Кто вы? Почему вы здесь? Как вы это делаете? Вы доктор? Нет. Знахарка? Никто не слышал, чтобы знахари возвращали с того света... Чародейка? Как такое возможно?! Они вымерли! — Госпожа Ван Варенберг помолчала. — Все кроме Черной царицы.

Госпожа Алид встревоженно заглядывала ей в глаза, сжимала плечи. Надя смотрела на пол, на то место, где несколько дней назад темнели капли крови.

— Все верно. Я — Черная царица, — произнесла она, и по ее телу

прошла дрожь, — Надежда из Варты. Невеста Анку. Я не чародейка. Пока нет. Но в моих силах не подпустить к человеку смерть.

Госпожа погладила ее по плечу, горько улыбнулась:

— Они поймут это быстрее, чем вы предполагаете, Наденька. Они будут молчать, пока вы будете успевать спасти всех, кто придет за помощью. Но Морин-Дениз — большой город, и однажды, через месяц, через два, — вы не успеете. Кто-то умрет, не дождавшись помощи, и толпа взвоят. Они произнесут вслух ваше имя, ваше прозвище. Они разорвут вас на куски во имя богов. И те, кого вы спасете, будут среди первых, потому что редкий человек умеет быть благодарным.

— Вам жаль меня? Проклятую царевну?

— Я сужу о людях не по слухам. Да, Надя, мне жаль вас. Жаль ваше наивное доброе сердце — предательство разобьет его.

Надя улыбнулась:

— Я сильнее, чем вы думаете, госпожа. Я со многим могу справиться, потому что иначе не буду достойна моего имени и мужчины, которого люблю. Два месяца? Подумайте о том, как много людей я смогу спасти! Сколько матерей сохранят детей! Это ведь прекрасно!

Госпожа Алид заплакала.

— Я пойду, — тихо сказала Надя. Обняла госпожу Алид, и та крепко обняла Надю в ответ.

— Если вам нужен будет дом или убежище, или просто добрый друг — возвращайтесь к нам! Не все люди глупы и мелочны. Ищите тех, кто будет достоин вашей дружбы, и не жалейте тех, кто не осознает ее ценности. И еще. Наденька, милая, не гонитесь за их признанием. Не пытайтесь развеять мифы о себе, вы не сможете.

Госпожа еще раз обняла ее и отпустила.

На улице было сыро. Небо затянуло облаками, в воздухе пахло близким дождем и далекой грозой.

Две женщины ждали ее за воротами, у наемного экипажа.

— Вы госпожа-целительница? — Бросилась ей навстречу молодая. Пожилая осталась стоять в тени экипажа, скорбно обнимая себя за плечи.

— Да, — ответила Надя. — Это я. Едемте!

Она провела ночь в больничной палате, рядом с постелью незнакомого юноши. Белые волосы и белое обескровленное лицо.

Под утро в палату пришли посетители: молодые парни в алых мундирах. Надя молча вжалась в стену у окна, чтобы не мешать. Гвардейцы постояли у кровати больного, потом один из них вышел и вернулся с

бумажным пакетом и стаканом чая.

— Это вам, госпожа! — неловко улыбаясь, сказал он, ставя чай и пакет на подоконник. — Наш обычный завтрак после дежурства...

Надя благодарно кивнула, открыла пакет. Там были жареные мясные пироги и помидор.

Царевна улыбнулась, и солдаты, искоса следившие за ней, тоже расслабились.

— Спасибо! — сердечно поблагодарила Надя.

— Спасибо вам за Будевина, госпожа. И за Мэкке.

Он появился в храме Легкокрылого без предупреждения. Остановил время. Встал напротив таящегося в тени колонн Эола.

— Отбери у нее кольцо!

— Нет уж, дядюшка. Разбирайся сам.

— Она нарушает правила.

— В семнадцать девочки бунтуют, верно?

— Уже семнадцать?

— Людской век короток. Не успеешь оглянуться, как она состарится. Тебе хотелось бы прожить это время рядом? Попроси Мака. Пусть проведет тебя в ее сны.

— Иди прочь, племянничек! Мне надоели твои намеки. Она не невеста мне.

— Тогда что тебя заставляет вновь и вновь интересоваться ее судьбой?

Легкокрылый прислушался. Под потолком храма тонко звенела оборванная струна.

— Прекрати с этими обручами, дядюшка. Ведь ясно, что никакого толка.

— Это не твое дело.

— Марина ищет встречи с тобой.

— Правда? Зачем?

Эол пожал плечами.

Роджер сел на скамью под стеной, глубоко вздохнул, прогоняя раздражение и заставляя успокоиться сердце.

— Что с Яроком, Легкокрылый? Я давно не видел его.

— Я тоже. Он бывает теперь лишь у Марины. Говорят, горит все ярче, кроме нее никто не может к нему приблизиться.

— Жаль.

— Ага...

— Повидайся с девочкой. Пусть уезжает из Морин-Дениза и больше не

размахивает моим кольцом. И пусть влюбится в кого-то подходящего. Как звали того солдата?

— Будевин Ван Варенберг.

— Ты дружишь с Милостью? Впрочем, ты со всеми дружишь... Сведи девочку с солдатом, он хороший человек.

— Как прикажешь, дядюшка.

В дом госпожи Алид царица не вернулась. Если все сбудется, как та говорила, то каждый, кто проявит к ней сочувствие и дружеское расположение, окажется под угрозой.

Надя сняла комнатку под чердаком в квартале от больницы и сторонилась людей. Она больше не ходила к семье пана Станислава, а все свободное время проводила в больнице или библиотеке.

Никогда раньше она не чувствовала себя такой одинокой. И никогда раньше она так не скучала по Роджеру. Словно душу располовинили. Если бы он хоть взглядом, хоть одним словом подтвердил, что ему это нужно, — она не чувствовала бы такую пустоту под ногами!

Наде стало стыдно.

Нельзя быть такой малодушной! Она сама дала обещание, убеждала себя и его, что найдет опору в собственных чувствах, так что теперь плакать?

«Прости, — попросила она тишину. — Я больше не потревожу тебя просьбами».

Далеко на юге Роджер опустил на ступени Последней Лестницы, тяжело вздохнул. Глупый ребенок! Когда ей надоест играть в эту игру?

— Она упрямая, да?

Марина появилась с ним рядом, села на ступени, опустила босые ноги в теплую воду. Смуглая, черноволосая, красивая, с глазами нечеловеческого бирюзового цвета. Роджер не ответил.

— Хочешь, я отвлеку ее? Познакомлю с кем-то из моей свиты? Она не устоит...

— Мы разберемся без тебя, — не оборачиваясь, бросил Роджер.

— Морока с этими смертными, правда? И чего их к нам тянет? Тебе она нравится?

— Нет.

Бог пропал, не прощаясь. Марина потянулась, жмурясь от яркого солнца. Улыбнулась.

Рано или поздно эта встреча должна была произойти, но Надя до последнего обманывала себя, будто может ее избежать.

Утром во вторник черные жрицы ждали ее возле ворот больницы. Сестра Стерр и две незнакомые женщины остановилась, преграждая ей дорогу. Надя замерла. Ждала.

— Нам нужно поговорить, — начала сестра Стерр.

— Хорошо, — согласилась Надя.

— Не здесь.

— Нет. Я никуда не пойду с вами.

— Боишься? Мы ничего не сделаем тебе. Мы же не пьяные матросы.

Просто поговорим.

Надя понимала, что нельзя было уходить с улицы, где есть прохожие, но признаться в своем страхе она тоже не могла.

— Хорошо. Но не в храме.

Они зашли в маленький домашний ресторан на соседней улице. Надя тихо обрадовалась, увидев, что траптория наполовину заполнена людьми, но стоило в двери войти сестре Стерр, как люди стали покидать свои места.

Черные жрицы и Надя остались одни, даже хозяин ресторана скрылся на кухне. Царевна стояла посреди пустого зала, гордо поднимая голову.

— Как ты выбралась оттуда?

Надя молчала.

— Ты видела его? Правда видела?

— Это ложь, сестра, — вмешалась одна из жриц. — Она просто нашла способ выбраться из комнаты, а теперь врет.

Надя продолжала молчать, но не могла сдержать улыбки.

Сестра Стерр вдруг бросилась к ней, схватила за плечи и сильно встряхнула. У царевны клацнули зубы.

— Поговорим, соплячка?

Надя, уже не сдерживаясь, рассмеялась жрицам в лицо, и те растерялись.

— Забирайте ее, — приказала сестра Стерр. — Поговорим в храме. Врет она или получила в подарок то, что было предназначено сестре Анике...

Надя отступила на шаг, уперлась поясницей в стол. Она точно знала, что с ней будет: жрицы запрут ее в дальней комнате храма, снимут все, что хоть отдаленно напоминает артефакт, и даже, когда узнают кто она, не испугаются. Посадят на цепь или запрут в башне, в зависимости от того, поверят ли в ее избранность или захотят устранить соперницу.

Роджер ударил кулаком по стене трагтории, разбивая костяшки пальцев. Случайный прохожий обернулся и замер, перестав дышать. В ресторане застыли жрицы и девочка, носящая его кольцо. Пойманной на лету пылинкой весь Яблоне́вый Край замер по его приказу, а дверная ручка вновь не ложилась в руку.

— Что ты делаешь здесь?

Мокошь стояла в шаге от него, насмешливо щурясь. И правда — что?

— Собираешься вмешаться, милый?

— Я в ответе за нее.

— Не стоит. Или назови невестой, или иди прочь.

Он облизал губы. Он молчал.

— Надежда — дорогая жемчужина, брат. Если ты отказываешься, я подарю ее другому.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза. Мокошь не лгала.

Какое ему дело?! Пусть отдает! Если не будет в мире женщины, любящей его, разве много он теряет? Теряет. Что-то неуловимое. Что-то ценное.

— Не спеши, сестра. Девочка дала мне обещание, и пока не нарушила — ее жизнь принадлежит мне.

Роджер развернулся и пошел по улице. Краски вокруг поблекли, прохожие исчезли, и он уже шел по улице города Хель.

— Эол, я верну тебе имя. Забери ее оттуда.

Легкокрылый появился сразу. Смотрел испуганно.

— Знаю, что скажу глупость, но... Ты в порядке, дядюшка?

Роджер долго смотрел под ноги на рисунок трещин по брусчатке, и чем дольше тянулась пауза, тем очевиднее было, почему он молчит. Эол смущенно отвернулся, сделал вид, что рассматривает темные окна домов.

— Просто сделай это, Сарма.

Легкокрылый пропал.

Роджер поморщился, растирая грудь. Над Царством Мертвых стоял звон разбитого стекла.

Сестра Стерр осталась стоять на месте, жрицы подбежали, подхватили Надю под руки крепко и решительно.

— Вот дура!

Царевна вздрогнула и повернула голову. Эол небрежно присел на край стола рядом с ней.

— Вот дура! — повторил Легкокрылый. — Сама говорила, что чувствует твою избранность и всякое такое, а теперь тянет руки к твоим

подаркам.

Жрицы замерли.

— Стыдно, сестра Стерр! — покачал головой бог. — Стыдно отправлять глупых барышень в постель непонятно к кому, стыдно устраивать сцены, если вы не оказались той самой... Дядюшка передавал, что очень вами недоволен.

Эол улыбнулся, подмигнул Наде, и они оба оказались на каменной площадке под открытым небом где-то на склоне горы.

— Спасибо.

Бог беззаботно пожал плечами и уселся на каменный пол. Царевна огляделась.

Круглая площадка из мрамора была окружена восемью колоннами, высокими, но лишенными свода. Вместо потолка над ними плыли перья облаков и тихо двигалось к зениту солнце. Пахло скошенной травой, жаром летнего полудня, водорослями с моря. Склон уходил вниз, все круче и круче, и обрывался в сотнях шагов южнее. А дальше до самого горизонта было лишь ровное, одинокое море. Отсюда оно и впрямь выглядело Цветным: колонии разноцветного планктона, коралловых лесов и отмелей делали его пятнистым, как лоскутное одеяло — желтым, бирюзовым, фиалковым, темно-бордовым и синим. Надя села рядом с богом. Камень нагрелся под солнцем, прикоснуться к нему было приятно. Трещали кузнечики.

— Где мы?

— Это мой храм.

Надя посмотрела на бога недоверчиво. Эол усмехнулся, лег на теплый камень, подложив под голову руки.

— Мое любимое место. Море, солнце и я. Здесь ведь хорошо, правда?

— Эол, ты видел Роджера?

Бог закрыл глаза, наслаждаясь солнечным светом, и неопределенно пожал плечами.

— Как он? Сильно сердится?

Легкокрылый рассмеялся.

— Необычайно, тетушка! Приказал отнести тебя в Гритдж и забрать кольцо.

Надя улыбнулась, совсем не обидевшись.

— Пусть придет и заберет сам. Это не тот подарок, который возвращают через третьих лиц. Эол...

Она наконец решила спросить:

— Сколько их было до меня? Невест?

Легкокрылый открыл глаза, посмотрел на нее снизу вверх:

— Много. Но подумай сама, кому еще быть спутником Смерти, как не Надежде?

...Роджер знал еще один способ защитить ее, не делая своей женой. Простой и сложный одновременно — сделать чародейкой. Если он поможет девочке получить власть над магией, то не нужно будет следовать за ней по пятам.

Библиотека мертвых книг. Архивариус, такой же древний, как книги, с треснувшим пергаментом вместо кожи и стеклянными моноклями глаз.

— Что ищете, господин?

— Как в старые времена становились чародеями?

— Рецепт не записан в книгах. Они передавали его от учителя к ученику и ценой жизни хранили секрет.

— Живые давно умерли, но в нашем царстве есть еще кто-то, кто помнит?

— Последний чародей умер два века назад, господин. Их души давно искупили свои грехи и ушли в новое рождение.

— Никого не осталось?

— Может быть...

— Договаривай!

— Есть беспамятные. На озере Коцит.

Роджер сжал зубы.

Озеро лежало на вершине горы Флегии у подножья маяка. Он появился в центре — черная точка на белом ледяном блюде.

— Все ко мне, — приказал бог.

Тени, подчиненные его воле поползли по склонам вниз на гладь замерзшего озера к ногам своего господина.

Роджер ждал, скрестив руки на груди и всматриваясь в лица. Он еще помнил, что у них были лица, хотя сами тени давно забыли их. С каждым годом они становились все бледнее. Роджер помнил, как после Белой войны они попали в его мир. Он помнил изможденные, осунувшиеся лица, доспехи, украшенные искусной чеканкой, и шлемы с драконьими головами. Уже тогда они выглядели потерянными.

Души были лишены памяти.

Что-то случилось с ними на берегах Цветного моря, в тот миг, когда огромная волна смыла армию северян в море. Роджер знал, кто они, но сами они забыли свои имена.

— Назовитесь и ответьте за свои дела, — приказал страж мира мертвых.

Они не ответили. Ни стражу, ни самому богу. Так мертвецы без памяти были обречены навсегда остаться теньями, потому что нет грехов, которые можно искупить, и нет благих дел, за которые можно воздать. Чистые страницы, с которых стерли буквы. Смогут ли они рассказать что-то?

Тени — черные, лишь отдаленно напоминающие силуэты людей, послушно приближались к нему.

Иногда Роджеру казалось, что они давно сошли с ума. Что это не души, а пустышки. Может, что-то пошло не так и сюда попали оболочки, а сами души остались в мире живых. Он пробовал разобраться! Спрашивал Ярока и Марину, отправлял за сплетнями Эола, но все оказалось напрасным. Свидетелей той ночи в мире живых не осталось.

Иногда ему казалось, что тени разумны. Что разум и сознание время от времени по какой-то неясной причине просыпаются в них. Он ловил мольбу в глазах и порыв в движении, обрывающийся через секунду. Рука, потянувшаяся к нему и застывшая в воздухе. Страх, появившийся и медленно гаснущий на дне глаз. Разомкнутые для слов губы, так и не начавшие говорить...

Их становилось все меньше. Роджер внимательно пересчитал тех, кто пришли по его зову. Меньше двух сотен из десяти тысячной армии, пришедшей на этот берег. словно на древних статуях, застывших посреди поля, ветер, дождь и время стирали лица, так и время стирало эти души, превращая их из человеческих теней в тени камней.

— Как проходит инициация чародеев? Кто-нибудь знает?

Они молчали. Стояли, даже дыханием не выдавая, что понимают.

Роджер задумался. Если среди беспамятных не найдется чародея, девочка никогда не овладеет своими силами. Может ли он это допустить? Был последний способ вернуть душам память: его кровь. Она способна творить чудеса, но стоит душе коснуться ее, как она навсегда теряет возможность переродиться. Его кровь сделает из тени — чудовище. Стоит ли такой жертвы девочка Надя?

Он стоял посреди озера, смотрел на тех, что столпились вокруг, и не мог решиться.

Крайне раздосадованный на себя, Роджер вернулся во дворец.

Надя вытерла мокрые руки о передник. Ее дежурство в больнице закончилось, она вымыла полы и уже собиралась идти домой.

В коридоре было темно: пыльное окно не пускало последний дневной

свет, дежурная еще не зажгла лампы.

Эол вернул ее в город неделю назад. Она устроилась полумойкой и старалась больше не привлекать к себе внимания. За прошедшие дни черные жрицы больше не пытались встретиться с ней, но каждый день, идя в больницу, и каждый вечер, возвращаясь, царица чувствовала себя неуютно. Убедил их Легкокрылый? Вторые боги слишком частые гости в городах, чтобы их появление впечатляло. К тому же Эол всегда считался легкомысленным богом.

Надя села на скамью, прислонилась спиной к холодной стене, закрыла глаза.

Впервые со дня побега она позволила себе подумать о Варте.

За прошедшие месяцы царица не читала новостных еженедельников, избегала разговоров. Ей было страшно и стыдно. Зная, что Роджер — бог, она больше не могла убеждать себя, что предсказание о судьбе города лишь предположение, но и знать о том, что оно свершилось, — не хотела.

Не трусость, но малодушие. Она знала, что виновата и единственный способ все исправить — вернуться домой, но ни одна сила на свете не могла больше сжать ее мир до размеров одной комнаты.

Снова вспомнился разговор в доме пана Станислава. Значит, он оказался прав? Надя плохой человек? И снова царица сжимала подарок Длинношейки. Ей казалось, она окончательно потеряла почву под ногами. Хотелось бросить все и бежать. Как из Варты почти год назад. Бежать не оглядываясь, не жалея никого и не заботясь ни о ком, но теперь Надя уже не была так наивна. Для нее огромный Яблоневый Край от Западной Пяди до Бордо-дель-Мондо, от Серой Завесы до Альбуса — был не больше комнаты под крышей Черной башни.

По коридору кто-то шел. Уверенные шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Надя открыла глаза.

Будевин остановился рядом. Он еще был в мундире, наверное возвращался с дежурства. Надя улыбнулась, но солдат на улыбку не ответил, был собран, решителен и расстроен.

— Хотите работать с нами? — как всегда без предисловий начал он.

— С кем «нами»?

— С Алыми Мундирами. В госпитале.

— Расскажи подробней, Будевин.

— Королевский военно-морской госпиталь. Это за городом. Туда привозят раненых, там проводят операции, и там живут выздоравливающие. Для персонала есть корпус с водопроводом и канализацией. Там хорошо и не бывает посторонних. Вы сможете многим

помочь... Если захотите...

По тому, как напряглись желваки на скулах Будевина, она угадывала, что это предложение далось ему не легко.

— Что не так? Думаешь, я не справлюсь?

Он опустил глаза.

— Там страшно, Надежда. В госпитале заботятся о калеках, о тех, у кого нет семей. Вам не избежать встречи с ними. Молодая девушка... Вам будет трудно... И им.

Надя мягко улыбнулась, поднялась со скамьи, протянула руку и ободряюще пожала ему пальцы.

— Я справлюсь. Спасибо, что предупредил.

— Подумайте еще раз.

— Если ты не желал, чтобы я соглашалась, зачем предлагаешь?

Он снова сжал зубы так, что заходили желваки.

— Сделать вам это предложение приказал полковник. Я не мог не спросить.

— Я согласна.

— Это тяжело.

— Если я могу чем-то помочь — значит буду помогать.

Утром Будевин и нанятая карета ждали ее возле дома. Солдат сухо кивнул вместо приветствия и забрал из ее рук чемодан. Ехали молча.

Карета летела по улицам на восточную окраину города. Царевна отодвинулась от окна, вжалась в спинку дивана, прячась от взглядов случайных прохожих. Будевин хмуро смотрел в окно.

Госпиталь занимал территорию старой королевской резиденции. Здесь был большой ухоженный парк с коваными скамейками и фонтанами и большой п-образный дом в три этажа.

Погода была ясная, в парке было много людей: доктора, санитары и пациенты: солдаты, пострадавшие в схватках с чудовищами из-за Серой Завесы.

Здесь были слепые и безухие, с лицами, облитыми кислотой и сожженными огнем, безрукие и безногие... Надя шла через парк, не опуская подбородка, не поворачивая головы, ровная и невозмутимая.

Ужас и жалость оглушили ее.

Она шла мимо людей в инвалидных креслах, мимо изувеченных и несчастных молодых мужчин, и они все провожали ее настороженными злыми взглядами. Царевна не обижалась. Она понимала, что мужчинам, привыкшим быть защитниками и воинами, мучительно стоять перед ней

сломанными и бесполезными.

«Ох, Роджер! Мне бы хоть один из твоих обручей!»

Уже подойдя к дверям корпуса, Надя обернулась. Скользнула взглядом по лицам глядящих на нее людей и зашла внутрь.

Ее привели в кабинет, и Будевин долго разговаривал с доктором. Царевна сидела на стуле, прямая как струна. Она не слушала разговор о себе. Думала.

Что, если пани Ирина права? Что, если Надя имеет отношение к происходящему? Как жить с этим?

— У вас будет своя комната, госпожа, но на этаже с медсестрами. Вас не смущает, что они принадлежат к Ордену Доблести?

— Нет, — ответила Надя.

— Хорошо. Тогда следуйте за мной.

Ее провели на второй этаж и оставили одну. Надя протянула руку, чтобы забрать у Будевина свой чемодан, но он не спешил его отдавать.

— Вы в порядке?

Она кивнула.

— Вы не должна соглашаться. У вас есть право уйти!

Надя заставила себя улыбнуться:

— Я сделала выбор, Будевин. Осознанно и взвешенно.

Она мягко забрала из его рук чемодан. Зашла в свою комнату и заперла дверь.

Когда шаги Ван Варенберга стихли, царевна медленно сползла по двери.

Надя так не плакала со дня побега из Варты. Вцепившись зубами в запястье, чтобы сдерживать рыдания, размазывая по щекам слезы. До боли в груди было жаль людей в парке, жаль Будевина, жаль бедный Яблоневый Край!

Со следующего дня она приступила к службе в госпитале. Работа была не сложной и даже унижительной своей легкостью: сидеть в коридоре, пока хирурги оперируют. Надя не жаловалась. Она решила, что если единственный способ помочь — быть живым амулетом, то она будет им. В остальное время царевна читала у себя в комнате, потому что медперсонал ее сторонился, а пациенты не сводили жадных взглядов.

Так прошла неделя.

На второй неделе старшая медсестра, видя, как Надя томится от безделья, предложила ей работать с медсестрами. Они вместе пошли к начальнику госпиталя, доктору Зефу, и Надя попросилась в помощь к

медперсоналу. Только спустя пару дней она поняла, что ее обманули.

Старшую сестру звали Аника Рид. Ей было около тридцати, но в волосах уже пробивалась седина, невысокая, крепкая и приятная женщина. Но она почему-то с первого взгляда невзлюбила Надю.

В первый день работы с медсестрами девушку переселили из отдельной комнаты в общую, на три кровати. Два следующих дня она помогала менять постельное белье, мыла посуду на кухне и раздавала лекарства.

Потом ее стали брать на перевязки. Еще свежие раны, тяжелый запах крови, гноя и спирта преследовал ее даже во сне. Казалось, запах вьелся в волосы и кожу. Потом Надю определили в морг. Вместе с провинившимися медсестрами она обмывала мертвецов, переодевала, перед тем как отправить к родственникам...

Сестра Аника с ней больше не разговаривала, демонстративно не замечала в столовой и коридорах.

Надя молчала. Она уже понимала, что это не случайные назначения, но жаловаться не хотела, да и некому... Плакать, просить, чтобы ее освободили от этой страшной работы, не позволяла гордость, и царевна упрямо продолжала делать вид, что не замечает издевки и не боится. Она была бесконечно благодарна Роджеру за его кольцо и возможность не видеть сны, потому что лишь ночная темнота давала немного покоя.

Приезжал Будевин. Привез из города апельсины и новые ленты для волос.

— С вами все хорошо? Держитесь?

Надя, улыбаясь, сжимала в руках апельсин.

— Все хорошо, Будевин...

— Если станет трудно — скажите мне! Я заберу вас отсюда, чего бы мне это ни стоило!

Надя покачала головой.

— Я справлюсь. Не сомневайся.

Будевин уехал, а на следующий день сестра Аника вызвала ее.

— Пойдешь со мной.

Она взяла из стола связку ключей, нагрозила Надю стопками свежевыглаженного белья и повела за собой.

Последний этаж госпиталя был закрыт для посетителей. Здесь располагался изолятор. Надю сюда еще не приводили. С одной стороны длинного безупречно чистого коридора было окно. С другой — ряд дверей без табличек и цифр.

Аника вошла в первую дверь и подождала, пока зайдет Надя. На

кроватях неподвижно лежали двое мужчин. Их глаза были открыты, хотя ни один мускул на лицах не дрогнул.

— Это Моис и Петер.

На лицах парализованных жили лишь глаза. Они не сводили с девушки жадных взглядов, пока Надя держала Петера, а Аника меняла простыни и прорезиненные пеленки. Моис был старше и крупнее, его Аника держала сама. Надя повторила все действия старшей медсестры, запретив себе думать и чувствовать.

В следующей палате был лишь один пациент. Надя вошла вслед за медсестрой, готовая ко многому, но не к такому.

— Это Август.

Судя по чертам лица, парень был полукровкой. У него были сказочно красивые глаза: темно-синие как море, в окружении по-девичьи длинных ресниц. Руки были ампутированы до плеч. Ноги — до колен.

Надя хотела смотреть мимо пациента, но, переступив порог, наткнулась на взгляд красивых глаз и теперь не могла отвести свои.

— Я забыла чистые судки. Жди меня.

Аника вышла, оставив Надю наедине с парнем. Молчали.

— Я выжил благодаря тебе! — громко сказал он.

Надя молчала. Август прищурился.

— Не хочешь говорить со мной? Рожей не вышел?

Она не смогла ответить. Горло сжало спазмом. Ей казалось, что ее разорвали на клочья. Жалость, отвращение, стыд, гнев.

Бедный, бедный, бедный... У него такие красивые глаза, но ни одна девушка в мире больше не полюбит его! Пани Ирина оказалась права? Как Аника могла быть так жестока с ней, ведь Надя хотела добра и, видят боги, оно не давалось легко! Что теперь делать? Нельзя сдаваться, Роджер говорил, что легко не будет, так что она все надеется?

Август криво усмехнулся:

— Думаешь, хорошее дело делаешь, царевна? Не следует тебе вмешиваться в дела богов! Мне суждено умереть героем, а не жить обрубком! Я теперь даже рук на себя наложить не могу! — Он поднял культи вверх. — Нет рук!

Царевна вцепилась руками в спинку кровати. Больше не злилась. Не боялась. Все чувства вытеснило одно — жалость.

Парень плюнул ей под ноги, откинулся на подушку, отвернулся. Надя подошла к кровати, села рядом и крепко его обняла.

Август растерялся, повел плечами, пытаясь высвободиться, но Надя не отпустила. Уткнулась ему в плечо и тихо плакала. И он затих, смущенный и

напуганный.

— Ты из-за меня? — тихо и уже беззлобно спросил парень. — Не надо. Не плачь, царевна. Не жалеи!

Царевна выпрямилась, посмотрела в красивые глаза.

— Я все исправлю. Жизнью клянусь! Только подожди, ладно? Не умирай! Я знаю, что будет тяжело. Обязательно будет. Ты проклянешь меня еще не раз, и пусть, но верь мне, Август: я все исправлю!

— Как?

Он был похож сейчас на маленького мальчика. Смотрел на нее, боясь верить, но желая этого всем сердцем.

— Я найду способ, какую бы цену ни пришлось заплатить. Но ты должен подождать. Год.

На его лице появилось разочарование. Надя взяла его лицо ладонями, заглянула в глаза.

— Не руки и ноги делают тебя мужчиной, Август, а стойкость духа и мужество.

Он хмурился.

Надя сказала все, что могла, дальше решение принимать ему. Она думала о том, сколько в госпитале таких, как он? Сколько на Побережье? Сколько в Крае? Давая обещание ему, она давала обещание им всем. Нельзя останавливаться на одном добром поступке, бросив кость собственной совести. Так как она будет выполнять свое обещание?

— Я верю тебе, — прервал молчание Август.

Надя улыбнулась, погладила его по плечу.

Вошла сестра Аника, увидела их и остановилась у двери, совершенно сбита с толка. Надя поднялась, ни слова не говоря, забрала из ее рук судки и занялась работой.

— Позвольте мне помогать здесь постоянно? — попросила она, когда они закончили обход верхнего этажа.

— Хорошо, — не раздумывая, согласилась сестра Рид, и Надя поняла, что она сдалась. — Делай что хочешь, бессердечная тварь!

Медсестра ускорила шаг и скрылась в коридоре. Надя горько улыбнулась. Пани Ирина ошиблась кое в чем: это не поступки Нади ведут к беде, это люди, что бы она ни сделала, видят в ее поступках лишь горе и беду.

Ей стало легче...

Шли дни, и Надя все больше убеждалась в правоте госпожи Алид. Люди узнали ее. Никто не говорил этого в глаза, но никто больше и не

смотрел ей в глаза. Медсестры, охотно болтавшие с ней на посту в первые дни, теперь ниже наклонялись над записями или выходили из приемной. Доктора говорили коротко и быстро, глядя куда-то через плечо. И только пациенты, искалеченные жители инвалидного дома, не отводили взглядов.

Каждый второй здесь хотел смерти. Кто-то еще не научился жить со своей бедой, кто-то жил с ней слишком долго, кому-то не хватало смелости, а кого-то пугала расплата в мире Анку... Но для всех них она была простым решением, и они ждали, что она примет это решение за них. Надя терпела.

Раз в неделю, в выходной, Будевин навещал ее. Привозил из города апельсины и книги. Они проводили час в парке, обмениваясь ничего не значащими фразами. Потом он уезжал, а она снова оставалась одна в душных тисках осуждения, страха и невысказанных просьб.

Сестра Рид смирилась с ее невозмутимостью, приняв за равнодушие. Наде перестали давать поручения, и царевна целые дни проводила в изоляторе. Читала Моису и Петеру вслух, подолгу разговаривала с Августом.

Открыть глаза. Встать с постели. Одеться, расчесаться и выйти в коридор.

Иногда эти простые действия давались с огромным трудом. Тогда она думала о Роджере. Если он может жить с грузом чужого презрения за плечами, значит и она сможет. У нее нет железных обручей на сердце, но есть твердость духа. Она не сдастся легко.

Так закончилось лето.

В последнюю летнюю ночь над городом снова звенели колокола.

Надя так и не привыкла к этому звуку. Царевна смотрела в потолок, на еле различимое пятно на штукатурке, и сердце тревожно ускоряло ритм, хотя далекий тревожный звон был едва уловим.

В коридоре застучали шаги, в дверь громко и настойчиво постучали. Надя вскочила с постели, босиком по холодному полу подбежала к двери, открыла.

Старшая медсестра Рид, в халате, с медицинским саквояжем в руке.

— Собирайся! У тебя три минуты!

В комнате кроме нее уже давно никто не жил, соседки переселились в другой корпус. В комнате была лишь керосиновая лампа, потому что Надя так и не выучила молитвы, зажигающие кровавки. В полутьме она долго искала спички, наконец нашла, зажгла свет, не расчесывая волосы, сплела их в косу, надела свежую блузу и юбку, повязала передник, обулась и

вышла в коридор.

Ее не ждали. Сестры спешили по коридорам вниз, кто-то еще одевался, в спешке не закрывая дверей, кто-то лихорадочно упаковывал саквояжи. Царевна спустилась на первый этаж.

Доктор Зеф, сестра Аника и ее девочки, хирурги, незнакомый офицер гвардии в алом и его люди, все толпились в парке перед главным корпусом. Было много лошадей. Никогда раньше царевна не видела столько морских животных в одном месте.

Темно-синяя короткая шерсть лоснилась в лунном свете. Животные фыркали, нервно крутили головами, блестели черные внимательные глаза. От них пахло водорослями, рыбой и потом.

— Вы умеете летать на них? — напористо спросил лейтенант.

Царевна отрицательно покачала головой.

— Летите с Мэкке. Держитесь рядом.

Он уже отошел от нее. Надя растерянно осталась стоять на месте.

— Мэкке — это я, госпожа.

Солдат в алом мундире был смутно знаком.

— Вы спасли меня от заражения, госпожа. В Морин-Денизе...

— Вы дежурили на маяке с Будевином? В ту ночь, когда он был ранен?

Парень улыбнулся, кивнул.

— Не отставайте от меня, госпожа, и выполняйте все мои команды. Вы сможете?

Царевна кивнула.

— Тогда нам пора.

— Куда, Мэкке?

— В Гритдж, госпожа. На город напали.

Надя не стала спрашивать кто, это было понятно без слов, но почему туда отправляется медперсонал моринденизского госпиталя в полном составе?

Мэкке провел ее между рядов нервных лошадей и через толпу напряженных людей, помог сесть в седло и запрыгнул сам. Он ударил лошадь по бокам, животное покорно оттолкнулось от земли и взлетело в воздух.

На фоне ночного неба царевна видела фигуры других всадников: медперсонал в белых халатах и черные тени — военные. Все летели на восток.

Она еще не могла рассмотреть город, но кольцо на пальце начало холодеть. Царевна потеряла немеющую руку. Лошадь снижалась.

Город был погружен в темноту. Далеко на западе была видна оборванная нить канатной дороги. Внизу на земле, куда падали кабины, пылал пожар.

— Мэкке, что тут происходит?

В шуме ветра он ее не услышал и не ответил. Лошадь уже летела в десятке метров над землей, впереди стали видны санитарные палатки. Огней по-прежнему не было. Надя посмотрела в сторону города и все увидела.

Над крышами вздымались и опадали гигантские арки, огромные, даже с такого расстояния, они дробили дома, сминали дороги и трамвайные рельсы, прокладывая себе путь от набережной вверх по склону.

Лошадь опустилась на землю, зарывшись копытами в сухую траву. Мэкке спрыгнул и помог спуститься Наде. К ним уже бежали люди в белых халатах и темные тени военных.

— Вы — Надежда?

— Да.

— Идите за нами. Как много вы сможете?

— Просто ведите меня... Доктор, что произошло?

— Несколько часов назад в городе погас свет. Вдруг в один миг погасли все лампы Бальдра и никакие молитвы не могли их разжечь. А потом на берег поползли эти твари. Больше десятка сразу! Такого еще не бывало. Разбиты крепостные стены на берегу, разрушен весь центр города. Алые Мундиры не могут вести огонь из пушек, потому что вокруг жилые кварталы, а ружья этих тварей не берут. Там мясорубка, госпожа. Мертвых будет больше, чем живых!

На этот раз Надя не увидела кошек, но чувствовала их каждым волоском на теле. Движение на границе видимости, взгляды в затылок, тихое злое шипение...

«Все прочь!» — зло приказала Надежда. От ярости даже зрение стало острее. Леденела кисть, пальцы еле гнулись от холода, но она готова была вовсе лишиться руки, но не снимать волшебного кольца.

«Именем Анку, именем Эрлика и Дита, именем Антака и Веселого Роджера — прочь отсюда! Я та, что носит кольцо Царя Мертвых, приказываю вам отступить! Этой ночью здесь никто больше не умрет!»

Холод прожег кожу, потек по венам, замораживая ее.

Надя остановилась, с трудом повернула голову в сторону города и увидела далекую синюю звезду над горизонтом, яркую, зовущую и зловещую.

Она знала, на что смотрит. Маяк Царства Мертвых, тот, что призывает

души. И сейчас ей до озноба захотелось туда, на юг! Засаднило под кожей, и если бы тело не было настолько сковано холодом, она бы пошла туда, бросилась бежать по склону вниз, к разрушенному городу, к светящемуся под лунным светом морю, и дальше...

— Госпожа!

Голос Мэкке словно шел из-под воды. Надя зажмурилась и, открыв глаза, повернулась спиной к морю.

— Все будет хорошо. Идите.

— Я с вами, госпожа. Мне приказано не отходить от вас ни на шаг.

Надя с трудом кивнула. Она чувствовала себя снежной бабой, еле способной дышать, но отступать не собиралась.

Роджер появился посреди разрушенной улицы Гритджа. Вместо зданий по обеим сторонам улицы стояло каменное кружево фасадных стен. Дома за ними рассыпались, на мостовой блестело, отражая луну, битое стекло. Где-то позади, в раздавленном порту выли собаки.

Он знал, что не должен вмешиваться, знал, что его поступки уже нельзя оправдать простым беспокойством о подданной, но отбросил эти мысли. Очень по-человечески поддался желанию помочь ей.

Лопнул очередной обруч. Больно вонзился в ребра, задел легкие. Роджер стоял минуту на пустой улице, пережидая боль и слушая звон лопнувшего металла.

«Что ты творишь?!» — восклицал здравый смысл.

«В последний раз!» — отзывалось сердце.

На севере города падали здания, и Роджер, достав из ножен меч, пошел по улице.

В двух кварталах выше шел бой. Он увидел кровь на мостовой и разорванное тело. Кошка-смерть уже сидела на груди мертвеца, вылизывая лапу. Роджер повернул на улицу.

Морская тварь — зеленая змея, толстая, длинная, с шестью человеческими руками по бокам гигантской головы — рвала на части гвардейца в алом. В доме слева пронзительно, на одной ноте, уже лишившись ума, кричала женщина. Двое солдат отбивали удары жесткого от каменной чешуи хвоста. Металл высекал искры, но не мог разрубить змеиную кожу.

Роджер нахмурился, сжал рукоять меча и бросился в бой...

Это была долгая ночь и такой же бесконечный день. В двух милях от города на холме разбили лагерь для раненых. Атаку морских тварей к утру

отбили, но вся центральная часть города лежала в руинах.

Надя молчаливой тенью ходила мимо палаток. Мэкке уговорил ее пообедать, но еда была лишена вкуса и запаха. Вечером из Морин-Дениза прилетел Будевин.

Он увидел ее и сразу же стал пробираться навстречу сквозь толпу санитаров и солдат, взволнованный и решительный.

— Здравствуй, Будевин...

— Нам нужно поговорить.

Ван Варенберг коротко сказал что-то Мэкке, бережно, но крепко взял Надю под руку и повел на край лагеря.

Они остановились на краю холма, плавно сбегающего к морю. На чистом небе уже загорелась первая вечерняя звезда, пахло далекой гарью и полевыми цветами. Будевин опустил на запыленную траву, и Надя села рядом.

— Бросьте все это! — решительно начал мужчина.

Надя слушала невнимательно. Ее все еще знобило. Он заметил это, снял китель и укрыл ее плечи, оставшись в тонкой белой рубашке. Царевна вздрогнула и подняла на него взгляд. Он сидел справа от нее, и его шрам, пересекающий щеку от виска до подбородка, был ей не виден, но Будевин произвольно поднял руку, ощупывая рубец и прикрывая его ладонью. Надя удивилась этой стыдливости, а Будевин покраснел и медленно опустил руку.

* * *

...Роджер вытер пучком сухой травы липкий от крови меч. Обернулся к северу. Прислушался...

— Отрекись от него!

Надя еще не понимала, о чем говорит Ван Варенберг. Она не спала уже сутки, и голос собеседника шел, словно из-под воды. А Будевин, решившись на разговор, теперь говорил быстро и страстно, боясь, что она прервет его. Он сбивался с «ты» на «вы», но сам не замечал этого, и Надя, почувствовав его возбуждение, заставила себя очнуться и вслушаться.

— Нет смысла притворяться, Надя, я знаю, кто вы и что вы, но тебе не нужно оставаться этим!

— Этим?

— Черная царевна? Жена бога-мертвеца? Что за глупость!

Он повернулся к ней всем телом, забыв о шраме, и в сгущающихся сумерках царевна не могла отвести взгляда от его воодушевленного лица.

— Ты — прекрасна, Надя! Никогда в жизни я не встречал более чистого, доброго и чудесного человека!

— Глупости...

— Нет!

Он тряхнул головой, схватил ее за запястье, не давая ей возразить.

— Если боги не могут остановить тварей, лезущих к нам из моря, значит они не всемогущи, а значит могут ошибаться. Ты не создана для Царства Мертвых, не создана для Анку! Объяснить предсказания можно тысячей способов, так давай найдем подходящий! Тот, где тебе не нужно носить клеймо его невесты!

Он порывисто ударил кулаком по земле.

— Я хочу оторвать голову каждому, кто смотрит на тебя с ненавистью, не зная ценности твоего сердца!

Надя улыбнулась, положила ладонь на его пальцы, желая успокоить его горячность, но ее прикосновение его обожгло. Будевин подался вперед, сжал ее руки.

— Я мизинца твоего не стою, я знаю, но и он не стоит! В отличие от всех тех, — Будевин кивком головы указал на лагерь, — я знаю тебя настоящую. И ты не из тех женщин, кто приравнивает богатство и бессмертие к счастью. Что бы ни обещал тебе Анку, что бы ни дарил — верни все, откажись от него, и я сделаю тебя счастливой!

Надя смотрела на его красивое, благородное лицо. Ветер гладил светлые волосы Будевина...

...Роджер замер. Он стоял посреди развалин города, рядом с разрушенной нежитью, и не дышал.

Девочка Надя нравилась ему, как может нравиться забавный ребенок. Ее влюбленность была приятна, ее обет верности — смешон и трогателен. До сих пор он не сомневался, что легко переживет эту потерю. Но вот ее берет за руку другой, и острое ощущение потери вдруг выбивает почву из-под ног.

Будевин крепко сжимал ее руки и не отводил глаз. Надя, улыбаясь, опустила взгляд.

— Надя!

— Да?

— Вы понимаете меня?

— Да.

— Отрекись от Анку и Царства Мертвых. Люди не так плохи, как ты думаешь, позволь им узнать, что это не твой выбор, расскажи им и найдутся те, кто поверит тебе! Один, два человека, а затем мы сможем убедить в этом весь мир. Доверься мне, и я все для тебя сделаю!

Роджер заставил себя сделать вдох, но стало только хуже, словно вместе с воздухом он набрал полные легкие песка. Он закрыл глаза, вслушиваясь, боясь пропустить хоть слово и боясь того, что услышит.

Летний ветер взъерошил его волосы. С темной, лишенной света окраины пустого города он видел склон и далекие огни палаточного лагеря. Надя и Будевин были не видны ему, но он чувствовал тонкие прочные нити, связывающие его с девушкой на склоне. Роджер ждал...

Надя молчала.

Она очень устала за последние дни. От пустоты вокруг, от одиночества и тяжелых взглядов. Предложенное Будевином плечо было ей нужно как никогда. И прежде чем отказаться от него, она должна была честно подумать.

С их последней встречи с Роджером прошло полгода, за которые он ни разу не дал знать о том, что она и ее любовь ему нужны. Что, если Надя обманывала себя и все слова, сказанные на маяке, — правда? Какой смысл хранить обеты, когда они никому не нужны и ее не делают счастливой?

Тогда, под впечатлением от их путешествия по лесу, может, она приняла за любовь что-то еще? Будет страшно понять сейчас свою ошибку, но, глядя в честные глаза Будевина, она не могла не задать себе этот вопрос и не могла врать в ответ. Нечестно нести свою влюбленность, как знамя, не чувствуя ее.

— Не бойся Ордена Доблести, не бойся Анку! — говорил Будевин.

Бояться Роджера? Надя не боялась. Она скучала по нему! Скучала безмерно, до боли в сердце! Но если ему не нужно ее сердце, то как поступить? Будевин прав — объяснить предсказания богов можно сотней способов. Так что теперь?

...Далеко внизу, у подножья холма Роджер чувствовал, как каменеет тело, как вены наполняются едкой, горячей ревностью. Незнакомое, жгучее чувство. Он стоял без движения, опустив руки и прислушиваясь к себе. Роджер хотел, чтобы она выбрала Будевина, но в ожидании ее ответа у него холодели руки...

Надя поднялась с земли, отряхнула подол платья, и Будевин тоже поднялся. Теперь она смотрела на него снизу вверх. Свет керосиновой лампы из окна соседней палатки падал девушке на лицо, и он хорошо видел ее серьезный твердый взгляд.

— Я не боюсь мести Анку, Будевин, потому что знаю его. Ты говоришь, что готов оторвать голову всем тем, кто смотрит на меня с ненавистью? А мое сердце сжимается, когда ты так говоришь о нем.

Он хмурился, уже угадав ответ. Надя видела, что он не верит ей, облизнула пересохшие губы.

— Я выбираю не между богом и человеком, и не между царем и солдатом. Я просто люблю его, и если это значит принять клеймо Проклятой... — Она пожала плечами. — Будевин, я та — кем меня называют, я — Черная царевна.

Она сняла с плеч китель, положила ему в руки и молча пошла в сторону лагеря.

Надя вернулась в Морин-Дениз вместе с докторами из госпиталя к вечеру третьего дня. С Будевином она больше не виделась и старалась не вспоминать об их разговоре. Она приняла свою роль и больше не пыталась доказывать окружающим, что достойна их доброты. Теперь Надя лишилась последнего друга, но ей было легче.

В ночь пятницы неизвестные подожгли Слободу.

В Гритдже, как и в других городах Приморья, было много переселенцев. Они, как и другие беженцы, перебрались в ближайшие города. В Морин-Денизе люди остановились в Слободе. Пожар был виден даже из госпиталя — оранжевое зарево и черный дым. Медперсонал и пациенты выходили на улицу, выглядывали из окон. Надя тоже смотрела, слышала разговоры в коридоре, потому что говорившие не скрывали своих слов.

— Все — Проклятая! Варту погубила, теперь к нам приехала.

— Так им и надо. Ее дружки. И чего она к нам в госпиталь приبلудилась?

— Не говори так! Бедные люди! Ни за что погорели. Разве они виноваты, что она из них?

— Запомните мои слова: мы следующие! Это горожане еще не знают, что она у нас живет...

Как только стало светать, Надя ушла из госпиталя.

Трамваи еще не ходили, и она просто шла по обочине рядом с

рельсами. Вещей было не много, все поместилось в легкий саквояж. Солнце еще не встало, но небо уже розовело, как щеки девицы. Взъерошенные ночные облака опускались к горизонту, оставляя на небе бледную дымку. На траве висела роса, и Надя промочила ноги. Остановилась, разулась и пошла дальше босиком, держа ботинки в руке.

День ничего хорошего не предвещал, но прохладный утренний воздух, роса на ногах и бриз с моря действовали как крепкий кофе. Надя шла, осторожно ступая по дороге босыми ступнями, наслаждалась утром, одиночеством и собственной безрассудностью.

Она дошла до города, обулась и по знакомыми улицам дошла до гостиницы. Ее здесь ждали.

Женщины в черных платьях стояли у входа. Прямые, безучастные к собравшейся вокруг толпе. Здесь были солдаты короля в лиловом, оцепившие гостиницу, и горожане...

Несмотря на ранний час, людей вокруг гостиницы было много, больше сотни. Сестра Стерр узнала ее раньше других, протиснулась мимо солдат и поспешила навстречу. В толпе усталых, раздраженных людей, никто не узнал Надю. Сестра Стерр привлекала больше внимания, ее тут же схватили за платье, бросили в лицо гнилые помидоры, попробовали остановить, но она ловко выдернула подол, ударила локтем, наступила деревянным каблуком кому-то на ногу и ее отпустили. Приблизившись к Наде, она крепко схватила ее за руку.

— Идите за мной, госпожа!

Надя очень удивилась этой «госпоже». Жрица отпустила ее и пошла через толпу к боковой улице, ведущей во дворы. В толпе на них оборачивались, и Наде ничего не оставалось, как последовать за жрицей.

Только когда они отошли на несколько кварталов, сестра Стерр остановилась.

— Вы хотели поговорить со мной? — спросила Надя.

Жрица неожиданно опустилась на колени. Царевна молчала, не зная, как поступить. Жрица ждала, не поднимая головы.

Надя в глубине души надеялась, что, принимая имя Черной царевны, ей не придется ею быть. Вот только, глядя на жрицу, стоящую на коленях, поняла, что обманывалась. Что ж, похоже от судьбы не уйти.

— Встаньте! — уже не попросила, а приказала она.

Жрица послушно поднялась.

— Говорите!

— Вам будет лучше в храме, госпожа. Люди испуганы после

Гритджа... Кто-то пустил слух, что если вас убить, то Анку отзовет тварей от Побережья...

Надя пропустила предупреждение мимо ушей.

— Что с жителями Слободы?

— Многие погорели, госпожа. Король Веит и Орден Доблести разбили за городом лагерь... Многим больше некуда идти...

— Они там как на прицеле, Стерр.

Жрица промолчала, глядя себе под ноги, и Надя поняла, что не ошиблась.

— Я иду туда.

Жрица бросила на нее короткий умоляющий взгляд, но отговаривать не стала.

— Тогда мы с вами, госпожа. Я и все в храме.

— Хорошо, потому что людям в лагере многое необходимо.

— Но сначала вам нужно отдохнуть и взять в храме лошадей.

Боковыми тесными улочками, наклоняясь, чтобы не задеть развешенное прямо за балконами белье, они дошли до Черного храма. Центральные ворота были заперты, вокруг них тоже собралась толпа. Пришлось входить через заднюю калитку хоздвора. Они прошли мимо кладовок и мастерской, вошли в храм и поднялись по лестнице на третий этаж, к личным комнатам старших жриц.

Надя не знала, радоваться ей или огорчаться оказанной чести.

Царевну ввели в просторную комнату с узкими окнами на юг. Стекла были вынуты на лето, и в комнате гулял легкий утренний ветерок.

— Мы поселим вас наверху, госпожа, — сказала сестра Стерр. — Лучше не называть вашего настоящего имени никому кроме жриц. Король приказал солдатам охранять храм, но, если толпа узнает, что вы здесь, ничто их не остановит.

Глупо получалось: единственное оружие и защита — ее имя, но оно же повод к нападению. Она прошла по комнате и остановилась у окна.

Внизу просыпался город. Звенели трамваи, спешили по делам люди, над восточной окраиной города до сих пор поднимался дым.

Царевна уже не ждала, что кто-то оценит ее старание или увидит ее доброту, и сегодняшнее решение далось ей легко. Она воспользуется любой помощью, которую ей предложат.

— Принесите мне завтрак, — повернулась она к жрице.

Пока Надя завтракала, жрица ждала за дверью. После они вдвоем составили список вещей первой необходимости и разослали жриц к

торговцам.

До поздней ночи жрицы храма пытались купить все необходимое. Торговцы связываться с жрицами Анку не хотели, мялись, отводили взгляд. Приходилось посылать жриц к другим торговцам. Три раза сестра Стерр отправлялась торговаться сама.

Утром следующего дня, превозмогая неловкость, Надя написала госпоже Алид с просьбой воспользоваться связями в городе. К обеду в храм приехал Будевин с ответом и в сопровождении двенадцати человек из своей роты. Он отдал ей письмо, посмотрел встревоженно на царевну.

— Я больше не буду предлагать вам быть со мной, госпожа. Но вам нужен телохранитель.

— У тебя уже есть обязанности, Будевин.

— Вы спасли мне жизнь, Надя, и я не оставлю вас, когда что-то может угрожать вашей.

— А ваши люди? Они тоже согласны заслонить собой Черную царевну?

— Здесь только добровольцы, госпожа, — ответил за Будевина выступивший вперед Мэкке.

Царевна больше не спорила: Ван Варенберг был прав. У черных жриц были деньги, но не было ружей, чтобы защитить себя.

Вечером они уехали из города в лагерь беженцев.

Роджер снова стоял посреди озера, ожидая ползущие по льду тени. Сегодня их было еще меньше...

— Кто знает, как иницируют чародеев? — спросил он.

Тени молчали. Волновались под порывами ледяного ветра, отупевшие и безмолвные.

Роджер пнул подвернувшийся под ноги камень и уже собирался уходить, когда одна из теней встала перед ним.

Она попробовала ответить. Не смогла. Сухие губы раскрывались, будто у рыбы, выхваченной из плёса, прося глоток. И Роджер, ненавидя себя, напоил его.

...Кровь оставила проталины на снегу. Как собака, тень слизывала ее со льда и темнела, на глазах наполнялась жизнью, превращалась в черноволосого мужчину.

Роджер зажал рану на запястье, останавливая кровь. Черноволосый поднялся с колен, дрожащей рукой потянулся к богу, слизывая с губ талый красный снег. Роджер легко оттолкнул бесплотный призрак.

— Говори!

— Ссс...

Бог ждал.

— Сколько ей годков, господин? Той, кого хотите обратить в чаровницу?

— Семнадцать.

— Забудьте, господин, — поморщился мертвец.

Впервые за сотни лет он помнил себя и чувствовал собственное тело. Он говорил с Роджером, но смотрел мимо, на север, где стоял туман Серой Завесы, и дальше, туда, где начинался мир живых.

— Я не могу забыть, — жестко ответил Роджер, возвращая мертвеца к разговору.

— Вы должны. Посвящение проходят детьми. Когда девицы вступают в девичество, а у отроков начинают пробиваться усы... Дети. Их проводят через обряд, а дальше мастера шаг за шагом, понемногу раскрывают узлы чар в их теле. День за днем, медленно и осторожно...

— Значит, в семнадцать из нее получится слабая чародейка? Не страшно. Она должна уметь чуть больше уличного фокусника, просто чтобы ее боялись.

— Нет, господин. Дело в другом. Это как искать подземный источник. Бережно открывать его, расширять, убирать тину и грязь. Сейчас ваша чародейка — озеро, покрытое ледником, подземная река. Сейчас открыть в ней магию можно, лишь сняв с нее кожу.

— Значит, все же есть способ?

— Есть. Снять с нее кожу.

— Человек не переживет подобного, а мне нужно, чтобы она осталась жива.

— Есть способ, господин. Снимите с нее кожу, а затем окропите мертвой водой из озера Коцит и напоите живой водой из Родника Иары. Мертвая вода вылечит, а живая — вернет к жизни...

— Спасибо...

Но благодарить уже было некого. Душа теряла человеческий облик. Прямо на глазах, как тонкая бумага, его кожа пропитывалась кровью, темнела, из алой становилась черной, затвердевала коростой.

Человек закричал.

Пронзительно, дико, выгибаясь дугой. Он раскинул руки, его позвоночник сломался, треснула кожа, выпуская наружу жидкий огонь. Потом он начал расти. Трещали кости, рвались сухожилия, кровь, ставшая лавой, капала на снег, прожигая его до скальной породы. Человек не

прекращал кричать.

Прошло несколько минут, и он затих. Большое тело содрогнулось в последний раз, и новорожденный огненный великан поднял на Роджера взгляд, и бог его выдержал.

Великан горел, перекатывались под сухой кожей огненные вихри, он ненавидел своего бога. Долгих пять секунд он смотрел Роджеру в глаза. Затем покорно отвел взгляд, повернулся спиной к навсегда потерянному миру живых.

— Госпожа!

Надя подняла голову от расчетов.

— Госпожа, к нам идут горожане.

— Много?

— Да. — Жрица нервно облизнула губы. — Госпожа, у них ружья!

Надя встала из-за стола, опрокинув на пол чашку с кофейной гущей.

Поднимать не стала.

Они со Стерр прошли мимо палаток и бочек с питьевой водой, мимо играющих в тени детей. Женщины с корзинами белья остановились на выходе из лагеря, с опаской глядя на приближающихся горожан. Надя сразу увидела деревянные палки в руках моринденизцев.

— Стерр, немедленно уведи женщин. Пусть соберут детей, и ждите сигнала. Возможно, придется бежать в горы...

— А вы?

— Попробую поговорить с ними.

Жрица мялась, не решаясь оставить Надю одну.

— Сестра, немедленно!

Стерр устремилась к женщинам с корзинами.

Толпа шла от моря. Их было не много: пара сотен против почти тысячи беженцев, но люди, что поднимались по пыльной дороге от моря, шли драться и убивать.

«Можно ли умереть, будучи невестой бога-мертвеца?»

Этот вопрос Надя задавала себе не в первый раз. Умирать ей сейчас нельзя. Тысяча шестьдесят три человека верят, что она может позаботиться о них.

С моря дул бриз. Солнце уже опускалось к горизонту и за дымкой облаков казалось маленьким мандарином. Сладко пахло чабрецом с полей. Хороший был вечер.

Царевна остановилась в двадцати шагах от ограды, закрыла глаза, наслаждаясь коротким перерывом между цифрами и близящейся войной.

Первые из горожан уже приблизились. Среди них были Алые Мундиры, матросы и горожане. Мужчины и женщины.

— Добрый вечер, — сказала Надя на гроенском.

Стоящий впереди мужчина с короткой рыжей бородой презрительно сплюнул ей под ноги. Слюна вязко зависла на подоле платья.

— Зачем вы сюда пришли? — спросила царица ровным голосом.

— Ты и твои сородичи несете несчастье! Это по твою душу нежить лезет из моря, сучье отродье! За тобой и мясом из лесных городов! — ответил стоящий рядом с бородачом.

Надя оглядела их всех — потных, покрасневших от жары, раздраженных, сжимающих древки от лопат и топоров. Миром они не уйдут.

Надежда стыдилась своего черного платья за неуместную театральность. Роджер был убежден, что она — чародейка. Так что же она делает не так? Она сейчас все на свете отдала бы хоть за каплю магии!

Она мысленно прочла заклинание, сжала кулаки, разжала, но ничего не произошло. Тишина. Только ветер гнал по дороге пыль и взметнулась над горами стая птиц.

— Давайте поговорим там, где не слишком жарко, — предложила царица. — Кто из вас будет говорить со мной?

— Никто не будет, сука вартская! — крикнула одна из женщин.

Надя посмотрела на нее долгим испытывающим взглядом.

— Что палишься, ублюдок?

Царица пропустила оскорбление мимо ушей и снова посмотрела на бородача.

— У ваших людей есть ружья, и у моих людей есть ружья. Мы ведь все хотим жить, так, может, договоримся?

— Почему нет? Веди!

Надя повернулась к ним спиной и пошла к лагерю. Каждой клеткой кожи она чувствовала взгляды на спине, она прилагала огромное усилие, чтобы не побежать, не обернуться, не выдать страха!

В храбрости не было смысла.

Над каменной оградой лагеря вспыхнул огонь, громко хлопнул выстрел. Надя резко обернулась и увидела, как бородач заваливается на спину, не успев опустить руку с занесенной дубиной. Вместо лица у него было кровавое месиво. Вопреки законам природы и здравого смысла мужчина все еще был жив. Его тело дергалось, пальцы сжимались и разжимались, зарываясь в дорожную пыль.

— Убить суку! — тонко завывала в толпе кто-то из женщин, и крик

подхватили.

За Надиной спиной снова раздались выстрелы, и еще трое горожан упали.

«Вот сейчас я узнаю, делает ли пророчество Мокоши неуязвимой...»

Бежать не позволяла гордость. Если ее убьют сейчас, то она хотя бы встретит смерть с достоинством...

Толпа бросилась к ней, и еще двое упали, поймав пули. Раздробленные головы, груди и плечи. Все были живы, потому что смерть, помня приказ Черной царевны, боялась приблизиться.

«Значит, и я не умру сразу?»

Горожане бросились врассыпную, прячась от пуль за обломками и выступами скал. Надя осталась одна с полумертвыми.

Из лагеря к ней уже бежали Будевин и Мэкке.

Из-за скалы слева выстрелили. Две пули подняли фонтанчики пыли у ее ног, третья попала в живот. Надя коротко вскрикнула, согнулась, опустилась на колени, и тут Будевин и Мэкке добежали до нее, прикрыли железными щитами и собой. Пули ударили в металл щитов, выгибая его.

Надя коротко и часто дышала, зажимая рану в животе руками. Платье мгновенно промокло от крови. Теплая, алая, она стекала по животу, между ног и капала на землю.

Будевин выругался и, закинув ружье за спину, передал Мэкке щит. Он поднял девушку на руки и стал отступать. В щит снова ударили пули.

Надя положила голову на плечо солдата, от боли она уже не могла дышать, делала вдох и задерживала дыхание, как в воде.

Вокруг был шторм. Ее качало, подбрасывало к темнеющему небу и опускало вниз на камни. Где-то бил в небе фейерверк, она слышала канонаду. Она приподняла голову и увидела синюю звезду на юге. Далекий маяк.

— Роджер...

Он появился на дороге, как только солдаты и царевна скрылись за оградой. Солдаты из лагеря и горожане одновременно открыли по нему огонь. Роджер сжал зубы и ждал, пока они прекратят. Пули врезались в тело, растворялись, становясь плотью бога.

— Кто ты, твою мать?! — крикнули со стороны горожан.

Роджер не стал отвечать. Он поманил рукой тени, замершие в уступках скал, и те, как напуганные котята, медленно пошли к нему.

— Забирайте! — коротко приказал он, и котята стали псами, вгрызлись в раненые тела, прогрызая душам путь наружу.

Солнце уже село, но еще было светло. Небо над западным горизонтом — бирюзовое, над восточным — сливовое. Теплый ветер гладил волосы и кожу. Роджер подставил лицо морскому бризу, глубоко вдохнул.

Хороший был вечер.

Он посмотрел на людей из Морин-Дениза, бросил взгляд через плечо на ворота, за которыми скрылась Надежда, тяжело вздохнул и остановил время.

Замерли в полете птицы и пули. Окаменели живые. Роджер сделал шаг вперед и оказался посреди озера Коцит. Тени со склонов потянулись вниз, но сегодня ему было не до них. Он достал меч из ножен и воткнул в лед. Несколько раз ударил, высекая ледяную крошку. Присел на корточки и набрал в деревенеющую от холода ладонь пригоршню мелкого льда. Поднялся с колен и оказался рядом с медицинской палаткой.

Время сделало два коротких шага.

Стерр и двое солдат, ждущих, пока доктор осматривал пациентку, удивленно обернулись. Солдаты вскинули ружья.

— Это для нее. Мертвая вода.

Жрица поняла сразу. Метнулась в палатку, вернулась со стаканом и быстро подставила его Роджеру. Он разомкнул ладони, выливая воду со льдом, и жрица сразу же вернулась в палатку.

— Кто ты? — спросил Будевин, наводя на него ружье.

Роджеру не хотелось отвечать. Он смотрел на руки солдата.

Это ее кровь.

Лопались обручи на сердце, разрывая плоть, дробя кости. Когда же это закончится?!

— Ты человек?

— Нет.

— Зачем ты здесь?

— Затем же, что и ты. Эта девочка не должна пострадать.

— Почему не хочешь называться?

Он не стал объяснять, посмотрел солдату в глаза.

— Я разберусь с горожанами, но для всех будет лучше, если девочка покинет Морин-Дениз. Отправьте ее на север.

— Уверен, она не поедет.

— Тогда заставьте ее.

— Думаете, на севере безопасней? Там Орден Доблести.

— Отправьте ее на север... — снова повторил Роджер, развернулся к ним спиной и оказался на дороге перед лагерем беженцев.

Он поймал бутылку с зажигательной смесью и бросил ее назад.

Бутылка разбилась о камень, брызнув жидким огнем. На кого-то попало — человек громко закричал, покатился по земле, туша пламя.

В Роджера выстрелили. Он не стал уклоняться, достал меч и пошел к нападавшим. Из-за скалы слева на него бросился человек с дубинкой. Роджер ударил снизу вверх, отрубая руку с оружием, и сразу же, сделав плавную петлю в воздухе, отсек голову. Затрещали под металлом кости, человек умер и упал. Бог мертвых не жалел его ни мгновения: идиот, видящий, как Роджера не берут пули и не понимающий, кто перед ним, — пусть отправляется за Завесу.

Еще один — в алом мундире, бросился на Роджера из-за камня.

— Стой! — Кто-то из своих попробовал удержать дурака, но тот сбросил руку и пошел на Роджера.

— Тебе не убить меня, смертный, — честно предупредил бог, но человек не слушал.

Он занес меч и ударил. Роджер блокировал. Двуручный меч из моринденизской стали мог сокрушить любое оружие в этом мире, но не меч бога мертвых. Он не поддался удару. Заскрежетала сталь, лезвия прижались друг к другу, высекая искры. Роджер пропал и тут же появился за спиной солдата. Человек потерял точку опоры, его меч вгрызся в камень, потянув хозяина за собой. Солдат упал, но меч не выпустил. В последний миг, чтобы не влететь лицом на собственную рукоять, он повернулся, выставил вперед плечо. Кость хрустнула, и мужчина сдавленно охнул.

Роджер, не оборачиваясь, пошел к скалам.

Тот, что пытался удержать друга, — веснушчатый парень, тоже в алом, вышел ему навстречу, выставив перед собой меч.

— Именем матери-Ины и отца-Яна, именем Хорса, назовись!

Роджер остановился, прищурился.

— На колени, смертные. Все.

Голос бога прогремел над берегом. Со скал сорвались мелкие камни, покатались по склону в море.

Веснушчатый солдат не двинулся, хотя Роджер видел, как дрожат его руки.

— Именем...

— Я слышал тебя, смертный.

В несколько секунд кожа на лице Роджера ссохлась, обтянула лицевые кости, треснула, обнажая кость. Глаза запали в глазницы, став раскаленными углями.

— На родине меня звали Дит. Пираты Белого моря называли Веселым Роджером. Я — Эрлик для лесных городов, а для южных земель — Антака.

Ты зовешь меня Анку, человек.

Роджер сделал паузу. Пафос он не любил, но первый бог обязан быть таким.

— Как вы посмели поднять руку на женщину, предназначенную мне?!

Те, кто все еще стоял, прячась за скалами, упали на колени, уткнулись лбами в колючую каменную крошку дороги.

— Смилуйся! — просили они.

— Вы стреляли в единственную, кто мог об этом просить. Я не милую. Я воздаю по заслугам.

Убивать дураков он не стал. Ружья в руках нападавших превратились в камень. Каменная корка в мгновение перекинулась на руки, поползла коростой по пальцам, запястьям, до локтей. Ружья рассыпались в пыль, руки безжизненно повисли.

— К этому лагерю вы не подойдете, — на всякий случай добавил он, боясь, что идиоты поймут его появление неверно. — И к Черной царице не прикаснетесь!

Льдинки быстро таяли на горячей коже. Вода стала жидким металлом, потекла по телу, впиталась в простыни и пропала. Рана на животе перестала кровоточить, стала затягиваться, а потом и шрам выровнялся. Царица глубоко вздохнула и открыла глаза.

Доктор шумно выдохнул и поцокал языком. Стерр погладила девушку по потному лбу, улыбнулась.

— Вам повезло, госпожа: это была просто царица.

Надя тяжело села на кушетке. Она еще была не в себе, ее шатало, и Жрица поспешила обнять ее за плечи, поддержать.

— Что с горожанами? — слабо спросила царица, ощупывая голый живот.

— Они ушли, госпожа, не волнуйтесь.

— Мне нужно выйти...

— Плохая идея, — заметил доктор.

Но Надя не слушала. Она спустила ноги на пол и хотела встать. Стерр удержала ее за плечи.

— Ваше платье испорчено, госпожа. Подождите немного...

Жрица вышла и через несколько минут вернулась с одним из черных платьев послушниц. Доктор недовольно покачал головой и покинул палатку.

Жрица помогла Наде переодеться. За занавеской у входа кто-то откашлялся, привлекая внимание.

— Вас ждут, — сказал Мэкке.

— Кто?

Солдат не ответил. Надя с трудом поднялась и вышла из палатки.

Снаружи разговаривал с Будевином молодой мужчина в белом мундире. Орден Доблести. Надя остановилась.

Рыцари Ордена старательно помогали беженцам. Надя прониклась к ним симпатией, несмотря на то, что они были ее врагами. В лагере все знали, кто она, это уже не было секретом, но Черной царевной звали лишь за глаза. Рыцари Ордена Доблести, подчиняясь чьему-то приказу, не трогали ее, но с тех пор как Надя переступила границу лагеря, они всегда были рядом, на границе видимости, как соринка в глазу. И вот теперь они стояли перед палаткой: шестеро вооруженных ружьями мужчин в запыленных белых мундирах.

— Добрый день, ваше высочество, — повернулся к ней говоривший с Будевином.

Ему было лет двадцать пять, среднего роста, широкоплечий и коренастый. Темно-русые волосы подстрижены коротким «ежиком», голубые глаза. Острые, резкие черты лица.

— Меня зовут капитан Янек Эльзонт. Вы поедете с нами.

— Нет, не поеду, — ответила Надя.

— Видят боги, госпожа, я хочу лишь вашей безопасности! — вмешался Будевин. — Лбом эту стену суеверий не пробьешь. Поищите обходные пути.

Рыцари окружили ее, и Эльзонт взял за запястье.

— Уходим!

Надя выдернула у него руку, взглянула в глаза.

— Отойдите!

Капитан покачал головой:

— Теперь вы подчиняетесь всем моим приказам, ваше высочество, иначе следующая пуля может попасть сюда.

И он бесцеремонно ткнул пальцем ей в лоб.

Замок короля Веита возвышался над городом, вплетенный в камни гор, как орлиное гнездо. Это была старинная крепость, для пышных покоев места здесь не было, поэтому королевская семья: три королевы, двенадцать сыновей и дочери, которых он не считал, жили в городской резиденции. Сам Веит свой одинокий замок любил и ценил, ни минуты не дорожа обществом семьи.

В последние годы его уединение разделял лишь Елисей, и король

неожиданно оказался этому рад. Елисей был умен, властолюбив и решителен. Заслуги Веита в том не было, образованием и характером сына занималась исключительно королева Вайонна, но король любил думать, что именно его равнодушие выковало в мальчишке характер.

Он отвлекся от своих мыслей и перевел взгляд на капитана Ван Варенберга. В тронном зале было почти пусто. Король, Елисей и капитан. Гвардейцы у стен, неотличимые в своей неподвижности от колон, были не в счет.

— Как вы могли отдать ее в руки вартцев? — ледяным тоном спросил король Веит.

— Это был приказ Анку, ваше величество! Я решил, что для благополучия королевства будет благоразумней последовать ему.

— Куда ее везут?

— Они сели на линию, идущую в Каст. Думаю, оттуда поедут в Варту.

Веит раздраженно хлопнул подушечками пальцев по подлокотникам трона.

— Вы свободны, капитан.

Он дождался, пока Ван Варенберг выйдет из зала, затем король поднялся и жестом поманил сына следовать за собой.

— Что думаешь? — спросил он, пока они шли по длинному узкому коридору во внутренние покои.

Елисей пожал плечами.

— Появление бога мертвых во плоти? А чего они ждали? Они так сильно верят в Черную царевну и проклятие, что готовы зубами ее рвать, но, когда появляется ее жених и раздает подзатыльники, — удивляются.

— Нужно ее перехватить. Где бы она ни была, мы должны получить ее.

— Не думаю, что применять силу тут уместно.

Король усмехнулся:

— Конечно, нет! Ты должен расположить ее к себе.

Елисей молчал.

— Ее нужно найти! Наши союзники из Варты лишились своего козыря — теперь способных опознать ее достаточно и в моем городе.

— Хочешь расторгнуть наш договор с Орденом?

— Да. Если бог-мертвец сам приходит, чтобы, как ты выразился, «раздавать подзатыльники», сотрудничать с ними становится опасно.

— Что ты хочешь с ней делать?

— Она будет нашей дорогой гостьей. Ты обеспечишь ей самые лучшие условия, будешь рядом. Я хочу, чтобы она влюбилась в тебя.

Елисей шел за отцом, поэтому король не видел недовольство на лице сына.

— Она обещана богу мертвых, отец. Разве мы можем вмешиваться?

Король остановился и повернулся к Елисею. Вкрадчиво улыбнулся:

— Она еще ребенок, Елисей. Какая из нее невеста? Он ждет. А пока она среди людей, давай подготовимся. Когда бог придет за своей суженой, она должна быть на нашей стороне. На твоей, Елисей!

Королевич отвел взгляд, пряча гнев.

— И как долго я буду притворяться?

— Сколько понадобится.

— Все опрошенные говорят, что она не чародейка.

Король усмехнулся:

— Может, сама по себе девочка и не имеет цены, но те возможности, которые ей приписывают, легенды, живущие вокруг нее, значат не меньше. Варта собирала дань от ее имени пятнадцать лет. Заметь, никто не подтверждал ее магические способности. Даже хорошо, если она не колдунья, — король воодушевленно хлопнул сына по плечу. — Это замечательно!

— Мы не будем пробовать обменять ее на Хенни?

Король поморщился, как от зубной боли.

— Мальчик мой, — почти ласково сказал он, — мы это уже обсуждали. Нет никаких доказательств, что она жива. И даже если жива, я не потрачу на Хенни мой главный козырь. И ты, — с нажимом закончил он, — не потратишь.

Роджер свою сестру не любил.

Морская богиня была красивой, жестокой и непостоянной, как море. Она не была самой могущественной из богов-сиблингов, но была самой почитаемой. Люди строили ей храмы от севера до юга, но ее жажда власти не знала границ. Марина любила лишь себя, ценила лишь себя. Люди, вторые боги и первые были для нее инструментами, не ценнее гребня для волос.

Роджер старался не вмешиваться, оставляя право судить ее Яроку, но сегодня усомнился в своем решении.

Как-то незаметно, год за годом, столетие за столетием, Марина все больше влияла на Яблонеый Край. Марк и Леший, зная ее вспыльчивый характер, давно сторонились ее. Мокошь, как и Роджер, придерживалась нейтралитета, а Ярок ее любил. Все это время Роджер ни минуты не сомневался в брате. Когда старший брат простил Марине замерзшее Белое

море, когда позволил принимать человеческие жертвы, когда отдал ей Исток, Роджер не спорил. И только сейчас, идя на обман ради любимой женщины, вдруг усомнился в брате.

Чем больше Роджер думал об этом, тем страшней казалась эта ошибка. Но именно сейчас спорить с Мариной было нельзя — Источник жизни, тот, что питает и рождает все сущее на земле, находился в ее подводном царстве. Бог мертвых не мог приблизиться к Источнику жизни. Значит, нужно просить.

Они встретились в доме Мокоши в Дионе.

Когда-то здесь был большой архипелаг, населенный смуглым черноволосым народом девкалеонов, но чародейские войны уничтожили и его. На месте затонувшего государства остался лишь каменистый остров — вершина некогда самой высокой горы. Город Дион наполовину ушел под воду. В ясные дни, прогуливаясь по берегу, можно было рассмотреть сквозь воду крыши затонувших домов, пустые, занесенные илом улицы и статуи древних чародеев.

Роджер не любил это место, слишком много воспоминаний оно хранило. А Мокошь — любила, по той же причине.

Город Дион — был их родиной.

За последние три тысячи лет дворец не изменился. Как Черная башня Варты, как Маяк в Царстве Мертвых, камни здешних стен были созданы демиургами. Вечные, несокрушимые. Дворец пережил своих создателей, пережил узурпаторов и, возможно, переживет конец света. В этой безмятежной несокрушимости было что-то успокаивающее, что нравилось его сестре и что не нравилось ему.

Мокошь привычно вязала, сидя в кресле у окна. Она слушала гостей, но не вмешивалась.

Марина села на мраморное ограждение высохшего фонтана, вытянула ноги, изогнула спину. Морская богиня была в своем любимом алом сари, обернутом вокруг гибкого тела. Она смотрела на брата, по-лисы прищурилась, и улыбалась.

— Слышала, ты отказался от своей невесты? — первой завела разговор богиня.

— Где слышала? — небрежно спросил Роджер, садясь в кресло рядом с Мокошью.

— Так да или нет? Или ты всерьез решил жениться на этом ребенке? А может, возьмешь в любовницы? Не думала, что тебе такое нравится...

— Пустое говоришь.

— Тогда что? Совершенно бесполезный подарок. Впрочем, Мокошь

никогда не дарила полезных.

— Какое бы решение я ни принял, тебя это не касается. Я позвал тебя для другого разговора. Мне нужна живая вода.

Марина потянулась, грациозная как кошка, поднялась и подошла к брату.

— Решил кого-то оживить?

— Это мое дело.

Марина прищурилась.

— Хорошо. Тогда и мне окажи услугу.

— Чего ты хочешь?

— Твою девочку. Раз ты не намерен жениться и в любовницы не берешь, так отдай ее мне.

— Зачем она тебе?

Марина пожала плечами.

— Заберу к себе. Я совсем заскучала одна во дворце, а в Яблонево Крае ей все равно не будет покоя... Ну, так что? Договорились?

— Нет. Она моя.

— Что ж. Тогда уговора не будет.

Они мгновение смотрели друг другу в глаза. В конце концов, она сдалась. Улыбнулась, погладила его по руке.

— Не сердись, дорогой!

Роджер поморщился от ее прикосновения, и она это заметила. Виду не подала, но руку убрала.

— Почему я не нравлюсь тебе, а она нравится? Даже Ярок меня хочет, так почему не ты?

— Он любит твою порочность, Иара. Я — нет.

Богиня подошла к иссякшему фонтану. Роджер ждал. Если Марина не ушла сразу, значит они еще могут договориться.

— Я слышала, Милость и Пасиа Грина запретили ей видеть тебя? Давай так: если девочка не предаст тебя, прожив год в моем царстве, я отдам тебе живую воду.

— А если нет?

— Если не устоит, влюбится в другого, если откажется, предаст мыслью, словом и ти поступком — я оставлю ее в подводном мире навечно, а ты никогда не получишь живой воды.

— Хорошо. Но за это время ты не причинишь ей вреда. Ни словом, ни делом, ни сама, ни через кого-то. Иначе договор будет недействительным. Я заберу девочку и живую воду, а ты прекратишь принимать человеческие жертвы.

— Хорошо, дорогой. Но и ты не подойдешь к ней. Никаких обходных путей и двойных смыслов. Год есть год. Если ты испугаешься, не дождешься, если хоть на шаг приблизишься к ней, если попробуешь рассказать о нашем уговоре, дать намек сам или через посредника — нашему соглашению конец.

Женщина улыбнулась, оказалась перед Роджером намеренно близко, так, что грудью коснулась его скрещенных рук.

— Договорились, — ответил Роджер и пропал.

— Высокомерный ублюдок, — процедила сквозь зубы Марина.

За окном канатной дороги наступала осень. Лес, медленно проплывающий под кабинками, словно потеками акварели, окрашен зеленым, красным, карминовым и желтым; чем дальше они уезжали от Побережья, тем холоднее становился воздух.

Со времени ее побега из Варты прошел год.

Она уезжала отсюда осенью и возвращается в осень, будто и не было этого времени. Ничего не изменилось. Она не совершила ни одного из предсказанных подвигов, так и не научилась колдовству, у нее не добавилось друзей и любимый все так же далеко, и все-таки Надя чувствовала себя другим человеком.

Царевна и сама не понимала толком, что в ней изменилось, но теперь готова была взглянуть в глаза обвинителей, готова к борьбе за свою жизнь и готова отвечать за свои поступки и свою трусость. Она больше не боялась. И когда пропал страх и стыд, она вдруг поняла, что безмерно скучает по отцу, по саду на крыше и пани Ожине. В Варте есть большая библиотека чародейских книг, а значит, она сможет узнать что-то новое и, кто знает, может, научиться колдовать.

Они провели в пути четыре дня. Капитан Эльзонт ждал, что она сбежит, поэтому днем и ночью не сводил с нее глаз. Надя чувствовала себя кольцом. Дорогим золотым колечком, которое носят на руке, а на ночь оставляют в бархатной коробочке.

С утра, как только охрана отпирала замок на дверях, капитан брал ее за руку и не выпускал до самого вечера. Завтракали, обедали и ужинали на расстоянии вытянутой руки. Даже когда она шла в туалет, капитан без смущения ждал за дверью.

На ночь ее оставляли одну в кабинке без окон, оббитой голубым бархатом. Она не знала, создано это великолепие только для нее или на каждой линии канатной дороги имеется такой вагон для именитых заключенных...

Знаменитые лесные города, братья по несчастью для ее многострадальной Варты, Надя могла наблюдать лишь урывками.

Златоград оказался городом-кузницей. Здесь добывали железо, чтобы позже превратить его в сталь и чугуны. Машины, оживленные дыханием бога, днем и ночью дробили, плавил, выбивали, вытачивали металл. Постоянный грохот тысяч работающих механизмов разносился на мили вокруг. От жара листья на деревьях опали, не дожидаясь прихода холодов.

Мирославль известен прядильными фабриками и химическим заводом — вторым по величине в Крае. Воздух в городе был тяжелым, дурнопахнущим, и вода отдавала тухлыми яйцами...

Наде не нравилось то, что она видела.

Их догнали в Верхнем Еленграде, когда до Варты оставалось меньше дня пути.

Они переночевали в гостинице рядом с канатной станцией. Надя заканчивала заплетать волосы, когда за окном, во дворе закружился пыльный вихрь и ударили о землю копыта коней.

Сквозь мутное окно, зашторенное старым тюлем, царевна не смогла ничего рассмотреть. Она услышала, как на первом этаже под ее комнатой застучали по деревянным полам каблуки, потом раздались выстрелы. Надя заперла комнату на щеколду и прижалась к стене.

— Ваше высочество!

Надя узнала голос капитана и открыла.

— Нам нужно спешить! — И он крепко взял ее за локоть.

Коридор второго этажа имел две лестницы. Западная спускалась на первый этаж, и сейчас там заняли оборону рыцари Ордена. Восточная лестница поднималась на мансарду, туда Янек и потянул царевну, но они опоздали.

— Без глупостей!

Человек, спускающийся к ним навстречу, поднял револьвер. Такие были на вооружении лишь у гвардии южан.

Капитан выстрелил из ружья, но Надя не дала ему попасть, толкнула плечом и пуля врезалась в ступени у ног нападавшего. Надя узнала его.

Елисей даже не дрогнул, но его телохранители уже были рядом, заслонили королевича, оцетинились оружием.

Капитан тоже не опускал ружья, и Надя оценила то, что он закрыл ее собой, хотя на роль щита больше подходила она.

— Кто вы такие? — выкрикнул Янек.

— Его высочество Елисей Моринденский, — ответил королевич. —

Царевна Надежда принадлежит мне.

— Что-то не слышал о такой покупке.

— У меня есть расписка.

— Посмотрю с удовольствием, если ваши люди уберут ружья.

— Ллойд! Передайте нашему другу документ.

— Отдайте его вы, ваше высочество.

Начальник охраны отрицательно покачал головой.

— Нельзя, ваше высочество!

— Я подойду. Не спускать их с прицела.

Он шел по коридору, а Надя испытывала смешанные чувства. Было неловко за то, что убежала без объяснений. А еще Елисей не отпустит ее в Варту, а она не хотела туда и хотела...

Королевич подошел на расстояние шага, протянул Янеку сложенный вчетверо лист бумаги. В полумраке коридора он уже мог рассмотреть лицо девушки. Нахмурился.

— Где царевна? — спросил он у Янека отрывисто и яростно.

Капитан отвечать не спешил. Он намеренно медленно развернул документ. Когда Эльзант опустил взгляд на бумагу, Елисей ударил его по руке с ружьем. Капитан нажал на спуск, но пуля снова ушла в пол, а Елисей уже вывернул ему кисть, заставляя выпустить оружие.

Ружье выпало, и Елисей со всей силы ударил капитана в челюсть. Подоспели телохранители, и прежде чем Эльзант опомнился, ему скрутили руки. Он ударил ногой стоящего справа и успел высвободить правую руку, но на него уже направили револьверы.

Елисей, собранный и решительный, повернулся к девушке. Он узнал ее.

«Подумал, что я — шпионка!» — вдруг поняла Надя.

Он был страшен в своей беспощадной решимости, и девушке на мгновение показалось, что он ее ударит. Она собрала всю смелость, чтобы смотреть ему в глаза.

Двое телохранителей уже выломали двери в комнату и все там обшаривали.

— Здесь пусто, — доложили они.

Елисей схватил Надю за плечи и больно ударил спиной о стену.

— Где царевна?!

— Нет! — Капитан рванулся к ним и снова получил в зубы, сплюнул на пол кровь.

Надя рассердилась. Янек — ее тюремщик, но и подданный ее отца!

— Еще раз ударите его — разговора не будет! — отчеканила она.

Елисей уже все понял, но верить не хотел. Он пристально рассматривал царевну. Надя усмехнулась.

— Я ведь так похожа на мать, как вы не узнали меня?

Он отпустил ее и отступил.

— Освободите капитана, — приказала Надя. — Обещайте не трогать моих людей, и я пойду с вами добровольно.

— Давно они стали «вашими», царевна? — спросил Елисей.

Надя не ответила.

— Свяжите всех и запирайте в комнате, — распорядился королевич.

Они снова летели на юг. Елисей с ней больше не разговаривал. Наде связали руки и усадили в седло с начальником охраны. От Ллойда пахло потом, а от лошади водорослями, и девушку подташнивало.

— Я не привыкла к летающим лошадям, пожалуйста, давайте сделаем остановку! Мне нужно отдышаться...

Они спустились на постоялый двор на окраине незнакомого города. Спешились во дворе. Двое телохранителей остались присматривать за лошадьми. Елисей, Надя и остальные вошли внутрь.

В полупустом зале было светло и чисто. Елисей жестом приказал посадить ее за стол, сам сел напротив. Телохранители заняли места у окон и входной двери. Из кухни прибежал хозяин заведения.

— Чего изволите?

— Что-то будешь? Тебя кормили утром?

— Чай и яблочный пирог.

Хозяин убежал на кухню. Молчали. Елисей пристально ее рассматривал, Надя смотрела в окно.

— Что произошло тогда в Варте? На балу и после...

Надя перевела взгляд на королевича.

— Простите, если ввела вас в заблуждение. Все, что было в Варте, — случайная встреча, я не хотела лгать. Давайте попробуем начать все сначала. Я хотела бы считать вас другом.

Елисей откинулся на спинку стула и неожиданно рассмеялся.

— После всего, что произошло? — Он неопределенно махнул рукой.

— Да, — твердо ответила царевна.

— Моя сестра пропала в твоём городе, и сегодня я застрелил троих твоих людей.

— Если мы будем сравнивать потери, никогда не остановимся.

Елисей перестал улыбаться, наклонился к ней через стол.

— Ты имеешь отношение к тварям, что лезут из моря?

— Я не знаю, — честно ответила Надя.

— Ты можешь их остановить?

— Я не знаю.

Он сжал кулаки. Помолчал. Вернулся хозяин. Поставил перед девушкой чашку с чаем и тарелку с куском пирога. Надя начала есть.

— Говорят, ты чародейка, — продолжил тем временем Елисей.

Царевна отрицательно покачала головой.

— Еще говорят, что чудовища отступят, как только одно из них получит тебя.

Надя бросила на него короткий взгляд, горько усмехнулась:

— Вы хотите попробовать?

Елисей не ответил. Поднялся и вышел на улицу.

В еленградской таверне «Северный ветер» было немного посетителей. На двоих незнакомцев в углу зала никто не смотрел.

Эол отпил глоток горького пива, скривился. Роджер уже давно не видел его молодого лица. Перед ним сидел его сверстник. Волосы и борода потемнели, из рыжих стали темно-каштановыми. Голубые глаза стали серыми. Эол часто запускал руку в бороду, чесал подбородок и шею.

— Зачем ты ее вообще носишь? Назло родителям?

— Ага.

— Дурак.

— Когда твои родители — первые боги, используешь любой доступный способ.

Помолчали.

— Как она там?

— Она сильнее, чем тебе кажется, дядюшка. С нашей помощью или без, девочка пройдет свой путь. Так что можешь оставить ее. Я слышал, ты отказался брать ее в жены...

Роджер нахмурился.

— Откуда такие сплетни? Мое кольцо все еще у нее.

— Это потому, что Милость и Пасиа Грина запретили к ней приближаться. Ты же сам просил забрать его...

Роджер прищурился, отпил горького пива.

— Думаешь, я не смогу преодолеть это девчоночье проклятие?

Эол засмеялся.

— Конечно, сможешь! Если будешь любить ее. Кто девушку дурой называл?

Роджер нахмурился. Эол сделал еще несколько глотков.

— Она еще слишком молода и наивна, — рассеянно сказал бог мертвых, рассматривая пену, расплескавшуюся по столу.

Эол пожал плечами.

— Тут много можно сказать. Ты тоже можешь выглядеть, как восемнадцатилетний юноша. С каждым днем наивности в ней все меньше, а мудрость придет, она не глупая. Ты должен принять решение так, как приняла его она. Женишься? Нет? Она вообще нужна тебе?

Помолчали.

— Я хочу кое-что сделать для нее, но мне нужна твоя помощь, Сарма.

— Говори.

— Ты должен украсть для меня одну вещь у матери.

Эол перестал улыбаться, на побледневшем лице ярче проступили веснушки.

— Она меня уничтожит!

— Разве что лишит имен.

— Ты меня спасешь? Уговоришь Ярока?

— Я не дам тебя в обиду. Обещаю.

Эол тяжело вздохнул. Снова почесал подбородок.

— Ты для нее это делаешь? А если девочка влюбится в кого-то еще, не выполнит обещания?

— Я и не жду, что она сможет, — печально улыбнувшись, ответил Роджер. — Мне нужно время, чтобы позаботиться о ней.

— А что потом?

— Я помогу ей стать чародейкой и оставлю в покое.

— Не возьмешь себе? Значит, ты делаешь все это просто так?

— А что я могу потребовать взамен? «Люби меня вечно»? Этого не потребуешь, даже первые боги здесь бессильны. И что тогда? Я хочу, чтобы она была счастлива, и сделаю для этого все, что смогу.

— Ты должен сказать ей! Что любишь и все такое...

— Ты дурак, Эол? Ей семнадцать. Она впечатлится, почувствует себя сказочной царевной и, конечно, захочет сыграть в эту сказку. Но для меня все иначе! Когда мы обвенчаемся, не опустится занавес. Я не принадлежу этому миру, хоть и исходил его вдоль и поперек. Мой дом — Хель. Мое царство — Царство Мертвых. Захочет она провести там вечность? В мире без солнца и луны, в окружении мертвецов и их стражей? Что, если спустя год, наигравшись, она поймет, что не готова к такой вечности? Что делать ей? Что делать мне?

Эол не нашелся с ответом.

Надя думала, что ее снова везут в Морин-Дениз, но ошиблась. Далеко за полночь они наконец приземлились на верхней площадке незнакомого замка. В трех милях восточнее, вытянувшись в горном ущелье, как золотая змея, тлел ночными огнями незнакомый город.

В замке почти не было людей. Кровавок не зажигали. Только две керосинки под закопченными стеклянными абажурами. В полумраке Надя не могла понять, сколько встречающих здесь было, но людей вокруг стало больше, и один из них, тот, что шел рядом с Елисеем, был очень похож на королевича.

Царевна судорожно пыталась вспомнить то, что рассказывал когда-то отец о сложных родственных узах, которыми король Веит связал города Побережья. Они были в гостях у одного из братьев Елисея. Но у кого? Что за город она видела? Куда ее ведут и как отсюда сбежать?

Чем ниже они спускались по широким винтовым лестницам, тем страшнее становилось. Она хотела остановиться. Один из охранников тронул Елисея за плечо. Королевич обернулся, прищурился.

— Я не сделаю больше ни шага, пока вы не объясните, куда меня ведут и зачем.

Елисей подошел к ней.

— Это самое безопасное место на Побережье, ваше высочество. Доверьтесь мне, и вам никогда больше не придется бояться за свою жизнь.

Он взял ее за руку, ласково улыбнулся, но глаза остались холодными. Надя выдернула свою руку, и тут кто-то обнял ее сзади, лицо накрыли мягкой резко пахнущей тканью.

— Ллойд, твою мать! Что ты делаешь?! — возмутился королевич.

Но было поздно. Надя потеряла сознание.

Когда она открыла глаза, в комнате уже было светло. Сквозь синие шторы просачивался бледный утренний свет. Царевна села на кровати и осмотрелась.

Она была в большой спальне. Посреди комнаты стояла широкая кровать, напротив кушетка, туалетный столик и платяной шкаф, слева у входа низкий диван и кофейный столик, справа — во всю стену окно.

Голова кружилась и болела. Надя, пошатываясь, подошла к окну, раздвинула шторы. Солнце только вставало. От подножья ее дворцотюрьмы и до горизонта было лишь море.

— Хочешь, уведу тебя отсюда?

Царевна вздрогнула и резко обернулась. Голову тут же пронзила острая боль, в глазах потемнело. Пришлось подождать мгновение,

справляясь с головокружением и тошнотой, прежде чем она смогла посмотреть на гостью.

На кушетке, небрежно закинув ногу на ногу, сидела красивая женщина. Она была похожа на островитянку: смуглая кожа, черные волосы, бирюзовое сари и такие же нечеловеческие бирюзовые глаза.

— Ты — Марина?

Красавица в ответ улыбнулась.

— Я думала, первые боги не вмешиваются в дела людей, — заметила царевна, отступая к стене.

— Но ты не обычный человек, верно? Ты без пяти минут жена первого бога. Может, тебе даже построят храм... — Богиня подмигнула.

— Зачем ты пришла?

Марина склонила голову набок.

— Знаешь, что они хотят сделать с тобой?

Надя не ответила.

— Они принесут тебя в жертву морским тварям. Слышала, король Веит и его сын разошлись в мнениях, как с тобой лучше поступить. Давно ходят слухи, что твари вылазят на берег за тобой. Не осуждай людей за поспешные выводы. Многие на это указывают. Завеса у нас уже тысячи лет, а чудовища лезут на землю последние пятнадцать. Говорят, если тебя бросить в море, они успокоятся. Вот молодой королевич и решил попробовать. Сегодня в полдень.

— Елисей не станет... Он обещал мне...

— Ты настолько доверяешь ему?

— Тебя прислал Роджер?

Богиня поморщилась.

— Ты плохо представляешь отношения в нашей семье. Мы не бегаем по поручениям друг друга. Честно говоря, последний год он вообще не упоминал о тебе.

Надю словно ударили. От обиды земля ушла из-под ног, но показывать этого богине она не хотела. Села на кровать.

— Зачем ты пришла, мать вод?

Марина улыбнулась:

— Я слышала, ты хочешь вернуть калекам их руки и ноги?

Надя подняла на нее взгляд.

— Ты так много слышишь?

— Я редко интересуюсь мечтами смертных, — небрежно передернула плечами Марина, — но я знаю любопытных богов, которые только этим и занимаются.

— Ты об Эоле?

— Не буду выдавать своих шпионов. Ну так что? Хочешь свадебный подарок?

Надя с ответом не спешила.

— Это подарок, рыбка! Не бойся! Ты совсем маленькая, поэтому не знаешь, что ответ на твою мольбу так прост. — Она сделала паузу. — Живая вода.

За дверью раздались шаги и дребезжание ключей.

— Решай сейчас, рыбка. Бегать за тобой я не буду. Ну?

В замке заскрежетал ключ, и Надя решилась. Поднялась навстречу богине.

Марина крепко сжала ей запястье холодными пальцами, и они вдруг оказались на склоне холма. Отсюда был виден почти весь остров, пятнистое одеяло моря внизу и далекая Серая Завеса. Надя глубоко вдохнула горячий воздух, пахнувший сухой травой и медом.

— Это Вит, — сказала богиня.

Остров был похож на волнистую поверхность моря. Холмы, поросшие белым вьюнком, синим цикорием и розовым клевером, изгибали китовые спины, плавно перекачиваясь друг в друга. На песчаном берегу, вытянув в море длинные языки пирсов, лежал город.

— Хочешь посмотреть по сторонам? Я не люблю быть на земле, так что тебя сопровождает мой друг. Короткая прогулка, а потом приглашаю тебя в мой замок. Сарма!

Эол возник рядом. Выглядел он печально: был старше, чем Надя привыкла его видеть, пшеничные волосы потемнели, отросла дурацкая рыжая борода, лицо загрубело.

— Сарма, покажи девочке город. И поменьше слов, ты понял меня?

Эол покорно кивнул, и Марина пропала.

— О чем именно ты не должен мне говорить?

— В этих местах она владычица, я не стану ей перечить.

Надя ожидала хотя бы намек, но Эол отвел взгляд.

Остров, на который Надя так мечтала попасть, казался покинутым. Здесь было невероятно красиво — белый город на берегу синего моря. На холмах паслись овцы, длиннорогие коровы и морские лошади. Слева далеко за городом зеленели плантации кофе, белел опустившимся на землю облаком, хлопок. А людей вокруг было мало.

Бог коснулся ее запястья, и они очутились посреди белого города.

На улицах было пустынно. Эол молчал. Шел впереди, не оборачиваясь. Странно это было. Она привыкла видеть Легкокрылого

улыбающимся. Что с ним случилось? Сегодня он был похож не на друга, а на стражника.

Надя улыбнулась и в ближайшем переулке свернула направо, к морю. Узкая улочка вывела ее на набережную.

Дома, глядящие на море, были украшены гирляндами из бумажных цветов, мостовая устелена медвянно-пахнущей травой. Здесь сегодня собрался почти весь город. Островитяне были похожи на свою любимую богиню: смуглые, черноволосые, в одеждах, похожих больше на простыни, чем на платья. Мужчины и женщины одеты одинаково, все босые и с венками из полевых цветов в темных волосах. Оживленные, смеющиеся, они все спешили к морю.

Надя смешалась с толпой, дошла до пирса. На берегу стояла статуя морской богини. Она была высотой в два человеческих роста, грубо вылепленная из глины, но богато разукрашенная яркими красками: желтой, бирюзовой, черной и красной. У ног богини был установлен деревянный помост с квадратным люком посередине. Перед ним, лицом к статуе и спиной к люку и морю, стояли парень и девушка. На глазах у обоих были повязки.

Надя протиснулась сквозь толпу.

На помост поднялись четыре женщины, они стали за спинами юноши и девушки, поклонились статуе, поклонились морю и затянули красивую, но тоскливую песню. Надя знала наречие кало, но, как и в Морин-Денизе, не сразу различила слова.

Женщины пели о моряках, покидающих гавань, о дальней стране, которая ждет их, и о тех, кто остается на берегу.

Надя только успела подумать, что для праздника эта красивая песня слишком грустная, как рядом возник Эол.

— Что ты делаешь здесь?!

Он схватил ее за руку, ветер взметнул одежду, и они оказались посреди луга, где-то на другой стороне острова. Но Надя успела увидеть, как парень и девушка, взявшись за руки, прыгнули с помоста вниз. Она не видела, что их ждало там, но услышала короткий раздирающий горло крик.

Царевна выдернула у Легкокрылого свою руку. Отступила на шаг, зажала ладонью рот.

Эол молчал, и она ничего не стала спрашивать, потому что ей уже рассказывали о жертвоприношениях на островах. Надя опустилась на траву.

Легкокрылый постоял, неловко отводя взгляд, потом сел рядом и погладил ее по волосам.

— Тут так заведено, девочка! Поверь, для них лучше так, чем каждую неделю отбиваться от тварей из-за стены! Острова не могут позволить себе стены по всем берегам, не могут создать сильную армию, у них ее нет уже сотни лет. Раджи, владеющие островами, предпочитают такой уговор. И они верят, что это великая честь! Ты же видела, они сами прыгнули!

— Бедный наш Край, Эол! Бедный наш Яблонеый Край! Я была такой глупой все это время! Начиталась сказок и думала, что волшебство — это хорошо. Но, чем больше я узнаю, тем больше убеждаюсь, что это самое большое зло из возможных. Все те люди, которые боялись и ненавидели меня за глаза, зная лишь плоды чужой магии, — все правы! Все из-за нее! Я рада, что не умею колдовать! Пусть я останусь беспомощной, пусть меня снова посадят в Черную башню, если это уберезет наш Край от горя!

Эол тяжело вздохнул:

— Будущее знает лишь Мокошь. Для всех остальных богов завтрашний день такая же загадка, как и для людей. Ты не зря надежда этого мира, девочка. Боги сделали все возможное, но нашего могущества недостаточно. Значит, нужно что-то еще и тебе не зря назначили такую судьбу. Я верю в это.

Царевна подняла на него горячий взгляд.

— Я не хочу в замок Марины.

— Поздно отказываться. Она не простит.

— Ты не отнесешь меня в Калин?

Эол покачал головой.

— Я не могу послушаться ее.

— Посидим тогда еще немного, ладно?

Надя не хотела быть гостьей Марины. Она пожалела о своем поспешном решении, но отступить было поздно. И она заставила себя быть вежливой.

Подводный замок Марины был похож на город внутри стеклянного шара. Тонкие стены из перламутра, высокие потолки, холодный мрамор полов. Здесь были внутренние дворики, оранжереи, огромные как парки, и пять сотен спален. Вместо неба в подводном мире была ртуть. За окном Надиной комнаты от перламутрового дворца до тонущего в синей дымке горизонта простиралась песчаная равнина. Ни людей, ни животных, ни рыб. На ртутном небе не было солнца, луны и звезд, хотя день и ночь сменяли друг друга.

С рассветом во дворце начинался карнавал. По залам и коридорам носились люди в карнавальных костюмах, смеялись, пили игристое вино из

горлышек бутылок и целовались. В бальном зале, таком же необозримо огромном, как морское дно, не останавливаясь, играли музыканты. Пары кружились без остановки, ныряя из одного танца в другой.

Марина подарила Наде ворох платьев всех цветов и фасонов, коралловые бусы и жемчуга. Но Надю нисколько это не радовало. Так поступал ее отец. Запирая двери комнаты, он распахивал перед ней двери царской казны.

Во дворце не было часов, поэтому царица лишь догадывалась о том, сколько времени она здесь провела. Неделью? Две? Она давно сбилась со счета, а однообразные дни невозможно было восстановить в памяти.

Надя безмерно устала.

Марина так и не выполнила своего обещания подарить живую воду. Она небрежно отмахивалась. Говорила, что сдержит слово, но не уточняла когда. Настойчивость в разговоре с первой богиней была неуместна, и Надя терпеливо ждала.

С каждым днем ее все больше угнетал бесконечный песчаный пейзаж за окном и низкое металлическое небо, раздражали веселые, пьяные от вина и любви люди.

Кроме Марины здесь не с кем было поговорить. Эол оставил ее у дверей отведенной Наде комнаты. Марина вскользь упомянула позже, что, когда он опускается на морское дно, наверху бушует смерч. Слуги или были немыми, или им было запрещено разговаривать с гостьей. Покорные, предупредительные, но никогда не смотрящие в глаза, не люди — рыбы. Они бесшумно двигались по коридорам, выполняя свою работу.

Гости Марины царице не нравились. Вокруг богини всегда была целая свита из красивых смуглых парней и девушек. Надя ни разу не видела их ссорящимися или просто разговаривающими, словно заведенные куклы, способные лишь кружиться, целоваться и пить вино.

Марина видела, что царица скучает, и, как внимательная хозяйка, всячески пыталась ее развлечь.

— Выпей вина, рыбка!

Надя помнила пребывание в замке вечно хмельного Мака. Вежливо, но твердо отказалась.

— Потанцуй! Это всего лишь танец!

— Я не могу позволить постороннему мужчине обнимать меня.

— Анку не увидит того, что здесь происходит.

— Какое это имеет значение? Верность — вопрос совести, а не дозволенности.

Марина смеялась:

— Какая верность?! О чем ты, глупенькая? Я говорила с Анку пару недель назад и напрямую спросила, считает ли он тебя невестой. Он ответил: нет. Мы с Эолом звали тебя невесткой из сочувствия к твоей наивности. Но ты, оказывается, собралась хранить верность тому, кто о тебе даже не вспомнит!

Марина наклонилась к ней с трона.

— Мне жаль расстраивать тебя, рыбка, но ему это не нужно. Но тебе я желаю счастья!

Надя чувствовала себя очень глупо. Она верила богине, но сердце отказывалось следовать доводам разума.

— Ты как?

Надя заставила себя улыбнуться.

— Хочешь вернуться к себе в комнату?

Надя хотела, но это выдало бы ее чувства, и она покачала головой.

— Решение Роджера не влияет на мое, — сказала она богине, упрямо хмурясь. — Я знаю, это наивно, но когда я была ребенком, то очень любила одну сказку. Про Ясного сокола и девушку. Когда сокол пропал, девушка истоптала три пары железных башмаков и три пары чугунных посохов, пока не нашла его. Я верю, что любовь должна быть такой. Когда не отступаешь и не сдаешься. Я сделала выбор и буду верна ему до конца.

— Глупышка. Верить, что твоя преданность впечатлит его так сильно, что он полюбит тебя в ответ? Так не бывает, спроси у Милости. Сердце бога мертвых, о котором ты слышала, — вот оно! В твоём ожерелье. Так называют черный брильянт в твоём кулоне. Камешек. Ни больше ни меньше. Не важно, что говорят о тебе смертные, не важно, что напридумывала ты сама, — все проще и прозаичней. А теперь порадууй меня — потанцуй!

Надя не танцевала. Она, как и в предыдущие вечера, стояла у окна спиной к танцующим и думала о Роджере.

Рядом появилась богиня. Примирительно улыбнулась, садясь на подоконник.

— Не сердись на мою прямоту, рыбка. Я не хотела тебя разочаровывать, но ты должна знать правду. Достаточно детской влюбленности, пора взрослеть! Оставь глупые мечты и возьми то, что перед тобой.

Надя улыбнулась Марине. Она почти поверила, что красавица-богиня на самом деле желает ей добра, что она хорошая... Но тут вспомнила...

— Почему ты позволяешь людям приносить тебе человеческие

жертвы?

Улыбка пропала с красивых губ. Марина несколько мгновений смотрела на царевну пристально, взвешивая слова. Прищурилась.

— Молитвы сладки на вкус, рыбка. Но ты даже не представляешь, каковы на вкус жертвоприношения... — Кончик кораллового языка облизнул губы.

Богиня поднялась с подоконника и, улыбаясь, растворилась в воздухе. Надя осталась одна.

Бал не заканчивался. Играла музыка, смеялись, кружились в вечном танце пары, слуги разносили игристое вино. За окном сгущались сумерки, и в зале зажгли свечи. Марина всегда покидает бал в этот час.

Надя тоже тихо вышла из зала. Возвращаться к себе не хотелось. Она наугад стала петлять по пустым коридорам. Решила узнать, сколько этажей в подводном дворце.

Она сбилась со счета, устала и повернула в первый попавшийся коридор. Дверь в одной из комнат была приоткрыта. В щель пробивался яркий солнечный свет, и Надя не удержалась, заглянула внутрь.

Воздух в комнате был пропитан теплым солнечным светом, хотя шторы плотно задернуты. Марина сидела на кушетке вполоборота к двери. Рядом, положив голову ей на колени, спал красивый мужчина. Богиня, почти не дыша, ласково перебирала его золотые волосы, потом почувствовала взгляд Нади, посмотрела на царевну, улыбнулась и прижала палец к губам.

Надя смущенно прикрыла за собой дверь.

Увиденное было таким трогательным! Кто этот мужчина? Значит, и богини умеют любить?

Если Марина способна любить кого-то, то и Роджер сможет. Нужно только быть достойной его любви.

— У нас сегодня особый гость!

Марина радостно хлопнула в ладоши, и музыка замерла, остановилось время, и застыли бабочками в янтаре танцующие пары.

— Я слышала, вы уже знакомы, но не суди его строго. Первое впечатление не всегда бывает верным!

Она встала с трона и раскрыла объятья гостю.

В смокинге, блестящих ботинках и в белоснежной рубашке, застегнутой на все пуговицы, черная атласная бабочка аккуратно завязана на шее, черные волосы приглажены, щеки гладко выбриты. Он был так аккуратен, ухожен и собран, что, даже глядя ему в глаза, Надя не сразу

узнала гостя Марины. На короткое мгновение, пока он шел к ним через толпу, ей показалось, что это Роджер, и сердце забилось, как сошедшие с ума часы. Но это был Мак.

Разочарование было таким болезненным, что на глазах выступили слезы, и Надя отвернулась, пряча лицо.

Мак пружинисто поднялся по ступеням к трону, крепко поцеловал богиню в щеки. Марина тихо засмеялась, и Надя перестала дышать. Она узнала этот смех. Именно его она слышала в замке Мака.

У нее похолодели руки.

— Повернись к нам, рыбка! Невежливо так встречать гостей.

Надя медленно повернулась и, не поднимая взгляд, присела в реверансе.

— Я думал, ты будешь краснеть при нашей новой встрече, а ты белая как простыни. Боишься?

Надя покачала головой. Сердце билось как у кролика.

— Кажется, вам надо поговорить, Нутур. Не знаю, что ты там натворил, но извинись! Эта девочка — моя гостья, не смей обижать ее!

Мак наклонился, улыбаясь, заглядывая девушке в глаза.

— Поговорим?

Не понятно, что сейчас было меньшим злом: разговаривать наедине с Маком или стоять рядом с морской богиней и гадать, что она делала в Сонном замке в ночь, когда Мак опоил Роджера.

Надя посмотрела на бога-обманщика. Он галантно взял ее за руку, и они оказались в оранжерее. Надя села на скамейку, сжала руки на коленях. Мак немного помолчал, по-кошачьи щурясь.

— Давай первым извинюсь я. Прости, что напугал тебя при нашей последней встрече.

Надя кивнула, ни мгновения не веря ему.

— Не веришь?

Надя постаралась совладать с выражением лица.

— Марина права, наше знакомство не задалось, Мак.

— Здесь меня принято звать Нутур.

Он улыбнулся:

— Начнем сначала, Надежда? Потанцуешь со мной?

Ей не хотелось, чтобы он прикасался к ней, но никто не должен был увидеть ее растерянность. Нельзя показывать страх, они не должны узнать, что она поймала их на лжи. Пока кот играет с мышью, та жива, а значит есть возможность сбежать.

— С удовольствием.

Он подал ей руку, и они оказались посреди танцевального зала. Невидимые музыканты заиграли вальс. Мак обнял ее за талию левой рукой и правой сжал пальцы.

Надя плохо танцевала, но он крепко держал ее, не давая сбиться с ритма, и даже взглядом не показал, что его нервирует то, как она наступает ему на ноги. Праздник продолжался.

Мак уговорил ее еще на один танец. И еще. Он был внимателен и остроумен. Он был красив и хорошо танцевал.

Женщины вокруг смотрели на него, от его мимолетного взгляда их бросало в жар, но он смотрел лишь на Надю. Но ни его красота, ни галантность не трогали ее. Мак слишком сильно похож на мужчину, за которым она безмерно скучает. Но он не был Роджером! И что ей за дело до чужой зависти, зачем его внимание?

Мак все предлагал ей вина, но в его присутствии Надя не позволяла себе даже воду. Он провел ее до комнаты, поцеловал руку, задержав губы дольше необходимого, бросил на прощанье долгий взгляд из-под ресниц и пропал.

Женщина после такого вечера должна думать о нем до утра, но Наде было противно. словно с ней разыграли сюжет одного из сентиментальных романов пани Ожины.

Нужно уходить отсюда! Как можно быстрее! Но как и куда?

Ей стал отвратителен этот замок и бесконечные балы, разговоры об удовольствиях и попытки Марины навязать ей любовные приключения, это низкое металлическое небо за окном и песок, до которого нельзя дотянуться.

Она заставила себя лечь спать, хотя хотелось убежать.

Утром Надя завела с богиней разговор о том, что скучает по земле. Царевна подозревала, что с первой попытки ее не отпустят, но нужно было подготовиться.

— Я бесконечно благодарна тебе за гостеприимство, мать вод, но мне пора домой.

Марина фыркнула.

— Не спеши, рыбка! У нас гости, я думала, вы поладили с Нутуром.

— Да, но...

Богиня прижала палец к губам. В столовой появился Мак.

Завтракали втроем. Потом Марина сказала, что ее ждут дела, и пропала, оставив Надю с Маком.

Какие дела? Несколько месяцев она почти не оставляла Надю, и теперь

у нее появились дела?

«Эол!» — мысленно взмолилась царица, но Легкокрылый не появился. Не услышал или не захотел приходить, и Надя весь день оставалась с Маком.

Это было почти так же утомительно, как картонные слуги. Он был настроен лишь влюблять ее в себя. Говорил банальности, постоянно прикасался к ней. Царица с трудом скрывала раздражение. Когда во дворце зажгли свечи, он увлек ее на бал.

Надя протанцевала с ним четыре танца, потом сказала, что устала, и вернулась к себе в комнату.

Марины за завтраком не было. Столовой тоже не было. Надя повернула в знакомый коридор и вышла на веранду. По трем стенам из четырех шли высокие окна в пол, за которыми волновался лес водорослей. У окна стоял бог-обманщик. Он обернулся к ней, улыбнулся.

— У меня подарок для тебя!

Когда царица нехотя подошла, он протянул ей бархатную коробочку.

Надя не взяла.

— Ты все еще обижаешься? Это же подарок!

Надя рассердилась.

— Я ничего не дарю тебе, и от тебя мне подарков не нужно! У меня есть жених, и лишь от него я буду их принимать.

— Он уже сделал подарок. — Мак взглядом указал на железное колечко и презрительно усмехнулся. — Не очень щедро.

Надя промолчала, а Мак рассердился. Он наклонился к ней, пронзил злым взглядом.

— Влюбилась? Правда? Роджер, Роджер, Роджер... Если он тебе дорог, мышка, то держись от него подальше. Твоя любовь ломает его обручи, а твоя кровь способна усыпить. Давно я ждал кого-то вроде тебя, чародейка. О! Один глоток, а как сладко он спал! Что будет после двух? Трех?

У царицы мороз пробежал по коже. Она сжала руки на коленях. Порез на ладони давно затянулся, но от слов Мака засадило кожу.

Он, видимо, пожалел о своих словах, снова широко улыбнулся.

— Мы пойдем гулять.

Не спрашивал.

Мак даже не притронулся к ней, но они оказались в подводном лесу. Темно-зеленые и бурые ленты водорослей тянулись к солнечному свету далеко вверху, девушке заложило уши. Надя испуганно задержала дыхание.

Эол возник рядом быстрее, чем она о нем подумала, и Надя тут же

вцепилась ему в руку.

— Дыши! — посоветовал он. Царевна послушно вдохнула.

Вода была холодной, в легких сразу занемело, но это было приятно.

— Что ты здесь делаешь. Сарма? — обернулся к ним рассерженный Мак.

— Я в гости! — беззаботно улыбнулся Эол, обнял Надю за плечи. — Соскучился за Мариной и тетушкой. Вы куда? Хочешь показать ей Источник?

— Нет.

— Правда? Спорим, она не забудет это свидание? Соглашайся, глупая! Тебе понравится!

Надя послушно кивнула. Эол, не дожидаясь согласия Мака, свистнул, и из водорослей к ним выплыли три морские кобылицы. Гривы и хвосты у них были очень длинные, бледно-зеленые. Они медленно опустились на дно, вспугнув стайку рыбок.

— Какую хочешь? — спросил Мак.

Надя выбрала кобылицу с золотистой гривой. У Мака в руках появилось седло, он сам оседлал ее, затянул подпругу.

— Держись за гриву.

На ощупь грива походила на мягкие водоросли, а не на конский волос. Лошадь была гладкой и холодной, а под щеками у нее раскрывались жабры. Кони оттолкнулись от дна, и следом за Маком Надя и Эол полетели над подводным лесом.

Они летели и летели. Мак впереди, за ним Эол и царевна. Вот уже и лес остался позади. Началась холмистая местность, похожая на предгорья. Надя замерзла. В темной глубине проплывали тени больших рыб. Пронеслась мимо стая акул-молот. Рядом с Надей, почти коснувшись плавником, проплыла рыба-луна.

Внизу дно ушло в темноту, и теперь Надя видела лишь вершины подводных гор — скалистые и темные. Мак стал опускаться, и Надя с Эолом за ним. Становилось темнее, царевна с трудом различала силуэт Мака, когда далеко внизу между скал появилась полоса света.

Солнечный свет, золотой и горячий, пульсировал как кровь.

Горы словно раздвинули руками, освобождая место на дне, где в переплетении огромных каменных корней рождался Исток. Золотая мерцающая вода поднималась вверх и смешивалась с водами океана. Надя протянула руку и подставила ее под золотой поток.

— Красиво, верно?

Надя вздрогнула и повернулась к появившейся рядом Марине.

Богиня стояла в шаге от нее в водяных потоках.

— Не хорошо, что вы здесь без спроса, рыбка, — холодно заметила богиня. — Нам пора возвращаться.

Эол бросил лошадь и уселся рядом с самим Истоком, опустив туда босые ноги.

— Сарма! Идиот мелкий, прекрати немедленно!

Легкокрылый от резкого окрика подпрыгнул, поскользнулся на дне и нырнул в золотой поток с головой.

Марина рассердилась не на шутку. Вокруг появились всадники на морских кобылах — синие, лохматые нинге. Подчиняясь молчаливому приказу богини, они бросились вниз к Эолу, но бог уже справился, смеясь, вылез из источника, весь облитый золотом. Всадники были совсем рядом, когда он, улыбаясь, пропал.

— Что за ужасный ребенок! — в сердцах воскликнула Марина.

Слева между корнями что-то двинулось. Вздрыбила лошадь под одним из водяных, и тут же со дна, в облаке ила поднялась змеиная голова, вцепилась лошади в круп. Растеклось в воде облако чернильно-синей крови.

Всадник упал, но до дна не опустился, вторая змея метнулась к нему, заглотнула целиком, лишь вздрагивали вывалившиеся между зубов стопы ног. Кровь у водяного была красная, человеческая.

Движение между корней повторилось, пробежала по дну волна, и чудовище поднялось полностью.

У великанши была женская голова с длинными черными волосами. На красивом смуглом лице не было рта, словно кто-то давно сшил губы, оставив ровные шрамы от стежков. От шеи вниз шли щупальца осьминога, заканчивающиеся змеиными головами.

Надя, почти не дыша от ужаса, посмотрела на богиню. Марина, презрительно щурясь, не сводила взгляда с подводной твари.

Создание потянулось к ним, но замерло, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Мак положил Наде руку на плечо, и в этот раз царевна была рада его прикосновению.

Тварь помедлила, оттолкнулась от дна и стала подниматься вверх. Она проплыла совсем близко от девушки и богов, будто предлагая полюбоваться собой.

— Мак, если эти твари лезут из Царства Мертвых, почему у всех есть жабры? — спросила Надя.

Мак промолчал. Царевна повернулась к нему, чтобы повторить вопрос,

и увидела, что он смотрит на Марину.

Красноречивое молчание было убедительнее любых слов. Надя все поняла.

Марина почувствовала ее взгляд, посмотрела девушке в глаза, насмешливо прищурившись, и они втроем, Надя, богиня и Мак, оказались в бальном зале подводного замка.

— Я ухожу, — сказала Надя.

Секреты раскрыты, больше нет смысла притворяться.

— Ты не покинешь моего дворца, — ответила Марина.

— Я невеста Анку, и только ему принадлежит моя жизнь. Ты не посмеешь меня тронуть.

— Посмею, дура.

Надя сжала кулаки. Мак усмехнулся, небрежно сел в кресло.

— Она подходит ему, правда? Такая же идиотка, как и он.

— Но и ты не умник, — резко ответила Надя. — Все, что я знаю сейчас, — благодаря тебе!

Царевна снова обратилась к Марине:

— Отпусти меня! У тебя нет власти надо мной, богиня, так что именем матери-Ины и отца-Яна!..

— Неблагодарная тварь! — прошипела богиня и с размаху ударила Надежду по лицу.

От неожиданности царевна даже не попыталась увернуться. Она потеряла равновесие, но не упала, потому что кто-то поймал ее за плечи, удержал.

— Ты нарушила договор, сестра.

Роджер.

Как такое возможно?! От радости у Нади перехватило дыхание.

— Ты причинила ей вред.

— И ты сразу явился? Из-за одной пощечины?

Надя чувствовала его руки на плечах, и от этого прикосновения ее бросало в жар. Ей не чудится все это?

Роджер наклонился к ее уху:

— Дыши, девочка! Я не оставлю тебя.

— И что теперь? — спросила богиня. — Твоя смертная никогда не получит живую воду. Будешь и дальше ходить за ней по пятам, чтобы поймать, как только оступится? Придется найти няньку — она ужасно неуклюжая!

— Ты веришь мне? — шепотом спросил Роджер.

— Да, — ответила Надя.

Вокруг стало жарко и светло. Царевна зажмурилась, потом открыла глаза. Они были на площади какого-то островного города, прямо на помосте в двух шагах от людей с завязанными глазами. Вокруг собралась толпа. Люк в полу был открыт. Внизу стоял большой чугунный чан с кипящим молоком. По площади в тягучем от жары воздухе стелился запах дыма и молока. Люди увидели их, стали указывать пальцами.

— Я не знаю, готова ли ты к этому, девочка, но я больше не отпущу твоей руки, — сказал Роджер. — Ты доверяешь мне?

— Да, — снова ответила Надя.

Она боялась поверить тому, что слышала, боялась очнуться от злого сна Мака. Но, желая превратить происходящее в явь, готова была идти до конца.

У подножья собственной статуи появилась Марина.

— Ты блефуешь, Анку! — Богиня улыбнулась, щуря бирюзовые глаза. — Без живой воды ты убьешь ее, и ей будет очень больно. Девочка, — она посмотрела на Надю, — ты знаешь, зачем он привел тебя сюда? Твой суженый хочет облегчить себе жизнь. Он убьет тебя! Заметь, не возьмет в жены, не одарит бессмертием, а утопит в кипящем молоке. Ты отправишься на ту сторону не невестой, а бесправной мертвой шлюхой.

С каждым ее словом Роджер сильнее сжимал Надины плечи. Царевна мягко накрыла его руки своими.

— Роджер, — улыбаясь, сказала она, — пусть говорит. Я поверю только тебе.

— Он хочет, чтобы ты прыгнула в котел, дурочка! — продолжила Марина.

— Значит, я сделаю это.

— Дура безмозглая! Ты умрешь в мучениях, у него нет живой воды!

— Есть! Мне принесет ее твой сын.

Марина обернулась к морю.

На горизонте, на фоне Серой Завесы над водой завис темно-серый хобот урагана. Ветер гладил волны, сначала ласково, но с каждой минутой все сильнее, море пенилось, выгибалось, вздымалось все выше. Небо стало темнеть, затягиваться облаками, закручиваться, как взбитые венчиком сливки.

— Этот ублюдок не посмеет! — процедила сквозь зубы Марина. — Без меня ему не добраться до Истока!

Ветер усиливался, и воронка на юге закручивалась все быстрее. Она была очень далеко и отсюда, с площади, казалась нарисованной, но ветер уже добрался до города, холодный и бешеный. Он сорвал с ближайших

домов праздничные гирлянды, понес по улицам пыль и мусор. Люди на площади увидели воронку над морем, бросились бежать...

— Он сделает это для меня, сестра. Ты же знаешь, что делает.

Марина обернулась к ним, и по тому, как потемнели, наполнились грозой ее глаза, Надя поняла, что богиня в крайнем бешенстве.

— Доверяй мне, — тихо попросил Роджер, крепко прижимая девушку к себе.

Марина в последний раз взглянула на них, сжала кулаки и пропала.

— Пора, — сказал Роджер.

Он обнял Надю, прижал к себе и оттолкнулся от помоста, увлекая царевну за собой. В котел они упали вместе.

Кожа вскипела, треснули губы, боль отключила разум. Надя закричала, попыталась вырваться, но Роджер не отпустил, сжал крепче, развернул к себе и накрыл изувеченные губы поцелуем. Холодным, отдающим металлом и кровью из треснувших губ.

Они снова погрузились в котел, с головой ушли в молоко. Их ладони, их губы, их тела прикипали друг к другу, становясь целым. Страшная, убийственная близость, поровну наполненная счастьем и болью.

Роджер вынырнул на поверхность, не выпуская девушку из рук. Он вынес ее из котла и бережно положил на землю.

У него почти не было времени. Роджер достал из внутреннего кармана флакон матового стекла, зубами вырвал пробку. Мертвая вода потекла по телу девушки, обняла, проникая под одежду. Раны стали затягиваться, изуродованная кипятком кожа — выравниваться.

— Получилось? — спросил, появившийся рядом Эол.

Роджер кивнул.

— Ты достал ее?

Эол протянул ему флакон, полный солнечного света.

— Я не могу к ней прикоснуться, — усмехнулся бог мертвых. — Сделай это сам.

— Марина меня проклянет... — горько усмехнулся Эол, становясь на колени рядом.

— Стой, Сарма!

Легкокрылый даже не дрогнул, перевернул пузырек, выливая на губы девушке живую воду.

Мир вокруг замер. Остановились в полете птицы, превратилась в лед водяная воронка смерча. На площади стояли пойманные в янтаре боги.

Ветер. Море. Смерть.

Марина хищно улыбалась белыми от бешенства губами.

— Я предупреждала тебя, мальчишка! Ты посмел обмануть меня?! У тебя больше нет имен. И не будет. Сколько я буду жить, не позволю этого!

Роджер погладил Надю по щеке, убрал с лица липкие волосы. Поднялся. Эол начал таять на глазах. Он покорно смотрел на богиню, даже не пытаясь спорить.

— Разве что...

Роджер ждал. Не было смысла задавать вопрос — она сама хотела ответить.

— Ты примешь наказание за него, брат. Отдашь свои имена.

Бог посмотрел на Эола. Легкокрылый уже был похож на облако.

— Он обманул по твоей просьбе первую богиню, а что ты сделаешь для него? Достаточно ли обручей на твоём сердце, чтобы не вмешаться?

Она засмеялась. Тихо и удовлетворенно.

— Я согласен.

Эол, снова обретая плоть, вцепился ему в локоть, но Роджер аккуратно разжал его пальцы.

— Это ловушка! Как ты не видишь!

— Он видит, — улыбнулась Марина. Она победила и могла позволить себе немного позлорадствовать. — Из-за смертной девчонки он лишился своего лучшего щита — равнодушия. Она стоит того?

Роджер не ответил.

...Боги пропали. Только клубилась поднятая недавней бурей пыль, неподвижно лежала на брусчатке Надежда, и всхлипывали на помосте девушка и парень, несостоявшиеся жертвы...

Часть 3

*...И все-таки ведущая домой
дорога оказалась слишком длинной...*

Иосиф Бродский

Надежда очнулась на площади.

Она лежала на мостовой в нескольких шагах от котла. Платье было мокрым, волосы слиплись. Ветер гнал по земле пыль и мусор. Небо на юге все еще было темным, грозовым, но ураганная воронка пропала. Пенилось рассерженное море. Волны заливали берег мутной водой, оставляли на гальке темно-зеленые водоросли и медуз.

Надя, шатаясь, поднялась на ноги.

Площадь была пуста. Близкий ураган разогнал людей. Ветер погасил пламя под котлом. Пахло морем и молоком. Пыль покрыла лицо, забила в глаза, скрипела на зубах.

Она посмотрела на руки, ощупала лицо и шею, приподняла юбку, осмотрела ноги. Надя ожидала увидеть страшные ожоги, но кожа была гладкой, даже не покраснела.

Царевна глубоко вздохнула.

Ее трясло от пережитого и от незнакомого нового чувства. Казалось, где-то внутри взорвалась звезда, и эта бешеная сила заставляет каждый волосок на теле становиться дыбом.

— Роджер, что ты сделал?

Ни Марины, ни Эола, ни его...

— Роджер!

В ответ — лишь тишина.

— Эол!

Воздух даже не шелохнулся.

Она спустилась с помоста, пересекла пустой пляж и зашла в море. Умылась соленой мутной водой. Что случилось?! Где Роджер? Где Марина? Почему морская богиня оставила ее? Надя открыла ее страшный секрет, страшный заговор! Несколько минут назад богиня готова была убить ее, а теперь забыла о существовании?

— Роджер! Что ты сделал? Что ты ей пообещал?!

Надя обняла себя за плечи, там, где несколько минут назад были его

руки.

— Милый мой, хороший, что ты наделал?!

Никто не ответил.

Надя опустила руки, сжала кулаки. Марина не считает ее соперницей. Она отняла у Нади единственных, кто ей верил и мог помочь — Роджера и Эола.

«Потому ты оставила меня в живых? Думаешь, что одна я бессильна?»

Царевна зажмурилась и закричала. Она кричала, сколько хватило воздуха в легких. Выпускала злость, отчаяние и ту незнакомую силу, что рвалась из солнечного сплетения.

Открыла глаза и отпрянула: воду на несколько шагов вокруг сковало льдом.

Вдох. Выдох.

Волны теплого моря разбили ледяную корку, растопили и разнесли, будто не было ничего, но у Нади потемнело в глазах. Она вышла на берег, опустилась на гальку, подняла руки к лицу. Ладони покалывало.

Царевна подняла один из камушков, серый, обточенный водой известняк, сжала, прошептала заклинание и раскрыла ладонь. Серый комочек зашевелился, развернулся, поднимая к царевне черный носик и рассматривая ее испуганными бусинками глаз. Мышь вдохнула человеческий запах, пискнула и, спрыгнув с ладони, побежала по пляжу, смешно отряхивая намокающие лапки.

Вдох. Выдох.

Магия?

Магия!

Гонимый ветром, в воздухе кружился белый зонтик лугового козлобородника. Он назойливо вертелся над головой, пролетал у лица, щекоча лоб. Чародейка подставила ладонь и поймала его. Как только семечко коснулось кожи, тут же обернулось маленьким белым конвертом. Внутри лежал белый лист с одним лишь словом: «Калин».

Надя смяла письмо, подбросила в воздух, и оно вновь стало пушистым зонтиком.

Она не знала, было это посланием от Эола или советом от Роджера, но с утренним торговым судном, покинула остров.

Как оказалось, пара недель в гостях у Марины на земле обернулась парой месяцев. Уже наступила зима, незаметная в теплых водах юга. Винтовой пароход «Южная красавица», принадлежавший судовладельцу Янгу Марсену, шел от острова Бордодель-Мондо в порт Зут-Шора с

остановкой в Изола-Турчез. Там они должны были пополнить запасы провизии и пресной воды для плавания через открытые воды Цветного моря.

Надя еще в порту обратила серую гальку в монеты, чтобы купить одежду и оплатить каюту на корабле. Поступок ее был нехорошим, потому что камни по прибытии в порт назначения вновь станут камнями, но выбора не было. Она пообещала себе отплатить капитану настоящим серебром, как только случится такая возможность. На том они с совестью и поладили.

От острова к острову корабль двигался медленно, маневрируя между рифами и изменчивыми течениями.

К вечеру первого дня на железном кольце Нади появилось пятно ржавчины. Она старалась оттереть его, но ржавчина не отступила, а на утро второго дня пятно увеличилось вдвое.

Поднимаясь на борт, царица обещала себе как можно меньше общаться с капитаном и пассажирами, чтобы ненароком не навлечь на них гнев Марины, но сейчас должна была нарушить данное себе слово. Необходимо было подтвердить или опровергнуть собственные тревожные догадки.

— Для моряков ветер, море и смерть — главные божества, верно? — без предисловий спросила она у пассажира, прогуливающегося по палубе.

Господин в сером костюме удивленно обернулся к неожиданной собеседнице.

— Да, госпожа...

— Как зовут бога мертвых?

Мужчина растерялся.

— Возможно вы ошиблись в произношении? Я слышу ваш акцент. Лесные города, верно? — Он снисходительно улыбнулся. — Не бог, госпожа, — богиня. Таласса.

— Мать вод. Хорошо. А что с богом ветра?

— Сарма. Эол. Хотя на островах его принято звать Трамонтана.

Надя, забыв поблагодарить господина в сером, отошла к противоположному борту.

«Почему Роджер потерял свои имена, а Эол получил новые?»

Она не верила, что Легкокрылый мог кого-то предать.

— Эол! Поговори со мной!

Но бог не появился...

Вечером третьего дня, они остановились в порту Изола-Турчез. Надя

на берег не сходила, погруженная в собственные мысли и свое новое состояние.

Она бродила по палубе, пока вконец не озябла под морским бризом. Для любопытствующих пассажиров капитан проводил экскурсию по кораблю, и Надя присоединилась к зевакам.

Силу паровым двигателям корабля давало дыхание Марка-кузнеца. Матросы уже привыкли к туристам. Пока корабль стоял на рейде, они охотно, за отдельную плату, показывали машинное помещение туристам.

Перед спуском всем советовали взять с собой сладкую воду. Надя советом пренебрегла и пожалела. В машинном помещении воздух был пропитан жаром и полынной горечью.

— Божьи чары, — пояснил главный механик, сплевывая вязкую горькую слюну под ноги. На его оголенном предплечье темнела татуировка жреца Марка.

Надя покинула машинное помещение со смешанными чувствами. Она не разделяла восторг пассажиров. Что было бы с людьми, если бы боги не вмешивались в их жизнь? Смогли бы они сами изобрести подобные машины? Боги, освобождая людей от необходимости освещать дома, оживляя машины взамен на покорное поклонение, помогли людям? Или заключили разум и фантазию в невидимые стены, похожие на стены лесных городов?

К этим мыслям она больше не возвращалась, потому что с берега матросы принесли странные слухи: мертвецы встают из могил и ходят по городам.

Наутро корабль вышел в открытое море. За пять дней пути у встревоженных пассажиров и членов команды не было возможности ни подтвердить, ни опровергнуть пугающие слухи. Люди были встревожены. Между собой почти не общались.

Корабль поднял дополнительные паруса и, подгоняемый ветром, морскими течениями и дыханием бога, спешил на северо-запад.

Утром пятого дня корабль остановился в порту Зут-Шора. Капитан приказал бросить якорь на внешнем рейде. Надя забрала свой скромный багаж и с остальными пассажирами села в одну из трех шлюпок.

Утро выдалось холодным. Дождя не было, но за последние недели сам воздух пропитался влагой. Над берегом стоял прозрачный туман.

В шлюпке плыли в напряженном молчании, все тревожно вглядывались в приближающийся берег.

Матросы причалили к деревянному пирсу и помогли пассажирам

сойти, затем налегли на весла и спустя пять минут, уже качались на волнах рядом с кораблем.

Надя, зябко кутаясь в шаль, огляделась.

Набережная была пуста. За узкой линией доков звенели конки, пробежала мимо бездомная собака, но людей видно не было. Только у берега, по колена в воде стояли двое пьяных матросов. Пожилая госпожа рядом с Надей не сдержала раздражения.

— Как полиция допускает подобное?!

Замечание было высказано намеренно громко, чтобы купающиеся в море ее услышали. Один из них медленно обернулся.

Лицо мужчины было обожжено близким выстрелом. Левый глаз пропал, оставив черную рану.

Пожилая госпожа закричала. Мертвец сделал к ним два шага, с трудом поднимая ноги. Женщина упала в обморок на руки мужчин. Люди вокруг отпрянули, закричала еще одна женщина. Надя осталась неподвижной. Мертвец не сводил с нее усталого взгляда единственного глаза. Страшно не было. Царевна смотрела на него и вспоминала старика-покойника в деревне, его тоскливое, бессмысленное существование. Со стороны порта к ним уже спешили Алые Мундиры. Мертвец сделал еще один шаг к девушке, поднял слабую, посеревшую руку и указал на юг.

— Пропала...

— Кто?

Протянутая рука бессильно упала.

— Звездочка, госпожа. Где она?

Гвардейцы открыли по мертвецам огонь. Выстрелы пробиты матросов насквозь, но крови не было. Одноглазый потер грудь, медленно повернулся к стреляющим. У второго выстрелами разнесло череп. Надя зажмурилась. Солдаты уже были рядом, заслонили ее и людей на причале. Царевна открыла глаза. Солдат в алом вскинул ружье и почти в упор выстрелил в одноглазого, разнося ему голову. Царевна содрогнулась.

— Пойдемте, госпожа! — обратился к ней гвардеец, протянул руку, чтобы взять за локоть, но Надя его любезностью не воспользовалась. Посмотрела на юг.

Кольцо совсем покрылось ржавчиной, хотя и привычно холодило безымянный палец. Маяк мертвых, синяя звезда, которую Надя видела над горизонтом раньше, — больше не светила.

Алые Мундиры провели пассажиров в Управление моринденизского порта. Здание было оцеплено полицией, здесь же дежурили Алые Мундиры

и солдаты Ордена Доблести.

— Что происходит? — опередил Надин вопрос кто-то из пассажиров.

— Конец света, вот что! — ответил солдат. — Черная Надька пошла по Краю. Бродят мертвяки по улицам...

— Они нападают на людей? — спросила царевна.

— Пока нет. Ждут, когда появится их хозяйка, вот тогда и начнут. Вы что, не слышали еще?

— Пять дней на корабле. Пльвем от Изола-Турчез.

— Ясно... Не ходите по улицам в одиночку. А ночью так вообще запритесь в гостинице.

Ночью в городе действительно было страшно. Только причиной были не мертвецы, а обезумевшие от страха люди. По приказу короля гостиницу оцепили гвардейцы и Алые Мундиры, но царевна видела из окна зарева пожаров над городом и слышала испуганный колокольный звон. Спала урывками.

Утром она села на канатную дорогу. К двум часам дня прибыла в Троен. Здесь станцию тоже оцепили солдаты. Билетер в кассе рассказала, что горожане пытались разорвать сообщение с лесными городами. Останавливаться в городе Надя не стала.

К вечеру она была в Дирсте. Многие сошли с канатки, чтобы переночевать в гостинице, но Надя отправилась дальше. Утром была остановка в Мирте. Гритдж так и не отстроили, поэтому дорога огибала злополучный город по дуге. Дальше был Морин-Дениз.

Чем дальше царевна ехала в общем вагоне, вглядывалась в испуганные лица, вслушивалась в разговоры, тем больше понимала, что в Морин-Денизе ей делать нечего. Помощи она там не найдет — город сошел с ума. Трагедия в Гритдже и события в лагере беженцев взволновали горожан, а внезапное оживление мертвых стало последней каплей.

Надя звала Эола не раз и не два, но он не появился. Никто не помнил Роджера, кроме нее, и легенды о Черной царевне потеряли свою предысторию. Для людей она уже была не пособником, а единственным истинным Злом.

Царевна понимала: лучшее, что она может сделать, — бежать в Калин, возможно, там ее ждут хоть какие-то ответы. Но в Морин-Денизе оставалось еще одно дело. Август.

Марина обманула ее, так и не дав живой воды, но теперь у Нади была магия. Царевна чувствовала, как по венам течет серебро, ощущала в своем дыхании — дыхание львицы, в руках — легкость птичьих крыльев. Мир вокруг стал ярче и четче. Она чувствовала, что способна на все и от этого

замерла, боясь сделать больше дозволенного. Магия пьянила и пугала, и Надя выбирала самые простые и тривиальные вещи, стараясь уравновесить избыток невероятного в себе. Она пила воду, ехала в общем купе, ела в пристанционных тавернах.

Вокзал Морин-Дениза охраняли не солдаты, а добровольцы из горожан. Сойти с канатки позволяли лишь жителям Морин-Дениза. Надя бросила на лицо тень от кленов, выдала за документы пойманный в ладонь солнечный зайчик. Ее не остановили.

Она спустилась с холма в город, пообедала в знакомом кафе у фонтана и пошла в библиотеку. Конки не ходили. Каждые пять минут ей встречались на улице патрули полицейских. Она легко отводила от себя их взгляды, хотя всю дорогу приходилось держать пальцы особенным образом и у библиотеки руку свело судорогой.

Двери были заперты, на всех окнах — ставни.

Надя прошептала заклинание, и замок обернулся серой змейкой, уполз под камень, шелестя металлическими чешуйками.

Внутри было пыльно и пусто. Надя заперлась на щеколду и поднялась на второй этаж.

Книги ждали ее. Она чувствовала, как они тянутся к ней, дрожат, отзываясь на ее присутствие. Чародейка достала их с полок, разложила по полу, стала читать. Незнакомые слова оказывались совсем простыми, труднопроизносимые формулы сами ложились на язык, словно все эти знания, накопленные годами, старательно раскрываемая суть вещей, единственно верные имена — столетиями ждали ее...

Она открывала книгу за книгой, читала страницу за страницей и очнулась лишь когда услышала выстрелы на улице.

Надя отложила книгу, поднялась на онемевших ногах и подошла к окну. На улице уже опустился вечер, вдоль дорог зажглись фонарик-кровавки.

Вокруг библиотеки собралась толпа. Мертвецов она узнала сразу. Бледные, несчастные лица были обращены к ней. Они все смотрели вверх, ловя ее взгляд, умоляя о чем-то. Их оцепили солдаты, а за ними толпились горожане с факелами.

Надя тяжело вздохнула. Кольцо на пальце налилось холодом, но ни в комнате, ни на улице она не видела знакомых теней. Смерть не приходила, пропала вместе с маяком на юге.

Ох, Роджер, что же сделала с тобой морская богиня?!

Надя взяла с пола нужную книгу и поднялась на чердак.

Внизу солдаты расстреливали несопротивляющихся, несчастных

мертвецов. Разлетались в клочья тела, одежда и мозги, а они не сводили взглядов с нее, в темноте видимой лишь их мертвым глазам.

Надежда скорбно сжала губы.

Ночная птица спустилась с холмов, села на крышу и стала пегой, покрытой короткими перьями, кобылицей. Надя села на теплую, пахнущую курятником спину, ударила ногами по бокам и взлетела в небо.

Госпиталь спал.

Царевна опустилась в темном парке. Кроме корпуса медсестер, свет везде был погашен, и от этого осенняя ночь казалась еще темнее. Лошадь ударила копытами, снова становясь птицей, и взлетела в небо. Надежда проводила ее взглядом и пошла к корпусу.

Она потеряла ладони, разогревая кровь, поймала пальцами ночную прохладу, аромат мяты, сонное дыхание пациентов, сплела, связала узлами, бросила себе под ноги. Бесшумно шла пустыми коридорами, выстилая дорогу сном. Госпиталь засыпал. Засыпали врачи и медсестры, засыпали солдаты в саду и пациенты в палатах... Август тоже спал, лишь вздрагивали во сне длинные ресницы. Надя села на кровать, погладила теплое плечо.

— Спи, друг мой! Спи.

Чародейка достала книгу, раскрыла на нужной странице, сжала и разжала пальцы.

Она взяла железные прутья кровати и их тени на полу, медь дверных ручек, полосы лунного света и сонное дыхание юноши. Магия из пальцев, из ладоней текла в металл, делала его податливым, почти живым.

Несколько дней назад ей казалось, что внутри родилась звезда и этой новой незнакомой силы хватит, чтобы разрушить весь Яблоневоый Край, но сейчас ее едва хватало. Чародейка дважды останавливалась, подолгу сидела на полу под открытым окном, восстанавливая дыхание и пережидая спазмы судорог в руках. Лилась в железо волшебная сила, утекала сквозь пальцы ночь.

Когда Надя закончила, небо за окном уже серело. От утренней прохлады и нервного напряжения ее трясло. Она облизнула кровотокащие волдыри на пальцах и отступила от кровати. В изголовье, на прикроватной тумбочке лежал страшный подарок: руки и ноги, сплетенные из металла и ночной темноты.

Чародейка провела руками по лицу, вдохнула утреннего холода и подошла к спящему юноше. Что он помнит о ней? В мире, где все забыли о Роджере, кто она теперь? Надя коснулась горячей ладонью его лба.

Ресницы Августа дрогнули, он глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Царевна?

— Я пришла выполнить обещание.

Он с трудом поднялся, опираясь на обрубки рук, и увидел... Поднял на девушку испуганный взгляд.

— Это не то, что ты ждал, я знаю, — ответила она, — но пока это все, что я могу дать. Соглашайся или отказывайся, выбирать тебе.

Он долго смотрел на металлические руки. Надя его не торопила, она смертельно устала за эту ночь. Юноша кивнул.

— Будет больно, — честно предупредила Надежда.

— Дай мне в зубы одеяло.

Чародейка помогла ему. А потом соединила металл и плоть.

Металлические вены ожили, зашевелились блестящими змеями, вонзились в нежную кожу старых шрамов. По простыням потекла кровь. Металлические мышцы и кости находили в руке живые, срастались с ними. Август побелел. Он впился зубами в одеяло и сдавленно выл. Надя подняла вторую руку и соединила ее с культей. Он выпустил одеяло изо рта, закричал и заплакал. Чародейка взяла металлические ноги...

Ей было безмерно жаль его, но разум оставался холодным и острым, как у хирурга. Августу необходимы руки и ноги, и когда она найдет способ потребовать от Марины обещанную живую воду, то вернется и все исправит. Но она может не вернуться. Нет больше за спиной Роджера и Эола, а значит, она должна позаботиться об Августе сама.

В дверь начали стучать. Надя, не оборачиваясь, наложила на нее заклинание.

Когда медперсонал, спустя пять минут, выбил двери и ворвался в палату, то нашли лишь бессознательного юношу. Чародейки в палате уже не было.

Морин-Дениз встречал проливным дождем.

Надя шла по знакомым трамвайным рельсам, приподняв подол платья. Еще с холма она увидела, что город стал пятнистым от пожарищ.

Почему магия, наделяющая божественным могуществом, не делает мудрее? Должна ли она встретиться с паном Станиславом и его семьей? Наказывая себя за трусость, не испугает ли их? Своим желанием отплатить за доброту не навлечет беды?

Чародейка ладонью стерла с неба хмурые облака, отгоняя от города дождь, и по неровному склону, размытому водой, стала спускаться в город.

Трамваи не ходили, и пришлось пересечь весь Морин-Дениз пешком.

Город был полон вооруженными людьми. Полицейские патрулировали пешком, Орден Доблести и королевские гвардейцы — верхом на обычных лошадях. В небе проносились силуэты Алых Мундиров верхом на морских жеребцах.

Надя уходила от встречи с ними: пряталась в подворотнях, отводила взгляды заклинаниями и продолжала путь.

Мертвецы тянулись к ней. Они выходили из переулков, выглядывали из запыленных окон. Люди и животные. Птицы. Жуткие и жалкие. Они узнавали ее, смотрели, как когда-то пациенты в госпитале. Чародейка ничем не могла им помочь.

Слобода почти вся выгорела. Надежда шла между остовов домов. Дождь прибил пыль и пепел, но оставил в воздухе тяжелый запах пожара, словно здесь была война.

Дом пана Станислава уцелел, хотя пожар у соседей опалил ему крышу и зачернил сажей белый мазанный бок. Знакомый плетеный забор, пожелтевшие листья на вишнях...

Надя осторожно открыла калитку, вошла и остановилась.

Дом был заперт. Двор засыпан облетевшими листьями. Барвинок и бархатцы на клумбах вытоптаны. Чародейка села на скамью у колодца. Ноги гудели. Руки болели. Хотелось умереть или уснуть.

— Настя!

Надежда обернулась. Юлия стояла в дверях погреба. Подниматься сил не было, но чародейка заставила себя. Сделала два шага к девушке.

— Ты в порядке?! Где родители?

Юлия отпрянула, выставив перед собой руки, и Надя остановилась.

— Я знаю, кто ты, — сказала Юлия.

Надя печально улыбнулась.

— Уходи, царевна!

Это было больно. В глубине души Надя надеялась, что, узнав о ней, Юлия, пан Станислав и пани Ирина поймут, что ошибались. Она до последнего наивно верила, что, узнав ее, они переосмыслят все сказанное. Но страх и отвращение в глазах Юлии не пропали. Ничего не изменилось.

— Уходи! Ты не нужна здесь! Это все из-за тебя!

Скрипнула, туго поддаваясь, дверь погреба. Пан Станислав, тяжело припадая на правую ногу, вышел и заслонил собой дочь.

— Уходи, — настойчиво повторил он.

— Посмотрите на меня! — не выдержала Надя. — Я не Черная! Я не Проклятая!

Пан Станислав поднял сердитый взгляд. Юлия сжалась, словно ожидая

удара, и Надя сдалась. Разжала кулаки.

— Вы думаете, что горожане в Морин-Денизе сошли с ума? Оттого, что вам не повезло родиться в лесном городе, на вас возложили ответственность за несчастья всего Побережья. Но вы больны той же болезнью, Станислав... Думаете, вы хороший человек? Мое имя, слухи обо мне разве сделали меня виновницей ваших бед? Горожане не справедливы к вам, а вы? Вы справедливы ко мне?

Она отвернулась и пошла к калитке. Из сада вышла пани Ирина со сковородой.

Надя остановилась, горько усмехнулась. Листья вишен под ее ногами стали червонцами с профилем короля Веита.

— Берите золото и уезжайте отсюда, — устало сказала чародейка. — В другой город, на острова, но не оставайтесь здесь. Берите золото и уезжайте. Вы не убедите горожан в своей невинности, как я не убедила вас в своей.

— Мы не возьмем его! Все, что ты делаешь...

Надя прошла мимо.

Это их выбор. Больно и обидно оставлять этих хороших людей за спиной, но, если в сердцах и умах нет места для иного мнения, кроме составленного, она бессильна здесь.

От Морин-Дениза пять часов ехала до Мирта. Переночевала в гостинице рядом со станцией, утром пересела на Юго-Западную ветвь и еще два дня ехала к Малусу. Потом еще шесть дней пути через Ясинск, Александрийск и Светлоград до Западной Лады.

Под быстро бегущими высоко над землей кабинками проплывал лес. Зима наступила здесь еще месяц назад. Деревья стояли белые от инея. Блестели остекленевшие подо льдом озера, темнела холодная вода еще не застывших рек, раскидывались припорошенные первым снегом степи, шелестя под ветром сухими соцветиями. Отсюда, с высоты, мир внизу казался безобидным, безопасным и почти безжизненным. Надя думала о русалках и водяниках, о мавках и волчьем пастыре, и все произошедшее с ней казалось сном. Мир внизу ждал людей, так почему они вынуждены голодать в городах-крепостях?!

Города сменяли друг друга, одинаковые в своем обнищании. В одних они останавливались, другие просто проплывали внизу под канатами. Железо и камень, крошащиеся от времени, среди безбрежного леса и черной земли. Уже две сотни лет в Крае нет чародеев, люди вполне искупили грехи предков, и пора им уже покинуть стены своих

добровольных тюрем! Как? Она обязана придумать.

В Западной Ладе линия канатной дороги обрывалась. Отсюда добираться до Калина нужно было в телеге по земле.

Прямо на вокзале дежурили люди, готовые за умеренную плату довести желающих до легендарного города. Надя подошла к худощавой, неопрятной женщине, пожалев ее.

Через час проводники готовы были отправляться в путь. Царевна выпила горький чай в трактире при постоялом дворе и съела пирожок с жареной капустой, а остаток времени провела, рассматривая пассажиров на станции.

Подъехала телега, запряженная пегой лошастью. Надя, двое мужчин и семейная пара расположились в телеге на низких скамьях под бортами. Проводники пошли рядом.

Они пересекли город, спустились по проселочной дороге в низину и спустя пару часов въехали в лес.

Надя задремала под меховой шубой, покачиваясь в такт движению телеги. Прошел час.

— Уже скоро, — предупредил возница, и чародейка выпрямилась, прогоняя дрему.

Темнота наступила в один миг. Они ехали по солнечному лесу, Надя моргнула, а когда разомкнула веки — свет пропал. Телега поднялась на пригорок, лес закончился низким кустарником, и царевна наконец увидела город.

Калин лежал на берегу озера, усыпанный светлячками фонарей, как Млечный Путь. Небо над ним было чернильно-синим. Ни звезд, ни луны, лишь слабо светились, отражая свет фонарей, устремленные к облакам тонкие, золотые лестницы.

— Лестницы? — спросила Надя. — Мне не кажется?

Проводник ухмыльнулся.

— Пани мало слышала о Калине? Конечно, лестницы. Как же еще подниматься на небо?

— На небо? Зачем?

— За светом, пани. Без солнца не будут расти огороды, — ответила за проводника женщина, сидящая рядом. — За десять медяков вас туда проведут. Если высоты не забоитесь.

Телега стала спускаться вниз по склону.

Город не желал ее, гнал от себя. Никогда раньше Надя не чувствовала себя такой чужой, такой нежеланной. Чем ближе подъезжала она к городу,

тем сильнее сжимала сердце необъяснимая тоска. Хотелось плакать.

Ночь вокруг сбивала с толку. Реальность и сон сливались воедино, как в замке Мака. Царевне казалось, что они уже долго едут вниз по склону, но город почти не приблизился. Только стало тяжелеть кольцо Роджера на пальце и неотвратимо преследовал Надю запах гречневой каши.

Вокруг появились низенькие бедные домики с огородами и безливыми мертвыми садами. Дома становились все выше, улицы наполнялись каретами и повозками, появились фонари, вокруг становилось светлее. Они въехали в жилые районы окраины.

Телега привезла их к маленькой двухэтажной гостинице и отправилась обратно.

— Гляди: чаровница.

У Нади холодок пошел по спине. Она медленно повернула голову и посмотрела на говорящего. Облезлый серый кот почесал себя лапой за ухом и поймал на боку блоху. Посмотрел на Надю одним глазом.

— И правда, — выгибая спину, согласилась рыжая кошка рядом.

Царевна застыла от удивления.

— Не обращайтесь внимания, госпожа, — вежливо посоветовал гостиничный привратник. — У нас в Калине каждая тварь голос имеет. Мы попривыкли уже. Ничего умного кошка не скажет, так что не пугайтесь.

— Чары... — сказала черная кошка и потянулась.

Чары. Они были везде, но не такие чары Надя ожидала здесь встретить. От самого леса не покидала ее губ полынная горечь божественного вмешательства...

Надя остановилась на втором этаже гостиницы, окна маленького номера выходили на задний двор. Ну что же... Вот она и в Калине, в городе, где ей суждено сотворить нечто великое. Но что дальше?! Никакие знамения или внезапные озарения ее не посещали.

Она заказала обед в номер. В двух кварталах от гостиницы ей посоветовали общественную баню.

После бани царевна вернулась в гостиницу и легла спать.

Проснулась Надя с трудом. Вокруг продолжалась ночь, и царевна, хотя чувствовала себя достаточно отдохнувшей, долго не могла заставить себя подняться с кровати, раз за разом проваливаясь обратно в сон.

Когда Надя наконец встала, зажгла лампу, умылась в тазу у двери и причесалась, часы на стене показывали одиннадцать часов. Царевна так и не поняла: дня или ночи. Вышла на улицу.

Движение в городе было оживленным. Ездили повозки и кареты,

запряженные обычными лошадьми и ослами. На рыночной площади стоял купол бродячего цирка. Переливаясь светом газовых ламп, сиял оперный театр. Город жил яркой ночной жизнью. Неупокоенных мертвецов она не встретила, но на улицах было много людей в белых мундирах Ордена Доблести. Скроены они были неловко, из тканей, которые еще вчера были простынями, но настроены их обладатели были серьезно, не выпускали из рук ружья.

Царевна поела в ресторанчике напротив цирка, расспросила хозяйку, как можно подняться по одной из легендарных лестниц Калина.

— Оденьтесь теплей, панночка, и возвращайтесь завтра в семь. Муж сводит вас, — предложила хозяйка.

Денег почти не оставалось. Магия подобия, которую так просто было применить на Побережье и с помощью которой царевна легко превращала в золото листья деревьев и гальку на пляже, в Калине не годилась. Во-первых, ничто в темном городе, лишенном живых красок, не походило на золото. А во-вторых, магии мешал сам город. Он был настолько переполнен божественной силой, что чародейству здесь почти не осталось места.

В семь часов следующего дня она подошла к условленному месту. Муж хозяйки уже был здесь. Крепкий сорокалетний мужчина с густой бородой представился паном Рушем.

— Панночка уверена, что хочет подняться по лестнице? — спросил он. Надя уверенно кивнула.

— Тогда пойдете вперед. Станет неважно — сразу говорите!

Лестница, по которой семья пана Руша уже двести лет поднималась на небо за солнечным светом, начиналась за рестораном, во внутреннем дворике.

— Держитесь крепко. Вниз не смотрите.

Надя позволила себе улыбнуться.

— Я не боюсь высоты, пан Руш. Совсем.

Мужчина ей, похоже, не поверил, но спорить не стал.

Лестница в небо была на вид совершенно обычной. Деревянная, позолоченная краской. Надя взялась за перекладины. От этого волшебства руки уже привычно колело даже сквозь перчатки. Значит, не все чародеи были плохими людьми. Пан Руш закрепил лестницу за металлические столбики, вбитые в землю, закинул за плечи рюкзак и кивнул, предлагая начать подъем.

Сначала все шло как она и ожидала. Было нелегко, Надя давно не занималась физическими упражнениями и быстро выдохлась. Лестница раскачивалась, и приходилось прилагать немало усилий. Она остановилась.

Перевела дыхание.

Под ногами лежали крыши домов, улицы с повозками. Высота была сравнима с высотой ее башни. Отсюда был виден центр города с театром и домом великого князя напротив.

— Долго не стойте, панночка, — посоветовал пан Руш. — Легче не станет. Тут лучше двигаться, чем стоять.

Вскоре Надя снова остановилась, крепко перехватила лестницу и посмотрела вниз.

Это была как раз та высота, когда начинаешь чувствовать себя птицей. Хотелось раскинуть руки и полететь, и она с трудом заставила себя отвести взгляд от земли.

Покалывание в руках усилилось, поднялось от кистей к плечам. Надя посмотрела вниз. Они преодолели всего несколько ступеней, но город внизу резко ушел вниз, а облака стали ближе. Похолодало. Чародейка поднималась дальше.

Темный влажный туман окутывал вершину лестницы. Надя почти на ощупь поднималась сквозь него. Вдруг темнота резко сменилась ярким солнечным светом. Лестница закончилась. Чародейка очутилась посреди белоснежного поля, залитого слепящим светом. Она зажмурилась, на ощупь сделала пару шагов и остановилась. Даже через сомкнутые веки свет слепил, она закрыла глаза руками. Пан Руш уже поднялся следом. Рассмеялся.

— Подожди!

Он помог ей надеть на глаза специальные очки с толстыми круглыми линзами из темно-зеленого стекла, потом снял со спины рюкзак и стал доставать стеклянные бутылки. Надя огляделась.

Белая вата облаков, как скошенная трава, мягко пружинила под ногами. Царевна запрокинула голову и посмотрела наверх. Вместо привычного голубого неба над ними раскинулась звездная ночь. Солнца видно не было, но светились сами облака. Вокруг, насколько хватало взгляда, лежала белая пустыня. И лишь далеко на севере, между белой степью облаков и черным бархатом неба раскинула ветви Великая Яблоня. Отсюда был виден силуэт белоснежных ветвей, истончающихся и уходящих вверх, в космос.

— Я думала, боги живут на небе. Где же они?

Пан Руш усмехнулся.

— В своем городе, панночка. Говорят, на небе есть город Рай, где правит великий Яроч. Да только найти тот город людям не дано.

Пан Руш собрал бутылки, плотно заткнул пробки и положил обратно в рюкзак.

— Ну что, панночка? Налюбовались? Пойдем обратно?

Несмотря на всю красоту делать здесь было нечего. Надя кивнула.

Мужчина, по одному ему видным приметам, нашел в облаках лестницу и стал аккуратно спускаться вниз. Надя последовала за ним. Стоило им только пройти влажный туман облаков, как вокруг снова наступила ночь. Надя сняла очки, передала их пану Рушу и продолжила спускаться. Внизу, во внутреннем дворике ресторана, он достал из рюкзака бутылки. В них светился лимонным соком солнечный свет.

— Можно посмотреть, что вы с ним делаете?

Пан Руш пожал плечами. Они пересекли двор и зашли в деревянный флигель. Здесь была теплица. Вдоль стен в несколько рядов стояли кадки с проросшими овощами. Капуста, лук, картофель и тыквы. Мужчина плотно закрыл двери, проверил ставни на окнах и, убедившись, что драгоценный свет не просочится на улицу, открыл бутылку. Комната наполнилась теплым солнечным светом.

— Одной бутылки хватает на несколько часов, — пояснил пан Руш.

— Это ужасно, что такая простая вещь, как свет, дается так тяжело. Почему вы не покинете город?

Мужчина горько усмехнулся.

— Человек не дерево, но и ему без корней нельзя, панночка. Здесь похоронены мои родители, мои деды и прадеды. Куда я пойду и зачем? Тяжело? Пожалуй. Да кому легко в Яблонево Крае?

— Почему свет не возвращается? Вы думали об этом? Я слышала, что боги пытались, но у них не вышло.

— Маги никогда не были сильнее богов, панночка. Если Калин остается в темноте, значит не чародеи тому виной, а боги, что не желают возвращения света.

Надя больше не продолжала эту тему, но слова пана Руша долго не выходили у нее из головы.

Магия человеческая и магия божественная. Она знала, кому может понравиться вечная ночь, из окон чьего дворца она видела город, усыпанный фонарями, и у кого есть могущественная покровительница. Теперь она знала все его имена. Унтамо, Аламэда, Нутур, Мак. Да только кому назвать их?

Храм Ярока был в самой середине города. Роджер не ошибся — храм действительно был самым большим из виденных девушкой раньше. Он

стоял в центре Золотого города — совокупности позолоченных малых храмов-пагод, отделенных друг от друга темными прудами и соединенных мозаичными мостами. Главный храм был виден еще издали, поражая богатством, размерами.

Надя прошла по мостам, постояла над темной водой, прислушиваясь к себе и городу. Присутствия богов она так и не почувствовала, только потяжелело кольцо на пальце. Потянуло влево.

Здесь, в центре Золотого города, возвышалась пирамида храма. Дверь, ведущая внутрь, была фальшивкой. Ее просто выгравировали на плите, будто кто-то провел по горячему золоту пальцем, обозначая место. Над мнимой дверью тускло блестел в свете фонарей величественный профиль. Величайший бог Яблоневого Края, великий наследник демиургов, старший из богов-сиблингов — Сурья, Хорс, Бальдр, Элиос, Ярок.

Вокруг храма толпились люди. Жрецы, просители и зеваки. Одни восторженно любовались золотым храмом, другие бросали монеты в темные пруды... Надя, не отрываясь, смотрела на профиль бога.

«Где ты? Как можешь допускать все это?!»

Светоносный бог молчал. Надя отвела взгляд.

— Ваше высочество!

Чародейка обернулась.

Янек Эльзант в сопровождении четверых Рыцарей Доблести шел к ней, расталкивая зевак и жрецов.

Надя не двигалась, спокойно ждала их. Она могла бежать, но куда? В минуту, когда все пути заканчиваются тупиками, возможно будет правильным вернуться к началу? Она не знала. Потому стояла неподвижно, позволяя окружить себя.

— Как вы нашли меня, капитан?

— Мы предположили, что если Калин упомянут в вашем предназначении, то рано или поздно вы появитесь здесь. Вы проследуете с нами добровольно или будут сложности?

— Добровольно.

Капитан одобрительно кивнул, но все же подал знак одному из солдат. Тот достал из дорожной сумки сверток и протянул капитану. Янек набросил Наде на плечи тяжелый пыльный плащ. Руки мгновенно занемели. Царевна насмешливо улыбнулась.

— Вы не доверяете моему слову, капитан?

— Я хотел бы верить, ваше высочество, но пока у меня нет для этого оснований. Следуйте за нами.

Ее привели на окраину города. Здания здесь стояли заколоченные и давно покинутые жильцами. Царевну завели в один из таких домов.

В полуразрушенной столовой был подготовлен стул и веревки. Ее усадили и связали запястья. Капитан Эльзонт остановился напротив.

— Я сниму веревки, если вы будете вести себя хорошо, как и обещали. А пока расскажу вам, как все будет дальше. Мы остаемся здесь на ночь, в гостиницу вы не вернетесь. Выезжаем на морских лошадях в пять утра. Предлагаю вам вести себя хорошо и поберечь силы. Дорога будет долгой.

Надя слушала, спокойно положив связанные руки на колени. Тяжелый плащ из жесткой ткани, пронизанной блестящими нитями, колот плечи. Магия. Но такая древняя, что от нее остался лишь запах.

Капитан развернулся и собирался покинуть комнату, когда один из солдат стражи не удержался. Он приблизился к царевне и презрительно плюнул ей под ноги.

— Погуляла и хватит!

— Достаточно, Корн! — жестко прикрикнул Эльзонт, оборачиваясь. — Она — царевна. Как бы там ни было.

— Так отречение...

Янек встретил взгляд Нади и сразу отвел глаза.

— Что за отречение? — спросила чародейка, сжимая пальцы.

Корн хотел ответить, но капитан опередил его, посмотрев на подчиненного так, что того приморозило к полу.

— Царь Мирослав на прошлой неделе подписал отречение от престола и от дочери, называемой Черная царевна Надежда Мирославовна.

Надя резко поднялась, и стоящие рядом солдаты тут же силой усадили ее обратно.

— О чем вы? Ему угрожали? Кто? Чем?

— Успокойтесь, ваше высочество.

— Не получится. Куда вы везете меня, капитан? В Варту? Кто отдал приказ?!

— Нет, ваше высочество. В Варте вам уже нечего делать. Нам поручено доставить вас в Новую башню. Ее построили в лесу.

— Мне нужно в Варту.

Капитан посмотрел ей в глаза, и Надя поняла, что от приказа он не отступит. Царевна снова решительно поднялась со стула. Прежде чем солдаты прикоснулись к ней, она топнула ногой и плащ рассыпался на мелкие рыбки чешуйки. Солдаты вокруг охнули, отступили. Веревки на запястьях стали водорослями и упали на пол.

Волшебство бурлило в венах, жгло тело, скользило змеями под кожей.

Собственное всемогущества пугало сильнее направленных на нее ружей.

— Стой! — закричал капитан.

Стоило отдать ему должное, несмотря на страх, он не отступил ни на шаг и, глядя на него, возвращали себе присутствие духа солдаты. Щелкнули затворы ружей.

— Ваши чары не быстрее пули, царевна!

Надя улыбнулась и, глядя ему в глаза, медленно подняла руки.

— Хорошо.

Она глубоко вдохнула и подула. Ее дыхание стало вьюгой. Белая от колких льдинок пурга ударила в лица солдатам, закружилась вокруг, укутывая Надежду в снежный кокон, и чародейка стала бабочкой. Черным ночным мотыльком. Ударили выстрелы, но там, где было мгновение назад ее тело, уже никого не было. Она позволила ветру подхватить себя, поднять к потолку. Лед стал водой, опал в один миг вниз, окатив солдат.

Капитан громко выругался, остальные испуганно озирались. Надя сделала круг над людьми и опустилась на холодную лампу под потолком.

В комнате все потрескивало от грозового электричества, оставленного магией, пахло дождем. Корн выругался.

— Куда она делась?! Кто-то видел?

Все растерянно молчали.

— Немедленно закройте все двери и окна! Заткните щели, чтобы даже муха отсюда не вылетела! — приказал Эльзант.

Солдаты бросились выполнять приказ.

— Если еще хоть раз посмеете выстрелить без приказа, пойдете под трибунал! — звенящим от ярости голосом добавил капитан, пока солдаты выполняли приказ.

— Ваше высочество, — уже спокойней произнес он, обращаясь к пустой комнате, — простите моих людей. Давайте поговорим.

Если бы она могла, Надя осталась бы бабочкой на несколько часов. Попробовала бы сбежать, но эта магия была мимолетной. Нельзя быть насекомым больше десяти минут. В таком обличье тяжело мыслить здраво, а стать птицей она не могла, это бросилось бы в глаза.

Надя опустилась на пол и снова стала собой. Солдаты, все кроме капитана, отпрянули.

— Попробуете еще раз поднять на меня ружья — превращу вас в свиней, — жестко пригрозила чародейка, садясь на стул.

— Мы вас поняли.

— Тогда продолжим. Если вы еще сомневаетесь, я уточню, капитан. Я — чародейка. Не пытайтесь обмануть меня. Сейчас пусть все выйдут. Я

буду говорить только с вами.

Солдаты ждали.

— Всем выйти, — приказал капитан.

Надя подождала, пока они закроют за собой двери.

— Кто теперь правит в Варте, Янек?

— Его величество Любомир Первый.

— Не помню такого человека.

— Бывший начальник полиции, князь Дворжак, ваше высочество.

Надя нахмурилась.

— Что с моим отцом, Янек?

— Он с царицей взят под стражу.

— А сестра?

— Василиса Мирославовна готовится к свадьбе.

— Как я понимаю, за Любомира Первого?

— Не думаю, что ей позволили выбирать.

Надя внимательно всмотрелась в спокойное лицо капитана. Он смотрел мимо, вытянувшись как при параде.

— Что произошло в городе после моего побега, Янек? Рассказывайте все.

Лицо у него было совершенно непроницаемое, но ресницы дрогнули.

— Солдаты разогнали протестующих на площади. Двенадцать человек посадили в тюрьму по обвинению в заговоре. Когда пошли слухи о вашем побеге, люди в городе сначала обрадовались. Но потом от Золотого содружества поступила петиция. Они требовали подтвердить или опровергнуть слухи, предъявить вас лично комиссии. Городской совет настаивал, что девушка под именем Надежда Мирославовна должна быть представлена комиссии в любом случае. Его величество не хотел обманывать... Когда ваш побег открылся, город перестал получать пожертвования от Побережья и наших соседей. Зиму пережили за счет повышения налогов для торговцев. Люди уезжали из города на Побережье, но после Гритджа многие вернулись. Слишком много было недовольных... Два месяца назад в городе произошел переворот.

Надя тяжело вздохнула и поднялась.

— Мы отправляемся в Варту немедленно. Только вы и я. Будете моим проводником и сопровождающим. И можете верить моему слову, капитан, никто не помешает мне попасть в город!

Эльзант вдруг посмотрел ей в глаза. Спросил укоризненно:

— Если вы могучая чародейка, почему не вмешались раньше?

Надя хотела ответить, но сдержалась. Его недоверие, его укор и его

резкость имели основания. Она могла быть резкой в ответ, но так поступают трусы. Когда человек виноват, он должен извиняться.

— Мне семнадцать лет, капитан. Это могущество не далось мне сразу, но даю вам слово: я использую все свои способности, чтобы исправить произошедшее!

Он больше ни о чем не стал спрашивать, открыл дверь и вышел к своим людям. Надежда слышала каждое слово.

— Я лично сопровожу ее высочество в город. Сообщите его величеству, что мы отправились в дорогу.

Они вылетели из города, не дожидаясь утра.

Трижды останавливались на ночь в маленьких городах, стоящих в стороне от путей канатной дороги. Почти не разговаривали. На четвертый день, после полудня Надя увидела внизу знакомые изгибы Вены и линию знакомых гор на горизонте.

Она была убеждена, что давно разучилась быть сентиментальной, но стало трудно дышать, и Надя часто заморгала, прогоняя слезы.

Морские лошади под ней и капитаном уже хрипели. Им со вчерашнего дня было нестерпимо холодно. Надя собирала тепло и, как могла, отдавала его животным, но, когда они опустились на верхнюю площадку Черной башни, животные легли и уже не встали.

Капитан Эльзант погладил остывающий бок и посмотрел на нее с упреком. Надя отвернулась. Осмотрелась.

Цветы в горшках замерзли, потому что их не убрали в теплицу. По каменной площадке ветер носил сухие листья и оберточную бумагу. Двери в оранжерею были распахнуты, и, скорее всего, там тоже все погибло. Испытывая тоскливое, щемящее чувство, она спустилась по лестнице в свою комнату.

Здесь все осталось нетронутым. Стояли вразнобой ящики и кадки, на застеленной кровати лежал ворох нижних платьев и лент, которые она примеряла перед балом. Стояли на столе стопки учебников. Окна задернуты. Везде слой пыли. Пахнет сыростью.

Царевна тяжело вздохнула. Повернулась к Янеку.

— Что дальше, капитан? С кем я должна теперь увидеться?

— Оставайтесь здесь, если не возражаете, а я отправлюсь во дворец доложить о нашем прибытии.

Когда он ушел, Надежда вернулась на крышу. Остановилась у парапета и посмотрела на город внизу. Здесь ничего не изменилось. Те же крыши, те же улицы. Так же неспешно движутся над городом кабины канатной

дороги.

Она сжала губы и занялась садом. Перенесла в оранжерею кадки с сухой землей, достала садовые инструменты, выкопала засохшие клубни, нашла живые корни в одном из горшков и бережно пересадила их в новую землю, обернула бумагой и поставила в темное место.

За этим занятием ее застали солдаты. Янека с ними уже не было.

Внизу ждала карета с плотно задернутыми окнами. Ехала Надя одна, солдаты сопровождали верхом. За прошедший год город не изменился, но изменились люди. Тяжелые взгляды, истощенные лица, худые тела.

Ее отвезли к дворцу, остановили карету у бокового выхода. Людей здесь не было, но она чувствовала взгляды из-за штор.

Царевну провели в кабинет отца. Надя никогда не была здесь раньше, но в детстве у нее был игрушечный замок, в точности повторявший настоящий, и она хорошо знала расположение комнат.

Любомир Дворжак, он же царь Любомир Первый, поднял на нее взгляд от бумаг.

— Оставьте нас, — приказал он солдатам.

Надя вспомнила его, прищурилась.

Когда гвардейцы вышли, Любомир откинулся в кресле и внимательно стал рассматривать ее. Взгляда чародейка не отвела.

— Я полагаю, вы уже ознакомлены с положением дел в городе?

— Да.

Он кивнул, постучал пальцами по столу, поднялся, обошел его и остановился напротив.

— Тогда настало время решить, как нам все исправить.

— Почему вы думаете, что я хочу что-то исправлять? Этот город уже больше года не имеет ко мне никакого отношения.

Любомир прищурился, усмехнулся.

— Вы решили, что ваша детская дерзость напугает меня? Я все о вас знаю, Наденька. Вы могли упустить из вида свой город, но я ни на минуту не упускал из вида вас. Я знаю, как много хорошего вы пытались сделать. Жаль, что попытки не удались, но они характеризуют вас лучше любых слов.

— И какие выводы вы сделали, Любомир?

По его лицу прошла тень раздражения, но он сдержался. Сделал вид, что ее тон не заботит его.

— Вы до последнего стараетесь остаться хорошим человеком, наперекор вашей сути. Кроме того, капитан Янек любезно поделился со

мною вашими пламенными обещаниями.

Надя улыбнулась.

— Хорошо. Вам я их давать не собиралась. — Она подняла подбородок. — Вы так долго ждали нашей встречи, так чего хотите теперь? Называйте цену.

— Вам сложно в это поверить, но наши желания совпадают. Я хочу того же, что и вы: благополучия для моего города и моих людей.

— Почему же, имея такие благородные цели, вы посадили в тюрьму человека, который полностью с вами согласен?

— Вы изменились, Надежда, но не в лучшую сторону.

Она пожала плечами.

— Если вы надеялись, что к вам приведут запуганного ребенка с магией в крови, вы ошиблись, Любомир. Нельзя пройти Край от севера до юга и остаться прежней.

Он сел на край стола и скрестил руки на груди. От этого разговора он получал удовольствие и не скрывал его.

— Хорошо. Так с кем я имею дело?

— Я — чародейка, Любомир. И я — дочь своего отца. Вы много можете попросить у меня, но не раньше, чем я увижусь с семьей.

Он помолчал, пристально рассматривая ее. В уголках его губ играла насмешливая улыбка.

— Думаю, перед тем как поверить в ваше могущество, нужно увидеть его.

— Я не фокусник в цирке, чтобы устраивать вам представления, и я не слышала, когда смогу увидеть отца.

— Я разрешаю вам встретиться с матерью, а затем мы снова поговорим. Отца увидите, если окажетесь мне полезной, Наденька. Так что, если не собираетесь разнести по камешку весь город, советуую согласиться на мои условия.

Надя вышла из кабинета с тяжелым чувством.

Она понимала, что бывший начальник полиции и узурпатор не будет дураком. Он уступил, но ей казалось, что она проиграла. Любомир Дворжак не отпустит ее из города. Шантажом или силой, но он сделает все, чтобы выжать из ситуации как можно больше. Как перехитрить человека, который старше, мудрее и опытнее?

Царица Тамара.

Надя не хотела видеть эту женщину. И хотела. Она боялась этой встречи. И ждала ее.

Несмотря на то, что их разговор с Любомиром казался спонтанным, у бывшего начальника полиции все было спланировано. Когда Надя вернулась в башню, царица уже была там.

Чародейка замерла в дверях. Мать поднялась ей навстречу, и минуту они просто смотрели друг на друга.

Время остановилось.

Они были очень похожи. Те же черные волосы, линия губ, карие глаза в камышах черных ресниц... Царица тоже видела это. Надя пыталась прочесть на ее лице хоть что-то, но не могла. Страшно ей? Противно? Надя помнила ее лишь по одной встрече, на балу, но какой она была на самом деле?

Царица первая отвела взгляд. Подошла к письменному столу, отодвинула стул и села.

— Не стой в дверях. Не хочу, чтобы наш разговор слышали солдаты.

Надя, холодная от волнения, послушно закрыла дверь, прошла по комнате, остановилась.

— Папа в порядке?

— Простужен. В подземелье очень сыро, а мы плохо питались этот год...

— А Василиса?

— Я не видела ее больше месяца. Любомир не дает нам встретиться... — Она осеклась, отвела взгляд в сторону. — Ты можешь что-то сделать?

— Я постараюсь.

— Надя...

Имя, произнесенное матерью, отдалось зубной болью. Чародейка поморщилась.

— Давайте закончим этот разговор, ваше величество, — поспешно сказала она. — Он слишком неловкий. Я вас не брошу. Если есть, что сказать, — говорите, и давайте на этом расстанемся.

Собственный голос казался чужим, будто кто-то другой произносил эти холодные выверенные слова. Не так она мечтала поговорить с матерью. А как говорить? Надя вычеркнула ее из жизни, так же, как мать вычеркнула ее из своей. зуб за зуб. Она не была готова к этому разговору, и он был ни к чему. Все сделано и сказано семнадцать лет назад, так к чему беречь старые раны?

Резкий тон дочери прибавил царице сил. Она поднялась, и теперь они смотрели друг другу в глаза. И в каждом слове, в каждом движении лица матери, Надя вдруг узнавала себя.

— Есть кое-что, что ты должна знать обо мне, девочка. Я знаю, за этот год, живя среди людей, которые не щадили твое самолюбие, ты много узнала о себе и обо мне. Говорят: я жестокая, бессердечная, проклятая!.. Но, когда у тебя на руках умирает любимый мужчина, много плохих решений можно принять. И то, которое приняла я, не было худшим. Мокошь обещала живую воду и долгую жизнь моему любимому, если я отдам свою дочь и соглашусь никогда ее не видеть. Она обещала сделать тебя женой первого бога и подарить бессмертие, и я до сих пор считаю, что это щедрое предложение!

Царица горько усмехнулась.

— Думаешь, только тебе было плохо? Я носила тебя под сердцем девять месяцев и даже не смогла увидеть! Не люби меня, девочка. Не прощай меня. Но помоги им. Твоего отца надо освободить из подземелья. А Василиса... Она не захочет слушать тебя, испугается. Заставь ее! Ты не принадлежишь нашему миру, Надя. У тебя своя судьба, но Василиса — наследница трона Варты. Она должна принять свое предназначение, так же, как ты приняла свое. Научи ее. Помоги ей!

Царица замолчала, тяжело дыша. Она хотела уйти, но Надя не пустила, а в два шага оказалась рядом и крепко обняла. Царица замерла от неожиданности, растерялась и вдруг заплакала. Слезы текли по щекам, она попробовала их вытереть, но не дотянулась и сдалась.

Надя отстранилась и тихо засмеялась.

— Мама, ты совсем не умеешь просить прощения.

Царица уже не выглядела высокомерной. Она смотрела на Надю, боясь верить.

— Сядь, мама. Я не отпущу тебя отсюда заплаканной.

Царица Тамара села на стул, а Надя устроилась на полу, у ее ног. Царевна тихо гладила ее по руке, пока мама собиралась с силами.

Любомир Дворжак хорошо знал ее мать и совсем не знал Надю. Понимая гордый характер царицы, он предположил, что их встреча закончится там же, где и начнется: на взаимной обиде и неприязни, а значит, никак не повлияет на его планы. Надя все так же будет просить о встрече с отцом, видеть мать больше не пожелает и останется против него одна, а семнадцатилетнюю девочку, пусть и чародейку, он заставит действовать в своих интересах.

Надя простила мать еще на словах о проклятии. Год назад этот разговор мог закончиться иначе, но не теперь. Она слишком хорошо знала, как чужие слова могут не соответствовать истине и как далеко можно зайти ради любимого человека.

Царица уже не плакала, но крепко сжимала Надину руку, будто боясь, что дочь вот-вот ее отдернет.

— Где вас держали?

— Под дворцом есть заброшенный рудник. Он идет в самое сердце горы, там держат сейчас мертвецов и особо опасных пленников.

Надя задумалась.

— Мама, ты веришь мне?

— Что ты хочешь сделать?

— Мама, послушай меня внимательно. Любомир не даст мне увидеться с отцом, мне придется действовать иначе. Вы должны быть готовы. Как бы страшно вам ни было, вы должны пойти за теми, кто придет от моего имени.

Царица кивнула.

— И еще... Мама, ты знаешь что-то о Хенни Моринденизской?..

В этот раз Любомир приехал к ней сам. Он вошел в комнату, быстро обвел все взглядом. Садиться не стал.

— Вы готовы теперь поговорить со мной, Наденька?

Надя поднялась к нему из-за стола.

— Что вы хотите от меня, Любомир?

— Верните в гору руду и отведите от полей лес.

Он сказал — и по тому, как смутился, произнес эту просьбу, по тени сомнения, промелькнувшей в глазах, она увидела, что он честен с ней. Любомир не верит в ее способности. Царевна улыбнулась.

— Дайте мне спуститься в библиотеку и приходите завтра утром.

— Приду, Надя. Только должен вас предупредить: не берите на себя слишком много. Может, начнете с чего-то поменьше? Наколдуете золота в казне, и я разрешу вам еще раз встретиться с матерью.

— Волшебное золото существует три дня и возвращается в первоначальное состояние. Завтра утром я хочу спуститься к лесу. Я помогу вам, Любомир, а вы позволите мне встретиться с сестрой.

Он сжал губы, смотрел пристально. В конце концов вздохнул.

— Хорошо. Но я приставлю к вам человека.

Человеком Любомира Дворжака оказался капитан Эльзант.

На улице уже наступила ночь. В башне было холодно. Капитан принес ей теплую шаль и шел впереди, держа керосиновую лампу, пока они спускались по винтовой лестнице.

— Слишком много пыли, — заметила Надя, переступая порог библиотеки.

Капитан не ответил.

Чародейка громко хлопнула в ладоши, и книги на полках послушно встряхнулись, как дворовые псы. Капитан не удержался, чихнул, а Надя подняла руки, закрутила в воздухе пылевой вихрь, и через мгновение у нее в руках лежал моток очень тонкой серебристо-серой пряжи.

Капитан удивления не показал, но Надя видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих в руках лампу.

— Устраивайтесь, капитан. Это будет долгая ночь.

По приказу Любомира капитан записывал все названия книг, которые чародейка читала этой ночью. Она лишь улыбалась. В своих подозрениях Любомир был прав. Как отвести лес от Варты, Надя уже придумала, книги здесь были ни к чему. Ей нужно было найти способ спасти отца, не зная, где он находится.

И она воспользовалась случаем, чтобы заглянуть в одну из самых больших магических библиотек Края. Кто бы из чародеев отказался? Здесь были заклинания и магические формулы, описание ритуалов и рецепты алхимиков. Что-то она понимала, для чего-то ее знаний было недостаточно, но это была самая увлекательная ночь в ее жизни.

— Вы сможете нам помочь? — вывел ее из задумчивости капитан Янек.

Надя потянулась, разминая затекшую шею.

— Да, капитан. Если вы не побоитесь взять мой подарок.

Янек горько улыбнулся:

— Не побоимся, царевна. Когда люди падают на улице от голода, но не умирают, тут уже страшнее не будет.

Надя заложила пальцем страницу и повернулась к солдату.

— Что с ними дальше делают, Янек? На улице много патрулей, но мертвых я не видела.

Он помолчал, не решаясь отвечать, посмотрел из-под бровей, ответил тихо:

— Люди покойников прячут. Они же не делают ничего плохого. Ни на кого не кидаются, только на юг все смотрят... Люди верят, что Черная царевна наложила проклятие на их мертвецов. Когда Марина-Заступница уничтожит ее, они освободятся и можно будет похоронить их по-человечески. А пока тех, кого находят на улицах или в домах, Орден Доблести сгоняет в подземелья.

— В подземелья? Зачем?

— Пытаются убить. В крематории закончился уголь. Вот они и рвут их на части... Только, по-моему, мертвого дважды не убить, а душа и за кусок

тела держаться будет...

Он поморщился, вспоминая что-то из виденного. Надя этот разговор решила не продолжать. Отложила книгу, посмотрела на капитана снизу вверх.

— А что с Заступницей? Давно Марина стала спасительницей мира?

— Всегда была... — растерянно ответил Янек. — Говорят, что вы призываете тварей из-за Серой Завесы, но мать вод сойдется с вами в великой битве и, если люди будут должным образом молиться, она защитит нас и спасет Край...

Надежда рассердилась. Резко встала, роняя книги на пол.

— И как же это «должным образом»? Она призывает варить людей в кипятке и бросать на корм морским тварям!

— Ведь лучше так, чем погибнет весь мир? — осторожно спросил Янек.

Надя едва сдержалась.

— Не бойтесь меня, капитан, — сказала она, переводя дыхание.

Чародейка повернулась к нему спиной, снова села за стол и продолжила чтение.

Утро выдалось снежным. Крупные белые хлопья липли к окну кареты, мешая рассмотреть город за стеклом.

Любомир Дворжак со свитой и в окружении солдат в мундирах Ордена Доблести ждал ее у лифта. Надя почувствовала, как дрожит вокруг нового царя защитная магия незнакомого артефакта. Усмехнулась.

Под присмотром капитана Эльзанта и в окружении четверых солдат она спустилась к полям. Любомир со свитой остались наверху.

В лифте спускались в молчании. Когда вышли, она жестом остановила капитана.

— Дальше я сама, Янек.

— Как скажете. Но его величество просил напомнить вам в таком случае о вашей семье, которая ждет вашего возвращения.

Надя горько усмехнулась:

— Я не сбегу.

Он передал ей сумку с необходимыми вещами, и она пошла вниз по склону.

На полях, занесенных снегом, было пусто. Царевна прошла по едва протоптанной тропинке между огородами. Белая от снега полоса леса была пуста и безжизненна.

Надя достала из сумки ленту и связала в хвост волосы, чтобы не

мешали. Разложила на снегу за спиной десять золотых монет. Вытерла о подол платья вспотевшие ладони.

— Именем Ины-матери и Яна-отца. Явись, отец лесов!

Качнулись деревья, ветер поднял поземку, ударил в лицо колючей ледяной пылью. Чародейка сжала и разжала кулаки, разминая пальцы, подняла руки и начала плести заклинание.

Она вытянула солнечные лучи, и лесную тень, и холод инея, и горечь промерзшей земли, сплела их в невидимую веревку, набросила на лес.

— Именем Яна и Ины...

Леший появился перед ней неожиданно. Косматый черный дед с козлиными копытами вместо стоп. Кожа у него была темная и неровная, как кора дуба, на темном лице ярко зеленели глаза.

— Убирайся, пока цела, девка!

Царевна раскинула руки, и за ее спиной поднялись десять огненных жар-птиц, зависли над головой, ожидая приказа и роняя в снег капли горячей смолы. Леший криво усмехнулся.

— Братец таки разузнал у своих мертвяков, как из кролика сделать лису?

— Спорное сравнение, деверь, но — да. Теперь я лиса. Поговоришь со мной?

Леший презрительно сплюнул. Прищурился. Жар-птицы убедились, что хозяйке ничего не угрожает, и закружились, играя в воздухе.

— Людям в моем городе нужна земля под посевы. Я прошу твой лес отступить.

— А иначе сожжешь его? — Он снова сплюнул ей под ноги. — Девчонка, пожалевшая волков и похоронившая труп зайца, подожжет целый лес? Малое зло не по тебе?

Надя закусила губы.

— Ну а кроме угроз есть у тебя, что еще сказать, невестка?

— Тебе жаль тридцати акров? Тебе, у которого вся центральная часть континента?

Леший перестал усмехаться.

— Только моя жадность сдерживает жадность человеческую, девочка. Ты еще молода, ты мало знаешь людей, а я пожил... Я пришел в этот мир, когда все пять континентов были лесами и полями. Мы, первые боги, приняли людей как младших братьев. Не были рады вам, мы признавали ваше право на этот край равным нашему. Но человеческая жадность не знала границ. Люди хотели все больше и больше! Земли, деревьев, камней. А когда мы дали им все, о чем они просили, люди стали желать того, что

было у других. Думаешь, я ненавижу людей, потому что создан ненавиждающим? Нет, невестка!

Он говорил, а Надя не могла отвести от него взгляда. Бог менялся на глазах. То перед ней стоял молодой парень — грива черных волос, смуглая кожа и блестящие злые глаза. То косматый старик. То крепкий и приземистый, как дуб, мужчина средних лет.

Он говорил, а ее сердце наполнялось тоской. Эол сказал как-то, что боги выглядят так, как чувствуют себя. Что же гнетет этого бога, что ему хочется быть древним стариком?!

— Знаешь, невестушка, почему я ненавижу чародеев?

Она отрицательно покачала головой. Сейчас перед ней стоял суровый мужчина лет сорока пяти.

— Жадность чародеев в сто раз сильнее жадности сластолюбца. Им было мало того, что созданный мир был податлив в их руках, как глина. Они не хотели быть гончарами, они хотели быть богами. Чародеи изувечили Яблоневого Край. Изувечили так, что даже мы, дети демиургов, не можем этого исправить! Мои леса лишь прикрывают шрамы.

Он был сейчас ее сверстником. Запальчивым и разочарованным.

— Я не отдам и пяди земли под ваши поля. Поступай, как считаешь нужным, а я отвечу!

Он снова стал таким, как при встрече. Старик со спутанными волосами и звериным взглядом.

— Ну что? Посмотрим, кто кого, чародейка?!

С минуту Надя стояла замерев. Она чувствовала спиной взгляды людей у лифта. Капитана Янека и солдат, чьих имен не знала. Ненавидя и боясь ее, они ждали, что Надя поможет. Она была их единственной надеждой и знала это. И они знали. Их невысказанная мольба вязала по рукам и ногам. Чародейка понимала, что если не оправдает этих ожиданий, то потеряет последнюю возможность примириться с Яблоневым Краем. Не только Варта не простит ей трусости, никто не простит!

Но как она могла спустить огонь на лес? После всего, что сказал ей Леший?!

Она не знала, какой поступок будет правильным. Сейчас больше, чем когда-либо раньше, Надежда чувствовала свою незрелость, молодость, неопытность. Леший перед ней и люди за ее спиной не отводили взглядов. И она приняла решение единственным, что у нее было, — добрым сердцем. Чего бы ни ждали от нее окружающие — спасения или преступления, — она не пойдет на поводу чужих ожиданий.

— Ты не прав, — сказала Надя. — Не только для тебя был создан этот

лес, не жадностью сдерживают жадность. Но, пока я не найду верного решения, силой ничего не возьму.

Надя подняла руки над головой, хлопнула в ладоши, и жар-птицы упали на землю срезанными лилиями. Царевна подхватила свою сумку, развернулась и пошла вверх к лифту.

— Вы сдались, ваше высочество? — разочарованно спросил Янек, когда она подошла. — Могли хотя бы попытаться, мы зачли бы вам попытку...

— Вы хотели волшебства, капитан? — раздраженно спросила Надя.

Она щелкнула пальцами, подбросила в воздух воображаемую пыль, и перед лицом Янека расцвел маленький фейерверк.

Пока он протирает ослепленные вспышкой глаза, чародейка зашла в лифт.

— Ну и как успехи? — спросил Любомир Дворжак, ожидавший наверху.

— Мы не будем жечь лес, Любомир. Я создам вам скатерти-самобранки.

В сопровождении все того же конвоя Надя вернулась в башню. Не переодеваясь, сразу прошла в библиотеку и, бросив у двери сумку, пошла к знакомым стеллажам. Она помнила эту книгу: толстая в потрепанной коричневой обложке.

Магия плетения. Скатерти-самобранки были классическим ее примером, как ковер-самолет или тот плащ, что набрасывали на нее в Калине. Совокупность движений пальцами и запястьями, сложные действия с природными связями, солнечными лучами и полосками тени. Но при этом сплести правильную скатерть было не просто. Нужно было особое дыхание и покой. Проще была стихийная магия подобия, когда из синей ленты создаются реки или горы из гребня, но такая магия была недолговечной.

Надя отложила книгу.

Скатерти-самобранки — хорошее решение. Если все сделать правильно, они прослужат своим хозяевам лет пятьдесят. А к тому времени Василисе и ее потомкам придется наладить торговые связи с югом. Но сейчас надо связать скатерти-самобранки на весь город. Сколько это семей? Пятьсот? Тысяча?

Она взяла с нижней полки еще две книги. Черная магия.

Никогда раньше Надежда не сталкивалась с ней. Почти все эти книги уничтожили сто лет назад, и эти две выжили, лишь благодаря тому, что

были замаскированы под обычные бестиарии. Черная магия отличалась от обычного чародейства. От нее не кололо кожу, а жгло вены. Обычные люди различия не чувствовали, поэтому и книги не опознали. Надю от близости к ним пронзало тоскливое чувство обреченности.

Она долго не решалась открыть их. Сидела, на полу под стеллажами. Было очень страшно. Особенно потому, что дикая звездная сила, рождающаяся под ребрами, заставляла верить: ей под силу любая магия.

Как далеко она готова зайти ради родных? Нельзя говорить: «до конца». Не всё можно делать даже из большой любви, могут не простить даже очень любящие. Так что она готова сделать?

Нет рядом Эола, нет за спиной Роджера, никто не поможет сбежать, не занесет меч вместо нее, значит, придется стать сильнее и жестче.

Царевна встала из-за стола и вышла в коридор.

— Капитан!

Янек хмуро посмотрел на нее из-под опаленных бровей.

— Мне нужна будет помощь.

— Его величество приказал давать вам все, что вы прикажете.

— Янек, вы боитесь мертвецов?..

Она ждала ответа от Любомира три часа. Просьба Нади была не простой, поэтому царевна не думала, что он легко согласится. Читала книги.

Человек от Любомира явился в девятом часу вечера. Привез ответ от царя и пшеничную муку.

— Его величество разрешил вам исполнить задуманное, но только на рассвете, никакого колдовства ночью. И вы должны дать нам время оцепить улицы.

Надя согласилась. Ей тоже нужно было время. Завтра ей понадобится много сил. Как только посланец ушел, царевна легла спать.

Проснулась она, когда на улице еще не начало светать. Умылась в тазу ледяной водой, заплела косы, переделалась в чистую удобную одежду. Замесила тесто из муки и колодезной воды, разрежала палец и капнула туда четыре капли крови. Вылепила из теста четырех человечков. Дала им высохнуть, потом краской нарисовала лица и черные косы. Положила в сумку.

В шесть часов ей принесли завтрак.

В семь — к воротам парка подъехала карета. Ей завязали глаза и отвезли на восточную окраину города. Здесь располагались закрытые рудники, которые Орден Доблести использовал для удержания мертвецов и

особых заключенных. Где-то здесь, среди разветвляющихся коридоров, держали ее родителей и моринденизскую королеву.

Ее завели в сырое темное помещение и наконец сняли с глаз повязку. Надя была собрана и спокойна.

Раньше здесь был медный рудник. Широкий коридор упирался в ряд железных лифтовых клеток. Два лифта были недавно отремонтированы и тускло блестели свежескрашенной краской. Когда-то здесь был свет — под потолком висели запыленные кровавки, но сейчас дорогу освещали лишь смоляные факелы в руках солдат.

Надя в сопровождении четверых рослых гвардейцев и капитана Эльзанта подошла к одному из лифтов. Перед ней открыли дверь. Затем все шестеро долго опускались под землю. Надя насчитала под землей семь лестничных пролетов. Лишь два из них были освещены факелами. Здесь держат пленников или пытаются ввести в заблуждение нежеланных свидетелей?

Лифт остановился.

Здесь было сыро и холодно. Коридор, ведущий от площадки лифта, через десять шагов упирался в железную решетку. Дорога резко уходила вниз в искусственный зал, выдолбленный в теле горы. При тусклом свете факелов у подножья лестницы за кованой решеткой волновалась толпа.

Мертвецы.

Капитан Эльзант приказал прицелиться и ждать приказа. Щелкнули предохранители ружей.

— Сколько вам нужно? — тихо спросил капитан, останавливаясь за спиной Нади.

— Все.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Чародейка смотрела на мертвецов, а покойники все как один смотрели на нее.

Все молчали, но чем больше она всматривалась, тем острее чувствовала их. Потерянные, они хотели что-то сказать, о чем-то попросить, но слишком давно были заперты здесь. Они забывали, как говорить. Забывали, кто они и откуда. Не мысли — тени мыслей. Имена, обрывки фраз и воспоминаний... Надю затягивало в этот омут, и стоило больших усилий отвести взгляд.

Но бояться было поздно. Она решительно протянула руку сквозь решетку, отдавая мертвецам хлебных куколок. Они взяли.

Надя прошептала заклинание, и три куклы начали расти. Покойники бережно опустили их на пол. Куклы все увеличивались в размерах, пока среди толпы не стояли три бабы. Четвертая куколка зашевелилась на полу,

ожила, поползла в угол и забилась под камень.

— Ешьте! — приказала Надя мертвецам.

Покойники не решались выполнить приказ. Они растерянно смотрели на хлебных баб и на царевну. Но рыжее от ржавчины кольцо на безымянном пальце налилось холодом и, как не смели послушаться ее кошки с человеческими глазами, так и мертвецы нехотя потянулись к хлебным бабам, отламывая от них по кусочку. Охнули солдаты за Надиной спиной.

— Не стрелять! — разнесся по коридору властный приказ капитана.

Некромантия жгла вены. Черная магия жидким огнем, змеями текла под кожей. Надя ударила руками по решетке, вцепилась в нее, выпуская змей на свободу. На запястьях появились нарывы, пошла кровь. Черные, двухголовые гадюки выползали из ран, падали на пол, ползли между ног мертвецов. Покойники их не видели, остервенело рвали на части хлебных двойников.

Надя почти повисла на решетке. Кричать не хотела, но стон сорвался с губ. И еще один. Она закричала. Тонко и пронзительно. Покойники даже не взглянули на нее, отпрянули солдаты за спиной. Кто-то выругался.

— Всем оставаться на местах! — приказал Янек.

Надя с трудом оторвала одну руку от решетки, подняла вверх, жестом подзывая капитана. У Эльзанта хватило мужества подойти.

— Вы в порядке, ваше высочество? Вывести вас?

— Ждите, — еле прошептала чародейка сухими как бумага губами.

Он отошел.

Надя отпустила решетку, преодолевая боль в животе, выпрямилась, подняла руки, завязывая в воздухе узлы. Черные змеи послушно обвили ноги мертвецов, прижались так сильно, что вдруг растворились в них. Надя тяжело выдохнула, и мертвецы за решеткой покорно повторили вздох.

Чародейка несколько минут приходила в себя. Темнело перед глазами, но она не могла потерять сейчас сознание, размноженное и разделенное между тремя сотнями покойников.

Она медленно обернулась к капитану:

— Выпускайте их.

— Вы уверены?

— Я связала их. Все, как обо мне предсказывали, капитан. — Она коротко улыбнулась одними губами. — Открывайте двери, они не навредят живым.

Мертвецы послушно друг за другом поднимались по каменным ступеням в коридор, заходили в лифты и поднимались наверх, где их ждал конвой. Глаза всех покойников были теперь светло-карими, как у

чародейки.

Солдаты оцепили улицы города от входа в рудники до самого дворца. Мужчины, старики и юноши стояли белые от страха, пока Надя и мертвецы шли к дворцу.

На Базарной площади все остановились. Покойники окружили царевну неровным кольцом. Она подняла руки вверх — и покойники подняли руки, она опустила — и они опустили. Надя встала на колени. Мертвецы повторили. Чародейка положила ладони на землю у колен. Мертвецы тоже. Чародейка хлопнула раскрытыми ладонями по заснеженной брусчатке. Еще раз и еще. Покойники покорно следовали ее примеру. Она резко хлопнула в ладоши и затем дважды по брусчатке — и мертвецы не отставали. Все быстрее и быстрее. Руки, земля, руки, земля, еще раз земля. Снова и снова, по кругу. Дрожали стекла в окнах, все сильнее и сильнее дрожала под ударами площадь, пока не опал, растаяв грязный снег, пока не треснула ледяная корка на камнях брусчатки.

Хлопок, удар, удар. Хлопок, удар, удар.

Камни брусчатки стали выступать из земли, а из-под них к серому зимнему небу потянулись молодые ростки крапивы.

Надя выпрямилась. Мертвецы продолжали выбивать безумную музыку. Чародейка подняла руки над головой, вытерла с неба серые облака, стряхнула воду с ладоней, и площадь наполнилась солнечным светом.

Крепли ростки крапивы, темнели, наливались соком листья, росли выше и выше. Зеленела площадь, зеленели боковые улицы.

Надя опустила руки.

— Рвите и несите во дворец.

Покойники повиновались. Они охапками срывали злую высокую траву и несли ворохи остро пахнущей зелени ко дворцу. Солдаты и редкие зеваки стояли серые от ужаса.

Рыцари Ордена Доблести в два ряда оцепили дворец и забаррикадировали боковые улицы. В Желтом и Розовом залах, соединенных между собой арочным коридором, вдоль стен тоже выстроились солдаты. Надю здесь уже ждали заказанные ткацкие станки. Несмотря на день, ярко горели кровавки под потолком.

— Капитан! — позвала чародейка.

Янек подошел.

— Я отпускаю вас до завтра, капитан.

— Но мне приказано...

— Слушайте внимательно, Янек! — прервала она. — У вас пять часов. За это время вы должны подготовить для меня списки жителей города. Одна скатерть на две-три семьи. Я чарами привяжу их к хозяевам, чтобы ни Любомир, ни кто другой не смог торговать моей магией.

Эльзант молчал, не сводил с нее пристального недоверчивого взгляда.

— Ищете подвох, капитан? — устало спросила Надя. — Подвох в том, что я — хороший человек. Верьте или нет, это ваш выбор. Пять часов.

Так ничего и не ответив, он покинул дворец.

Мертвецы послушно выполняли все ее требования, нечувствительные к боли и усталости. Очистить стебли от листьев, оббить, сделать мягче, разделить на тонкие полосы, связать основу на станке, начать плести. Раз за разом. Раз за разом... Сколько она повторила один и тот же порядок действий, размноженный на три сотни послушных слуг, чародейка не могла сосчитать. Она стояла посередине зала, поднимала и опускала руки, вязала воображаемые узлы, шептала заклинания снова и снова. От магии, черной и белой, по стенам, карнизам, по медным люстрам разбегались синие молнии, наполняя зал запахом грозы. Волшебство, бегущее по венам, делало ее выносливее любого человека, наполняло силой, давало обманчивое ощущение всемогущества, но шли часы, и даже магия уже не могла поддерживать ее. Надя чувствовала, что сейчас упадет, но показывать слабость было нельзя. Серые от страха и отвращения, рыцари Ордена Доблести не покидали зал.

Она не заметила, как прошли пять часов. Из оцепенения ее вывел голос Янека Эльзанта:

— Все готово, ваше высочество.

Надя повернулась к нему и увидела, что он протягивает ей флягу с водой.

— Попейте.

Только сейчас она поняла, как ее мучает жажда. Чародейка жадно приникла к горлышку, выпила больше половины и протянула капитану. Руки дрожали. Он взял у нее флягу и незаметно положил в ладонь сложенный вчетверо лист бумаги. Надя улыбнулась.

Зимой в Варте темнело рано. Было начало четвертого пополудни, но солнце на улице уже приблизилось к горизонту. Воздух за окнами посинел. В бальном зале похолодало. Работа уже была наполовину выполнена. Надя нарочно не заканчивала плести скатерти. Боялась, что Любомир прикажет забирать у нее готовые артефакты.

Она взяла из рук капитана лист бумаги, развернула его, встряхнула перед собой, как простынь, стряхивая с него написанные чернилами имена.

Синие вязи букв, легкие как пух, поднялись к потолку и растаяли. Воздух в комнате наполнился сливовым сиянием. Надя улыбнулась, отпустила лист бумаги, взмахнула руками, как дирижер перед оркестром. Незаконченные скатерти пропитывались синью, на них загорались выведенные синим имена. На каждой — свои.

Оставалось закончить работу, но сил больше не было.

Мертвецы все чаще и чаще останавливались. Смотрели на нее. Ждали. И солдаты поняли, что чародейка слабеет. Они все чаще переглядывались, вопросительно смотрели на капитана Эльзанта. Янек оставался невозмутимым. Он приказал принести Наде ужин, но есть она не могла. Еще дважды чародейка останавливалась, чтобы попить. Из носа потекла кровь, но если бы не Янек, подавший платок, она даже не заметила бы этого.

За окнами совсем стемнело. Караул сменился. Работа продолжалась.

Свою куклу Надя сплела сама. Свернула травяной жгут пополам, обвязала собственными волосами. Спрятала в кармане фартука.

К десяти часам работа была закончена.

— Как это действует? — спросил Янек.

От усталости у него, как и у Нади, под глазами легли тени.

— Вы что, капитан, в детстве сказок не читали?

Она трижды ударила по скатерти костяшками пальцев.

— Коньяку капитану!

На скатерти появилась рюмка коньяка. Капитан присвистнул, а Надя рассмеялась.

— Теперь мне пора увидеться с сестрой.

Это были самые длинные семнадцать часов в ее жизни, и они еще не закончились. Увидеться с Василисой она должна была раньше, чем Любомир поймет, что скатерти неподвластны ему. Через три часа они растворятся в воздухе сокровищницы, чтобы оказаться в домах тех, кому предназначались. Отныне так будет всегда. Сплетенные Надей скатерти нельзя уничтожить, нельзя украсть или продать. Они созданы с одной целью — накормить горожан Варты, и никто в мире не сможет использовать их иначе.

Младшую царевну привезли в Черную башню к одиннадцати часам ночи. В дверь постучали. Надя отложила книгу и тяжело поднялась с кровати навстречу гостю. Осталось потерпеть полчаса, и она сможет отдохнуть.

Василису сопровождала Любава Когут. Сержант остановилась в

дверях, удостоив Надю ненавидящим взглядом. Младшая царевна на сестру не взглянула. Она прошла по комнате, презрительно рассматривая скудную обстановку. Провела пальцем по столу, все еще запыленному остатками муки, усмехнулась и осталась стоять, сложив руки на животе.

— Вы хотели видеть меня, сестра?

Василиса не изменилась за этот год. Все такая же красивая девушка, голубоглазая, русоволосая, с очаровательными ямочками на щеках. В своей обманчивой миловидности она была похожа на лесное озеро: живописное, прелестное, но никто не скажет, что на дне. Минуту сестры смотрели друг другу в глаза. Ни одна не желала уступить.

Надя почти поверила, что Василиса не боится, но затем увидела, как дрожат ее руки. Сестра боялась, а значит, верила во все, что говорили о Черной царевне.

Наверное, Надя должна была долго думать об этом, пережевывать боль и разочарование, рассматривать с разных сторон, но у нее не было ни сил, ни времени нести в себе обиду. Слишком много нужно было сделать.

Василиса подала знак, и Любава поставила на письменный стол ларец. Затем сержант снова заняла место у двери, откуда пристально наблюдала за разговором сестер.

— Любомир передал тебе клубники из царской оранжереи, — пояснила Василиса.

Надя благодарить не стала.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да, — ответила Василиса.

Своему вынужденному позднему визиту младшая царевна не обрадовалась. Она смотрела Наде в глаза откровенно раздраженная.

— О чем ты хотела поговорить со мной?

— Мама просила позаботиться о тебе.

— А разве ты можешь?

Наде нравилась резкость сестры. Для того чтобы вернуть себе трон, нужен характер, и хорошо, что он у Василисы есть, пусть и скверный.

От ларца шел кисло-сладкий аромат свежей клубники. Надя подошла к столу. Она давно не ела клубники и слишком устала за сегодняшний день, чтобы противиться соблазну. Может ли там быть яд? Если ее и решат убить, то не тайно. Надя положила в рот кисло-сладкую ягоду. Клубника на вкус была, как лето, и чародейка съела еще две ягоды.

— Что ты хотела от меня? — нарушила тишину Василиса. Она уже закончила осматривать комнату под крышей и теряла к разговору интерес.

— Хотела убедиться, что ты здорова. Готовишься к свадьбе?

Василиса изменилась в лице, но лишь на мгновение. Надя поняла, что не стоит щадить ее чувств.

— Праздник назначен на следующую неделю. Платье везут из Порт-Веита.

— У меня тоже есть подарок для тебя.

Надя вернулась к кровати и достала из-под подушки сплетенную из крапивы куклу.

— Подойди!

Василиса послушалась. Теперь между царевнами и охранницей стоял платяной шкаф. Любава хотела последовать за девушками, но ноги приросли к полу.

— Стойте!

Но Василиса уже подошла к сестре. Надя протянула ей куклу, и Василиса взяла ее из рук чародейки.

— Нет! — попробовала вмешаться сержант Когут.

Едва Василиса коснулась травы, как зелень перекинулась ей на кожу, потекла по ней, выше и выше по руке. Царевна открыла рот, хотела закричать, но не смогла произнести ни звука.

Вдох.

Выдох.

На пол упали две куклы, но та, что еще минуту назад была сплетением травы, ударившись о пол, стала Василисой. Заколдованная царевна так и осталась лежать на полу. Надя тяжело вздохнула. Подняла куклу-сестру с пола и положила под одеяло. Отступила от лже-Василисы на шаг, и Любава наконец совладала со своими ногами. Перевернув ларец с клубникой, она завернула за шкаф, но ничего странного не увидела.

— Что не так, сержант Когут?

Любава подбежала к младшей царевне, помогла подняться на ноги.

— Визит окончен, — распорядилась Любава. — Вы в порядке, ваше высочество?

Василиса покорно кивнула. Говорить она не умеет, но стражники заметят это не сразу.

Надя сдержала улыбку. Пора покидать Варту. Она достаточно сделала здесь, осталось забрать маму и отца из подземелья.

У Нади вдруг потемнело в глазах. В ушах появился тонкий протяжный звон. Она качнулась вперед, вцепилась в кровать руками, стараясь сохранить равновесие, но не смогла.

Любава в два шага оказалась рядом, подхватила и бережно опустила Надю на ковер. Чародейка открыла глаза и увидела над собой лицо

стражницы. Взволнованной она не выглядела.

— Любава, что в клубнике?

— Ничего опасного, ваше высочество. Снотворное. Закройте глаза и поспите немного.

В комнату уже кто-то входил. Застучали по полу каблуки солдатских сапог. Надя закрыла глаза.

Любава взяла ее за правую руку и сняла железное колечко. Чародейка хотела сопротивляться, но тело было безвольным, неподвижным и чужим. Она даже не дрогнула, даже не смогла открыть глаз...

* * *

...Надя давно не была в этом месте.

Замок Мака, как и прежде, был погружен в ночь и освещен тысячей свечей.

Она стояла посреди пустого холла, одетая — как в кошмаре — лишь в ночную сорочку. Вокруг было тихо и пусто.

Чародейка подошла к лестнице и медленно, стараясь не шуметь, стала подниматься вверх. В длинном коридоре все двери кроме одной были раскрыты настежь. Надя прошла между ними. Пол под босыми ногами был холодным и шершавым, ночной ветерок, влетающий через открытые окна, охлаждал плечи. В комнатах было так же пустынно, как и в холле. Она подошла к последней двери, той, что была заперта.

Из-за нее доносились приглушенные голоса. Надя взялась за дверную ручку и решительно рванула на себя.

За дверью был зал, но не бальный. Низкий каменный потолок и сырой воздух подземелья. По безоконным глухим стенам гирляндами висели цепи. В неглубоких нишах застыли фантазмагорические пленники Мака: живые, бодрствующие, но безумные.

Женщины. Ночные сорочки. Бальные платья. Смирительные рубашки.

Мужчины. Истощенные и измученные. В доспехах. В смокингах. Коронованные. Похожие на животных.

Старики. Неопределенного пола. Рубища. Мантии. Обнаженная плоть...

Шепот, стоящий в зале, стих. Безумные взгляды устремились на чародейку, вонзились в нее, и с тысяч губ сорвался тонкий протяжный стон. Все громче и громче. Надя зажала уши руками.

В центре зала стояла каменная кровать. Широкая, с тонкими

изящными прутьями, без простыней и белья. На ней, распятый, прикованный к прутьям за щиколотки и запястья, лежал человек.

Она узнала его, еще не приблизившись, по черным волосам, по фигуре, по тому, как сжалось ее сердце! Она побежала!

Роджер спал. Глаза были сомкнуты и лишь вздрагивали во сне длинные ресницы. Его фрак и жилет где-то потерялись, белая рубашка помята, сорваны пуговицы с ворота. Рукава были закатаны, освобождая запястья для кандалов.

Надя дернула цепь, попробовала снять железные браслеты, но не вышло. Она хотела колдовать, но в замке бога ее волшебство ничего не значило.

— Роджер! Хороший мой, очнись!

Она погладила прохладной рукой его лоб, убирая намокшие от пота волосы, горячо поцеловала в сомкнутые губы. Ресницы Роджера задрожали. Он тяжело вздохнул и с трудом открыл глаза.

— Роджер!

Шепот стих. В мертвой тишине она слышала тяжелое дыхание любимого, собственное сердцебиение и приближающиеся шаги за дверью.

— Хороший мой! Слышишь меня? Чем помочь? Что сделать?!

— Девочка...

Он почти не размыкал губ, и ей пришлось склониться, чтобы разобрать слова.

— Ты не сможешь. Беги...

— Нет.

— Она обманула всех. Забрала имена. Ты последняя, кто помнит.

— Я все исправлю!

— Она мучает Ярока, девочка. Ослепляет болью. Он не видит Калина. Не видит меня.

Двери за ее спиной распахнулись.

— Какая встреча! Неужели снова ты?

Надя обернулась. В дверях стоял Мак. В его голосе больше не было игривой насмешки. Ярость и угроза. Марина появилась рядом. Улыбнулась.

Стены рванулись к Наде, пленники Мака потянули к ней скованные руки, те истончились, удлинились, обвили ее веревками.

— Хорошо, что пришла сама, — промурлыкала богиня. — Очень хорошо. Напрасно я тебя отпустила.

Надя понимала, что нужно бежать, но не могла сдвинуться с места. Душа, сердце и тело прикипели к нему. К любимому, к побежденному...

Роджер приложил невероятное усилие, рванул цепи, и кроватный прут

треснул. Надя склонилась, хотела помочь, но Роджер не принял помощи, освободившейся рукой ударил ее по лицу! Надя вздрогнула и... проснулась.

Ее снова ударили по щеке, она вскрикнула и открыла глаза.

Она лежала на полу своей комнаты, над ней склонился капитан Эльзант.

— Слава богам, ваше высочество! Вы очнулись!

Надя с трудом села, но Янек не дал времени прийти в себя. Он подставил плечо, заставил подняться. Во входную дверь комнаты громко ударили. Снова. И снова.

— Орден Доблести, — пояснил капитан, морщась. — Наколдуйте чего.

В дверь снова ударили. Она затрещала, прогнулась в середине. Надя схватила крапивную куклу.

— На крышу!

Янек почти нес ее. От усталости, от сна и снотворного, она все еще была не в себе, но капитан не дал упасть, поднял ее по лестнице на темный чердак, а затем вывел на крышу.

Внизу громко затрещала, не выдержав напора, дверь.

Надя чувствовала, как что-то теплое ползет по шее, провела рукой и увидела на пальцах кровь.

— У вас из ушей капает, ваше высочество.

Надя нарисовала окровавленными пальцами в воздухе знак и все чердачное помещение пропало, оставив лишь ровный пол.

— Что будем делать дальше, ваше высочество?

— Как попасть на небо, Янек?

— О чем вы?

— Может ли волшебный конь взлететь к городу богов? Я должна попасть к Яроку. Как можно скорее.

— Лошади не выдержат, ваше высочество. Попробуйте через лестницы Калина.

— Они именно этого ждут, Янек.

— Кто «они»?

— Мои враги.

Капитан решил ничему не удивляться. Он подошел к парапету и взглянул вниз.

— Ваши враги сейчас здесь. Они принесут взрывчатку и все равно доберутся до нас.

— Им понадобится время, чтобы решиться на это. Что происходит, Янек?

— Любомир получил от вас все, что хотел. Теперь они должны посадить вас на чародейскую цепь и держать там до конца времен.

— И давно он это придумал?

— С самого начала.

— Так почему ты здесь? Зачем спасаешь меня и предаешь своего царя?

— Вы знаете ответ, Надежда. За последние дни я узнал о вас много нового. Я клялся защищать Северную Варту и ее людей. А вы сделали для них невозможное. И я хочу отплатить вам добром за добро.

— Спасибо, — тихо ответила чародейка.

Янек протянул ей кольцо.

— Забрал его у Любавы Когут. Это ведь важно?

Надя взяла кольцо с его ладони, но надевать не стала.

— Так как попасть на небо, капитан? Как высоко могут взлететь волшебные лошади? Могут они долететь до верхнего мира? До воздушных замков над верхними слоями облаков?

— Там слишком холодно и тяжело дышать.

— Но, если бы я захотела, Янек, с чего начать? Есть старые сказки или легенды?

Эльзант задумался.

— Попробуйте отправиться на север, к Великой Яблоне. Если и есть в мире существа, способные взлететь к небесному царству, то это драконы.

— Я думала, они мертвы.

— Наверное. Но это единственный совет, который я могу вам дать.

— Спасибо. Я должна попробовать.

Надя подумала немного и огляделась по сторонам. Кроме вороха оберточной бумаги и горшков с цветами на крыше ничего не было.

Чародейка оторвала от бумаги квадрат и сложила из него бумажную лошадку. Янек ждал, нервно посматривая вниз с крыши.

Она накрыла бумажную лошадь ладонями, прошептала заклинание и раскинула руки в стороны. Бумажный конь упал на пол, ударился о землю и стал настоящим белым меринком. Капитан ахнул и прижался к парапету.

Надя подняла с пола садовые ножницы, провела указательным пальцем по лезвию, и на нем сразу набухла капля крови. Чародейка встряхнула рукой, кровь сорвалась с пальца, упала на пол и стала ее двойником.

Капитан Эльзант перестал дышать от удивления. Чародейка улыбнулась.

— Садитесь с ней на лошадь, капитан, и что есть сил летите к Калину.

Двойник царицы покорно стоял, ожидая указаний. Янек, набравшись

смелости, подошел к лошади.

— Избегайте людей, ночуйте в лесу. Ведите себя осторожно, словно это все — в самом деле. Вы понимаете?

Капитан кивнул. Надя протянула ему кольцо.

— Оно не даст Маку заглянуть в ваши сны и уберезет вас от проклятий Марины, когда откроется обман.

— А вы?

— Я ведь чародейка! Мне не нужен сон, — солгала Надя. — Быстрее!

Янек посадил на лошадь лжецаревну, вскочил следом, и они взлетели в небо.

Надя проводила их взглядом, затем встала на парапет крыши и посмотрела вниз.

Ее ждет Роджер. Она так и не успела поделиться с ним догадками о Марине. Впрочем, судя по его положению, она уже опоздала.

Чародейка сжала кулаки.

Тем не менее сдаваться она не намерена, а значит, нет времени для сомнений и страха. Она оттолкнулась от парапета, раскинула руки и упала вниз.

Надя ударилась о землю. В миг, когда тело коснулась мостовой, его покрыли перья. Чародейка упала в них, они поймали, обняли так плотно, что она вдруг вся сжалась, уменьшилась, и вот на мостовой лежала уже не чародейка, а оглушенная падением черная голубка.

Птица поднялась на ножки, повертела головкой, оттолкнулась от земли и взлетела в небо.

Стрелки часов на дворцовой башне приближались к двенадцати.

Черная голубка летела над крышами на юг. Здесь, на пустыре за бараками, обнесенное каменным забором, стояло запертое здание заброшенного рудника. Солдаты еще не успели доложить о произошедшем Любомиру, и охраны было немного. Чтобы не привлекать внимания, в тени заснеженных вязов прятались лишь трое в штатском.

Голубка села на крышу деревянного здания, где начинался спуск в рудники. Закрыла глаза...

* * *

...В то же мгновение три сотни мертвецов под землей открыли свои.
В углу, в мусоре и щебне под стеной, зашевелилась хлебная куколка.

Покойники вставали с земли, шли к железной решетке. Куколка набрала полный рот мелких острых камешков. Они стали ей зубами. Мертвец впереди, мужчина средних лет, поднял ее на ладони, поднес к замку. Она вгрызлась каменными зубами в металл, и он заскрипел, поддаваясь.

Это заняло время, но вот замок упал звеня на пол и мертвецы все как один ринулись вперед. На шум по лестнице бежали стражники, но покойники уже выбили дверь и рвались прочь из подземелий.

Солдаты открыли огонь.

Покойники не остановились. Трое упали, лишившись голов, но остальные шли вперед. Они схватились с солдатами на нижнем этаже, забрали ружья.

Куколка спряталась в нагрудном кармане мертвого старика. Тот бережно нес ее, придерживая карман сухой ладонью. Часть покойников вошла в лифт, остальные стали подниматься по лестнице.

Солдаты подняли тревогу и пытались остановить лифт. Мертвые разобрали потолок лифтовой коробки и поползли вверх по тросам. Здесь было высоко, темно и страшно, но покойники не ведают страха. Еще один этаж. И еще один.

Мертвецы с карими глазами разошлись по этажам. Они шли по освещенным коридорам и по тем, что остались в темноте. Заглядывали во все коридоры, натыкались на солдат, падали под выстрелами, падали в ямы, срывались в провалы пустых шахт, но не отступали. Они искали пленников.

Живых заключенных держали на третьем подземном этаже. Раньше здесь складировали добытую руду, сейчас двери заменили на железные решетки. В пяти импровизированных камерах было тридцать восемь человек, включая царскую чету и моринденизскую королеву.

Солдаты отступили, пропуская мертвецов, и те покорно ринулись к камерам, чтобы быть зажатыми с тыла подоспевшим подкреплением. Началась стрельба. Покойники падали, лишённые голов, рук и ног, но то, что от них оставалось, — не останавливалось. Все они были подчинены одному приказу: освободить живых. Смерть не останавливала их, пули не останавливали. А на остальных этажах уцелевшие уже бежали, ползли и карабкались сюда.

Верхний этаж и двор рудника заполнили подоспевшие солдаты подкрепления.

— Проклятая бежала из башни! Смотреть в оба!

Хлебная куколка добралась до верхнего этажа, незамеченная людьми. Она выползла в щель под дверью старого лифта и стала Надей.

Солдаты переполошились. Приказа стрелять у них не было, да они и

боялись. Ее окружили, на несколько минут позабыв о происходящем внизу.

Мертвецы забрали у солдат ключи и открыли камеры. Люди в них не двигались, напуганные до смерти. В камеру к царице и царю вошла тощая старуха.

— Мама. Папа. Вы должны идти с ними.

Надя порадовалась выдержке матери. Королевна Хенни в соседней камере уже потеряла сознание, дальше ее несли.

Царица, царь и покойник с бессознательной королевной на руках стали подниматься по лестнице.

— Надя, нас не выпустят отсюда! — сказал отец, преодолевая страх.

— Идите, — ответил покойник, несущий королевну.

В коридоре верхнего этажа хлебная куколка медленно подняла руки вверх.

— Где ее родители?! — наконец нашелся смуглый мужчина с нашивками майора.

Солдаты побежали вниз и на лестнице столкнулись с мертвецами, выводящими царскую семью наверх.

Покойников изрешетило пулями. Царь Мирослав закрыл собой бесчувственную королевну, вжалась в стену царица Тамара. Когда с мертвецами было покончено, живых схватили под руки, навели на них ружья. Королевну привели в чувство, отхлестав по щекам.

— Руки вверх! — приказал куколке офицер наверху.

Она насмешливо склонила голову набок, держа руки над головой.

— Если что-то выкинешь, мать и батю расстреляют. Поняла?

Куколка послушно кивнула. К ней подскочили солдаты, связали руки. Перенервничавший офицер не удержался, ударил по лицу.

Ударил он сильно, но кровь из разбитых губ не пошла. В полумраке рудника никто не придавал этому значения.

Почти сбежавшую царскую семью, королевну и связанную чародейку вывели на улицу.

— Охранять до дальнейших распоряжений! — приказал майор.

На людей навели ружья, двери рудника заперли.

— Отправляйся к его величеству, — приказал полковник одному из солдат. — Их нужно перевести! Может, в Новую башню?

Черная голубка встрепенулась на крыше, взъерошила крылья, выдернула у себя из-под крыла три перышка и слетела вниз, закружилась над людьми. Никто не обратил внимания на птицу. В этот миг лжечародейка упала на снег, забилась в судорогах, а голубка села на плечо царице. У них было несколько мгновений, пока растерянные, напуганные

рыцари пытались понять, что происходит.

Царица повернула голову к птице. Голубка ткнулась клювом ей в губы, подсовывая три черных пера. Царица поняла. Она взяла их, протянула мужу и беловолосой королевне.

— Глотайте.

Вдох.

Выдох.

Лжецаревна стала тем, кем была — хлебным мякишем, и солдаты поняли, что их обманули, но было поздно.

Вдох.

Выдох.

Одежда и наручники упали в снег, а из вороха тканей в небо взлетели птицы.

...Они летели на север.

Остались позади крыши города и склоны гор. Внизу плыл заснеженный лес. В небе давно взошла луна. Свет отражался от снега, лес внизу слабо сиял.

Надя выбрала поляну у замерзшего родника, сложила крылья и бросилась вниз.

Было страшно, но не больно. Удар о землю сбил с нее перья, они разлетелись вокруг брызгами чернил, слились с неровными тенями деревьев и растворились в них.

Надя отряхнула от снега платье, подняла голову и поманила рукой своих спутников. Царь и царица бесстрашно бросились вниз, последовав ее примеру. Королевна боялась.

— Если не решишься сейчас, останешься птицей навсегда! — устало пригрозила Надя.

Королевна решила, неловко упала в снег, подвернула ногу, тихо заплакала. Успокаивать ее у Нади не было ни сил, ни времени. Она сплела из снега и теней новую одежду и обувь, передала матери. Затем бережно достала из кармана платья сплетенную из травы куколку, положила в снег, дунула на нее, прогоняя чары, и перед ней появилась растерянная Василиса.

Царица поспешила к младшей дочери, крепко обняла. А Надя повернулась к отцу.

— Здравствуй, папа!

Он похудел и осунулся за прошедший год. Русые волосы подернулись сединой, появились новые морщины. Мирослав не ответил, крепко обнял

дочь. Некоторое время они так и стояли: мать обнимала младшую дочь, а отец — старшую. Наконец Надежда высвободилась, улыбнулась отцу и повернулась к моринденизской королевне.

— С вами все будет хорошо, — сказала она ей на гроенском.

Королевна вытерла слезы и посмотрела на Надю с мольбой.

— Я отправлю вас в Морин-Дениз, — добавила Надя.

— Что вы хотите взамен?

— Покровительство вашего брата для моей семьи. Он знает меня, а я знаю, насколько дороги ему вы. Я отправлю вас к моему другу, госпоже Ван Варенберг. В городе вы найдете возможность связаться с братом. Это все. Согласны?

— Да, — поспешно кивнула девушка.

— Наш договор, Хенни, устный. Надеюсь, после всего, что видели сегодня, вы не позволите себе даже мысли об обмане. Если с головы моих родных упадет хоть волос, я подниму всех покойников на Побережье и разнесу ваш город по камешку. Передайте это Елисею слово в слово.

Глаза королевы испуганно расширились, она поспешно кивнула, бледнея на глазах. Надя повернулась к родителям:

— Нам пора прощаться.

Они обступили ее: встревоженная мать, растерянная сестра и хмурый решительный отец.

— Ты отправляешься с нами в Морин-Дениз! — сказал Мирослав. — Что бы ни ждало нас дальше, мы будем вместе. Я больше не позволю тебе остаться одной!

Царица молчала, и в ее взгляде Надя видела, что она все понимает.

— Мне жаль, папа...

Он крепко взял ее за запястье.

— Даже не начинай!..

— Этот год многое изменил, папа. Тебе не стоит переживать обо мне, это больше не твоя забота.

— А чья?

— Того, чьего имени ты не вспомнишь... Какая бы судьба не ждала меня, дальше я пойду сама, но мне необходимо знать, что вы в безопасности. У тебя остается Василиса, папа. Теперь я — единственная живая чародейка Яблоневого Края, а она так и остается девочкой. Хотела бы я увидеть, чем закончится ее история, но не могу. Мой путь идет на север, и я не сверну с него даже ради вас всех. Простите меня.

Отец медленно отпустил ее руку. Мать подошла, крепко обняла и поцеловала в щеку. Говорить о любви она не умела и не стала.

— Пора.

Надежда отступила от них на два шага, подняла руки, взмахнула ними, как лебедь крыльями.

Ветер взметнул снег с земли, стряхнул иней с деревьев. Снежинки засеребрились в лунном свете, заискрились, закружились, и вот уже рядом с людьми стояли четыре белоснежные лошади.

— Утром они растают, — сказала Надя. — Светает поздно, так что у вас есть шесть часов, чтобы добраться до Белограда.

Она подняла с земли пригоршню снега, и тот стал в ее руках мелкими серебряными монетами. Надя протянула их маме:

— Это — чтобы вы добрались до Побережья.

Прощаться больше не стали. Царь Мирослав, царица Тамара, Василиса и Хенни сели на лошадей, те ударили серебряными копытами и взмыли в воздух. Надя проводила их взглядом, оперлась спиной о ствол сосны и медленно сползла вниз.

Ей нужно было отдохнуть. Она попробовала наколдовать себе шубу или одеяло, но тело было пустым как сухой колодец. Надя закрыла глаза.

Немного поспать... Час, а потом она сможет двигаться дальше...

Слева хрустнули ветки, но сил открыть глаза не осталось.

— Где твоё кольцо, девочка?

Надя тяжело вздохнула и пожала плечами.

— Что, голубушка, не понравилось в твоём любимом городе?

Превозмогая усталость, она открыла глаза и посмотрела на Лешего.

Перед ней на задних лапах стоял медведь. Большой, чёрный, усыпанный снегом и сухими иголками. Он покачал головой, весело сверкнул зелёными глазами, протянул лапу, и сосновые ветви потянулись ему навстречу. Леший отломал гибкую живую ветвь, скрутил прут и протянул чародейке пахнущий сосновой смолой деревянный браслет.

— Держи, невестка. И не теряй больше своих подарков.

Надя не нашлась, что ответить, взяла браслет, надела на запястье. На шее медведя появилась яркая горизонтальная рана, расширилась, голова запрокинулась назад и упала, как капюшон, с черноволосой головы бога. Леший тряхнул плечами, сбрасывая медвежью шубу, остался в тонкой рубахе и плотных штанах, какие носят охотники. Потом наклонился к Наде и укрыл ее.

— Замерзнешь, глупая.

— Спасибо, — выдавила из себя Надя.

Под шубой было тепло, и от этого тепла ее начало трясти. Чародейка моргнула, а когда открыла глаза, оказалось, что они с Лешим находятся на

широкой поляне. Журчал где-то за подлеском ручей. Горел рядом костер, потрескивая сосновыми сучьями. Над огнем на ветках жарилось мясо.

— Я с Мариной ругаться не хочу, так что это только между нами. Я привык платить добром за добро. Ты пожалела мой лес, и мой лес пожалеет тебя, а пока — спи. Отдохни, невестка, потом поешь.

— Урман Тура, где Эол? У него новое имя, но он не приходит на мой зов.

Леший усмехнулся, сел на пень, вытянул к костру ноги с копытами.

— Цел твой Эол. Стыдно ему.

— За что?

— Из-за него Анку сейчас у Марины. Эол помог достать тебе живой воды. Марина ему чуть голову не оторвала, грозила имена забрать, а Роджер заступился. Выменял жизнь Легкокрылого на свою свободу. Новое имя у него от Марины — шутки у нее такие. И сидит теперь твой Эол в небесном городе. Краснеет.

— Бестолочь бессмертная!

— Вот-вот! И я о том же. — Леший тихо рассмеялся. — Эол в нашей семье самый добрый, но не самый умный. Спи.

Когда Надя открыла глаза, вокруг был день. Лешего рядом не было, лишь тлели угли костра, над которым остывало мясо, а на краю поляны ждала черная лошадь.

Рассвет шел за ней по пятам.

Он осторожно касался пальцами неба, и оно розовело и томно вздыхало белыми облаками. Рассвет нежно целовал кроны деревьев, золотил иней на ветках, будил птиц.

Надя летела на северо-запад. Оставались за спиной города, поселки лесорубов, деревья под ногами меняли листья на хвою, вздымалась земля, превращаясь в предгорье. Надя летела прочь от солнца, прочь от наступающего дня, все дальше и дальше, туда, где уже несколько месяцев стояла ночь.

Как и в других местах Яблоневого Края, чародейская война оставила здесь свои шрамы. Когда-то тут жили саксы. Они строили города, ловили китов, разводили оленей, ездили на волчьих упряжках и строили из северных секвой, драконьих костей и железа фантастические корабли.

В Третьей Чародейской войне чародеи уже не участвовали. Но с морского дна и из тайных сокровищниц достали так много чародейских артефактов, что по силе разрушения Белая война не уступала предшественницам. Шесть долгих лет север и юг вели бои с переменным

успехом. А однажды утром саксы оседлали драконов и полетели на юг.

Драконы жгли острова и людей, а южане неистово молились Марине. И она откликнулась. Стометровая волна ударила среди ночи по скалам и берегу, где стояли лагеря воюющих. Южане, предупрежденные жрецами, спаслись. Северяне — погибли.

Но на этом Марина не остановилась. Она сковала северное море нетающим льдом, в одну ночь уничтожив весь северный флот и навечно заперев в водах Белого моря драконов.

Так закончилась последняя чародейская война, названная Белой. Так исчезло северное королевство саксов.

Те из северян, кто еще оставался в городах, постепенно покинули их или умерли от голода и сильных морозов. Редкие путешественники, отваживающиеся посетить сейчас покинутые города, говорят, что на севере живут лишь волки, тени и драконы.

Уже третью ночь Надя останавливалась в лесу. Разводила магией костер, пила талую воду, ела подмерзшие ягоды, кедровые орехи и грибы. Леший больше не приходил, но не соврал — лес сам помогал ей, голодной не оставлял. Лошадь, подаренная лесным богом, не нуждалась ни в сне, ни в еде.

Темнело все раньше, а рассветало все позже. Под ногами давно стелился пушистый ковер укрытой инеем хвои. В один день серое низкое небо с самого утра становилось все темнее, пока вокруг не сгустилась ночь. Надя была на севере.

Лес закончился. Кое-где из земли торчали карликовые деревья, похожие на кусты, и кусты, похожие на деревья. Местность становилась все более неровной, дыбилась, ломая линию горизонта. Пробегали по снегу черные тени северных оленей, пролетали белые совы.

На пятый день чародейка наконец увидела море и Великую Яблоню над горизонтом.

Дерево росло из моря. Белая как снег Яблоня отражала свет звезд и сама светилась в темноте. Ее ветви тянулись вверх, истончались, и там, высоко над землей, небо светилось изумрудной зеленью.

Надя с трудом отвела взгляд от чуда, посмотрела под ноги. На востоке темнели руины древнего города, и она направила лошадь к ним.

Чародейка опустила на крышу одного из разваливающихся домов. Лошадь нервно заржала, и Надя погладила ее по теплой шее.

— Мы на месте, милая. Нам нужно поспать.

Надя привязала уздечку к старому флюгеру и стала спускаться вниз.

Ступени все еще были целы, но по двум этажам носился ветер. Фасад дома выходил на заброшенный проспект. Надя остановилась посередине дороги, осмотрелась.

В конце улицы, там, где она расширялась, образуя круглую площадь, стоял человек. Он жадно вдыхал воздух, словно стараясь учуять в нем что-то.

— Эй!

Надя подхватила подол платья и, утопая в снегу, пошла к нему навстречу. Он ждал, склонив голову набок, но чем больше она в него вглядывалась, тем хуже себя чувствовала.

Голова закружилась, подступила к горлу тошнота. Чародейка остановилась, закрыла глаза.

Когда она снова посмотрела на незнакомца — в конце улицы стоял волк. Огромный белый волчище.

Надя замерла. Волк смотрел в ее сторону и не двигался. Эти животные всегда ходят стаями, значит, сейчас она увидит и остальных? Чародейка вгляделась в припорошенные снегом руины. Пока никого.

Когда саксы еще были живы, страшные северные волки служили им ездовыми псами. Вечные спутники людей, они жили в городах, делили кров и еду. Южный климат был слишком жарким для них, на войну с южанами волков не взяли. И когда люди ушли на юг от холода, волков тоже не позвали с собой. Они так и остались жить в покинутых городах. Помнят ли они людей? Хранит ли звериная память запах человеческого существа? Надя не могла позволить себе надеяться на это.

Волк внимательно разглядывал ее, потом поднял морду к небу и завыл. Ему ответили и город наполнился протяжной монотонной песней. У Нади мороз пробежал по коже.

Чародейка повернулась к нему спиной и побежала.

Она оставила лошадь на крыше, и если волки доберутся до нее раньше, Надя пропадет в этих снежных краях!

Надежда не слышала волка. Просто бежала что есть сил, надеясь успеть, но зверь нагнал ее в несколько прыжков. Он мягко ударил лапами ей в спину, повалил в снег.

Об оружии она не думала. Схватила осколок льда, подвернувшийся под руку, обратила его в нож и попробовала ударить. Не попала. Ее схватили за запястье, больно вывернули руку, выбивая нож. Надя с трудом перевернулась на спину и от удивления потеряла дар речи.

Прижав ее к земле, на ней сидел молодой парень. Черные волосы слишком длинные, падают на лицо. Голубые, злые глаза. Он

воспользовался ее замешательством, схватил за запястья, прижал к земле.

В ушах зашумело, снова подкатила к горлу тошнота.

Оскалив клыки, на ней сидел белый волк.

Надя снова зажмурилась.

— Не открывай глаза.

Голос у парня был хриплый, с незнакомым резким акцентом.

— Тебе нужно привыкнуть.

Надя слышала, как скрипит снег под лапами новых животных, ей в щеку ткнулся мокрый нос, повеяло в лицо теплым дыханием.

— Убери их от меня.

— Боишься?

Надя открыла глаза. Вокруг были люди. Четверо или пятеро молодых мужчин и девушка с черными до синева волосами. У Нади заломило в висках, она зажмурилась, застонала.

— Уйдите, — попросил парень-волк. — Ей тяжело видеть нас всех.

Надя слышала, как скрипит снег, потом — лишь дыхание черноволосого.

— Слезь с меня! — потребовала чародейка.

— Если пообещаешь не нападать.

— Обещаю. Слезь!

Парень отпустил ее руки. Надя открыла глаза.

Перед ней был человек, хотя она могла поклясться, что еще мгновение назад чувствовала на запястьях щекочущее прикосновение шерсти. Ему было около двадцати лет. Брюки из незнакомой грубой ткани синего цвета и тонкая для здешних мест кожаная куртка. Он отступил от нее, присел на корточки, с интересом рассматривая царевну.

— Кто ты?

— Кто ты?

Вопрос они задали одновременно, и так как о природе незнакомца она уже догадывалась, Надя решила ответить первой.

— Я — Надежда из Варты. А как зовут тебя?

— Клык.

За соседним домом громко заржала кобыла. Волки взвыли, остервенело, яростно, ржание сменилось всхлипом и умолкло. Надя вскочила на ноги.

— Что они делают?! Оставьте ее!

Она бросилась к разрушенной стене соседнего дома, по кирпичам вскарабкалась на крышу, пробежала, перепрыгивая черные провалы к следующему зданию.

— Нюкта! Ко мне!

Чародейка оказалась на фасаде соседнего дома, единственной уцелевшей стены, и остановилась. Теперь ей была видна крыша, где она оставила лошадь... Волки столпились вокруг брошенной на снег сумки. Лошади не было. Напуганная волками, она растворилась в воздухе так же, как и появилась — неожиданно и навсегда.

— Что вы наделали?!

Она не сердилась на волков, глупо было ждать от них чего-то иного. Надя сама была виновата, что не спрятала лошадь, не защитила заклинанием!

— Мне жаль, — сказал черноволосый, останавливаясь рядом.

Взгляд царевны упал вниз. У ног парня лежали две тени. Звериная — по правую руку и человеческая — по левую. Надя охнула.

Клык тоже посмотрел себе под ноги, понял, почему она удивилась.

— Хочешь узнать, почему их две? — спросил он.

В городе было холодно и пусто. Клык вел ее за собой по заснеженным улицам по узким звериным тропам, проложенным сквозь сугробы и остовы домов. За ним тихо следовали две бледные тени. Чародейка старалась не смотреть на них.

— Как называется город?

— Виридем.

— Волки живут здесь?

— Живут.

— И много вас?

— Много.

Разговор не клеился, и Надя замолчала.

Они шли по главной улице, широкой и пустой. Ветер не давал снегу скопиться здесь, и время от времени под ногами виднелась дорога. Ровная, гладкая, серая. Измельченный камень, смешанный со смолой? Похоже, но не то. Время и холод пустили по дороге трещины, но она все еще была лучше мостовых Морин-Дениза.

По обочинам широкого проспекта часто попадались брошенные железные кареты на мягких колесах. Таких Надя еще не встречала. У них не было козел, не было запяток.

— Что это? — не удержалась от вопроса чародейка.

— Забытые механизмы.

— Чародейские?

— Нет. Их придумали люди уже после того, как чародеи покинули

мир.

— Почему я никогда не слышала о них? Почему они остались здесь, в заброшенном городе?

Клык остановился, посмотрел снисходительно.

— Богам не нужны человеческие механизмы. Они делают людей независимыми. Дают всемогущество, не требуя молитв. Какому богу это понравится?

Волк привел ее к большому красивому зданию оперного театра. Возле входа у подножья разрушающейся лестницы все еще стояли статуи Хорса, покровителя искусств. В фойе было пусто, чисто и темно.

— Жди, — приказал волк и пропал за поворотом коридора.

Некоторое время ничего не происходило. Затем где-то в недрах театра что-то громко зарычало, затарахтело. Надя прижалась спиной к стене, готовая защищаться.

Вернулся Клык. Нажал на еле заметную выпуклость на стене, и под потолком вспыхнул свет. Надя зажмурилась.

— Мы не включаем его, но ты же человек. Вам важно все видеть, — сказал парень.

Надя открыла глаза.

Широкие пыльные люстры под потолком были увешаны не кровавками, а мелкими грушевидными стеклянными бутылками. В них горели неровным желтым светом тонкие нити.

По широкой парадной лестнице Надя поднялась вслед за волком в главный зал. Здесь не было окон и было почти не холодно. Пахло псиной и человеческим дыханием. Свернувшись, сидя и стоя, отдыхали волки.

Надя остановилась. Животные поднимали головы, смотрели в ее сторону, принюхивались. Клык крепко взял ее за запястье и повел за собой.

Они поднялись на сцену, и Надя обернулась — зал был переполнен людьми.

— У нас гостя. Чародейка.

Люди в зале заволновались, зашумели.

— Пойдем.

Через закулисы они вышли в длинный коридор, как и фойе освещенный желтым мигающим светом. Клык открыл одну из комнат, и они оказались в гримерке.

Здесь был туалетный столик с запыленным зеркалом, кресло, вешалка с ворохом столетних шуб и софа.

— Оставайся тут. Отдохни. Поспи.

Следом за ними вошла девушка. Она принесла мясо.

— Мы не жарим его... — предупредила она.

— Уверен, чаровница что-то придумает.

Надя кивнула, улыбнулась.

Девушка у двери стала волчицей, легла на пол, положив голову на лапы. Клык в человеческом обличье, сел на софу, поджав ноги.

Надя сотворила огненный знак, опустила его на кусок сырого мяса. В комнате запахло жареным. Волчица у двери заерзала, заскулила, вдыхая незнакомый аромат. Чародейка разделила мясо на троих, и волки не стали отказываться.

После еды Надя села на софу рядом с Клыком.

— Ты обещал рассказать мне о тенях, — напомнила ему Надежда.

— Что тут говорить. Марина наслала на берег смерть. В то мгновение, когда море отступило от берега, собираясь с силами для удара, тени почувствовали беду. Почувствовали и испугались. Люди слишком увлеклись войной. Никто не придал значения внутренним голосам. Ночь уходила на запад, близился рассвет, близилась смерть... Тени струсили. За полчаса до смерти, до рассвета, они бросили хозяев и ушли на запад, а затем, прячась в оврагах и в лесных чащах, вернулись на север. Вернулись и остались.

Клык зевнул, поменял позу. Рассказ продолжила девушка-волчица:

— Тени жили в подворотнях знакомых улиц, пристыженные, никем не замеченные. Успокаивали себя тем, что дома и что скоро все забудется, а люди стали покидать эти места. День за днем, месяц за месяцем, год за годом — и вот кроме волков и теней в снежном краю никого не осталось. Мы, волки, те, кто особенно сильно скучал за людьми, вернулись в города. Волки слышали, что рассказывали тени. Они стыдились и скучали по людям, мы тоже скучали. Вот так мы взяли их себе... Теперь у нас две тени, а ты можешь видеть нас людьми.

Помолчали.

— Нам хорошо с ними, но с каждым годом их становится все меньше. Я думаю, их хозяева, там, в Царстве Мертвых, умирают окончательно, — снова заговорил Клык.

— Почему вы никому не рассказали этого раньше?

— Кому? Люди давно не приходят на север, а с богами мы не говорим. Боги погубили наш край, наши города и наших хозяев. Ни одному из них мы не верим.

— Так почему вы доверяете мне?

— Время пришло, — ответила волчица. — Старейшины умирают, молодые рождаются с одной тенью. Скоро мы останемся единственными,

кто помнит правду...

Клык ласково коснулся своей человеческой тени.

— Нам пора отпустить их. Осталось слишком мало тех, кто сможет вернуться. Ты — чаровница. Помоги нам.

Чародейка задумалась, и волки не мешали ей. Наконец она тяжело вздохнула и опустила ноги на пол.

— Клык, тут еще живут драконы?

Парень покачал головой.

— Нет. Они все подо льдом. Мы долго живем здесь, но видели лишь кости. Зачем тебе нужен дракон?

— Мне нужно в мир богов, Клык. Очень нужно.

— Зачем?

— Поговорить с Яроком. Если и есть кто-то, способный помочь мне и вам, — это он.

— Ты сможешь нам? — спросила волчица.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Хорошо, чародейка. Тогда завтра утром я отнесу тебя в Рай, — сказал Клык. — Завтра. Утром.

Когда волк мягко толкнулся ей в плечо теплым носом, вокруг еще было темно. Утро волки чувствовали как-то по-своему. В полумраке Наде снова принесли кусок сырого мяса, который она снова поджарила магией. Поела.

Зал оперного театра теперь был пуст. Клык провел ее между рядами и вывел за собой.

— Поедем, когда откроются Ворота, — сказал Клык. — Садись мне на спину, чаровница, и держись изо всех сил.

Чародейка подошла к зверю и залезла ему на спину, обняла за шею, и Клык рванулся с места.

Они неслись через серебрящийся снегом и лунным светом город, и тени бросались прочь из-под звериных лап.

Небо на горизонте, свинцово-синее от туч, тяжелое, похожее на поверхность далекого океана, подсветилось изнутри солнцем. Над горизонтом появилась и стала шириться яркая, золотая полоса.

Город остался позади. Девушке казалось, что они неслись через него, как ветер, но сейчас, ступив на неровную поверхность застывшего моря, волк мчался все быстрее и быстрее. Ледяной вихрь ударил в лицо, обжег кожу, сорвал с головы капюшон. Надя прижалась щекой к мягкой белой шерсти, сжала волчьи бока ногами, приникла к нему.

Быстрее. Еще быстрее.

Полоса над горизонтом медленно разгоралась — открывались Небесные ворота.

Впереди застыл припорошенный снегом ледяной флот. Железные корабли, покрытые льдом словно стеклом, были похожи на статуи. Их здесь сотни, весь военный флот севера, что собирался спуститься по Неяде к Цветному морю, на помощь драконьим войскам.

Они были уже в паре шагов от первого корабля, когда волк вдруг прыгнул. Надя испугалась, что сейчас упадет, схватилась немеющими от холода пальцами за шерсть, ожидая, когда волчьи лапы коснутся древней кормы, но Клык перелетел через корабль, мягко коснулся лапами заснеженной глади моря и снова поднялся в воздух в огромном плавном прыжке.

Волк нес ее среди мертвых кораблей, чудом уворачиваясь от столкновения, и Надя видела людей, вмерзших в палубы. Видела ужас на их покрытых льдом лицах. Клык не дал ей всмотреться в покойников. Еще несколько прыжков над мачтами — и они взмыли в воздух. Умом Надя понимала, что им никогда не догнать горизонта, но кончики пальцев начало покалывать от ощущения колдовства.

Свистел ветер в ушах. Небо распахивалось перед ними, раскрывалось все сильнее, словно кто-то настойчиво стягивал со стола скатерть, обнажая золото. Еще один рывок.

Золотая завеса шелком коснулась кожи, и воздух вокруг сразу стал медовым и теплым. Надя зажмурилась от яркого света, Клык сделал еще один прыжок и остановился. Чародейка открыла слезящиеся от света глаза.

Вокруг была снежная пустыня. Белые барханы, позвякивая под ветром, плавно перетекали друг в друга. Пустыня вокруг была в вечном движении, словно медленное сонное море. Надя присела и коснулась песка рукой. Ладонь занемела от холода, намокла. Песок был мелкими льдинками.

Волк настороженно принюхивался. Надя запрокинула голову, любуясь звездным небом.

— Нам туда, — парень махнул рукой куда-то на восток. — Пойдем, тут не далеко.

Снежный песок поскрипывал под ногами, Надя была рада, что не сбросила медвежью шубу, подаренную Лешим. Они шли около получаса в направлении, которое выбирал Клык. Надя уже начала сомневаться в нем, как вдруг увидела зарево.

Оно разливалось по всему горизонту, растягивалось в ровную полосу, и чародейка поняла, что это городская стена.

— Что это за место, Клык?

— Небесный город Рай.

— Клык, почему ты сам не приходил к Яроку? Если вы знаете дорогу в Рай, почему не приходили сюда раньше?

— Рай — особый город, госпожа.

Он присел, ласково погладил человеческую тень, словно приласкал дворнягу. Потом посмотрел на девушку снизу вверх.

— Тех, кто носит слишком много теней, не пускают в Солнечный город. То, что мы сделали, — противоестественно, госпожа. Только с тобой, чаровницей, я могу надеяться попасть в город Хорса.

— Что ж, давай попробуем!

Ограда Рая была создана для великанов. Частые золотые прутья переплетались, образуя рисунок тонких высоких яблонь, и уходили вверх, к звездному небу. Здесь не было ворот. Далеко на севере, прорезая снежную пустыню и поднимаясь дальше к Млечному Пути, росла Великая Яблоня, наполняя небесный край ароматом яблок.

Чародейка толкнула решетку, но та не поддалась. Надя задумалась. Клык втянул носом воздух и посмотрел туда, откуда они только что пришли.

— Пахнет водорослями, морем и грозой. Нам нужно спешить.

Надя уперлась ладонями в решетку, налегла на нее всем весом, но та даже не дрогнула. За ее спиной громко, так что на мгновение заложило уши, прогрохотал гром. Надя обернулась.

Весь горизонт от белой пустыни до звездного неба был затянут темно-сизыми, тяжелыми облаками. Стена грозовых туч волновалась как море и приближалась, сжимая круг вокруг Рая.

— Нас сметет и уничтожит, если не войдем.

Надя раскинула руки, попробовала вязать заклинание, но ничего не вышло. Она не чувствовала здесь своей силы.

— Ярок! Хорс! Сурья! Бальдр! Элиос! Именем матери-Ины и именем Яна-отца, явись нам!

Ничего не произошло. Грозовая стена приближалась. До нее оставалось несколько миль, но она двигалась слишком быстро. Ударила сиреневая сеть молний, и Надя еле успела прикрыть уши, когда до них докатился раскат грома. Казалось, от грохота задрожали даже кости в теле.

Клык стал волком. Он повернулся мордой к грозе и зарычал. Надя потеряла ладони, разогревая кровь, снова попробовала колдовать, но магия осталась в мире людей, здесь она была не могущественней своего

спутника.

— Эол! — что есть силы, закричала она. Голос утонул в новом раскате грома.

— Сарма, Трамантана, Эол! Именем твоей бабушки-Ины и...

— Тс-с-с! Не тревожь покойников!

Надя так обрадовалась ему, что, не стесняясь, тут же бросилась на шею. Эол рассмеялся, крепко обнял ее и тут же отпустил. Все вокруг вновь расцветило сиреневой зарницей.

— Ох ты!!! — Он тревожно посмотрел на близкую грозу. — Марина будет здесь через несколько минут... Лучше убирайся отсюда, тетушка.

— Мне нужно увидеть Ярока. Немедленно!

— Мне жаль, но ничего из этого не выйдет.

— Отнеси нас к нему, Эол.

Стена из дождя, грозы и моря была уже так близко, что их обдавало водяными брызгами.

— Я отгадала твою загадку, бог-ветер. Я знаю, чей ты сын.

— Ответь, и я выполню свое обещание. Я исполню твое желание.

Он не сводил пристального взгляда, больше нее боясь, что она ошибется. Надя улыбнулась.

— Это просто. Ты сын солнца и моря, Эол. Твой отец — Ярок, мать — Марина.

Волна ударила в золотую решетку, затрещали, пробегая по кованым яблоням, белые молнии, но возле ворот уже никого не было.

Наде показалось, что они оказались в костре. Все вокруг было наполнено золотым, оранжевым и слепяще-белым пламенем. Огонь закручивался в вихри, опадал и снова поднимался к высокому потолку комнаты, но не жег. Чародейка прикрыла глаза ладонью, жалея, что у нее нет очков, как у пана Руша. Попробовала оглядеться.

Они были в золотом замке. Стены комнаты сложены из золотых слитков, потолок, пол, даже рамы на окнах были покрыты желтой позолотой. Окон было два. За тем, что на левой стене, мягко розовело утреннее небо. Далеко внизу, между облаками, можно было рассмотреть землю: побережье, косой выступающее в море, темное пятно городка в тени косы и рыбу чешую моря. Окно на стене справа было плотно занавешено многослойным бледно-голубым шелком.

Сама комната была почти пуста. Кушетка у дальней стены, посреди комнаты широкое кресло и кофейный столик рядом. В кресле, прикрыв глаза, полулежал мужчина.

Эол мягко тронул Надю за локоть.

— Это и есть Ярок. Только, как видишь, он ничем тебе не поможет.

Чародейка подошла к креслу, поклонилась, но бог даже не вздрогнул. Он был похож на южанина — белокурые волосы и загорелая кожа. На вид ему было около тридцати пяти, высокий, широкоплечий, крепкий. Между красивыми выгоревшими до белизны бровями залегла глубокая морщина. Он крепко вцепился в подлокотники кресла. Его пальцы временами судорожно вздрагивали. Ярок не выглядел спящим, скорее больным.

— Что с ним?

Эол пожал плечами.

— Не знаю. Марина говорит, что он умирает.

— Я думала, что боги бессмертны.

— Он не умрет в твоём понимании смерти, Надежда. Просто однажды перестанет быть богом, олицетворением солнца, а превратится в звезду на небе. Так уже случилось с бабушкой и дедом.

— Как давно он такой? Лет пятнадцать?

— Он всегда был высокомерным и держался в стороне, мне сложно сказать.

— Но вот это состояние? Как давно?

— В последний раз я говорил с ним лет пять назад.

Клык, стоявший все это время у зашторенного окна, втянул носом воздух и тихо заскулил. Надя обернулась, и волк подошел ближе. Остановился рядом в человеческом обличье.

— Мы зря пришли. Я снова чую запах грозы.

— Марина не оставит вас в покое.

Надя посмотрела на мужчину в кресле.

— Эол, что, если это не его желание? Ты знал, что она создает чудовищ, которые нападают на Побережье?

— Нет.

— Леший и Марк не соперники ей. Мокошь не вмешивается в дела людей и богов. Роджер мог бы поспорить, но появилась я, и теперь он спит в замке Мака. Не считая Ярока, она могущественнейшая богиня Яблоневого Края. И какое странное совпадение: он каждую ночь приходит отдохнуть в ее покои и год за годом теряет себя...

— Ты говоришь глупости! Она никогда не навредила бы ему! Они любят друг друга веками... — Уверенности в его голосе не было.

— Ярока нельзя усыпить, верно? Он — солнце и луна, а поэтому просто сожжет Спящий замок. Здесь что-то еще.

— Море рядом, — сказал Клык.

Надя вспомнила, как Марина ласково перебирала волосы солнечного бога и, прежде чем Эол понял ее порыв, она подошла к спящему.

Легкокрылый успел лишь коротко вскрикнуть: с начала времен никто кроме Марины не прикасался к Яроку.

Надя опустила руку на голову бога. Она была готова обжечься, но волосы у него были мягкими, и лоб, несмотря на испарину, — холодным. Надя погладила Ярока по голове, запустила руку в густые волосы и сразу почувствовала под пальцами тонкие иглы.

— Что ты делаешь?!

Надя нашла золотые шпильки, совершенно незаметные в золотых волосах. Она достала одну, и солнцеликий бог застонал. Еще одна, и еще.

— Марина рядом! — крикнул Клык.

Эол схватил чародейку за руку, посмотрел широко раскрытыми глазами.

— Я понял, Надя. Я разбужу его, но сейчас — уходи!!!

В следующее мгновение Надя и Клык стояли у входа в заброшенный Оперный театр, рядом с заледеневшими скульптурами солнцеликого бога...

— Что теперь? — спросил волк, засовывая руки в карманы брюк и покачиваясь на пятках.

Надя огляделась. Небо затягивало грозовыми облаками, чужими этому краю.

— Я не беру назад сказанных слов. Я обещала помочь вашим теням и сделаю это.

— Как?

— Отправляюсь на юг, за Серую Завесу. Мне нужна помощь, и я надеюсь найти ее в Царстве Мертвых. Ты хотел вернуть тени их хозяевам? Я отведу их туда.

Клык перестал раскачиваться, посмотрел на нее.

— Значит, это конец? Для нас и для них?

Надежда пожала плечами.

— Решать вам. Я иду в Хель, и тени, которые найдут в себе смелость вернуться к хозяевам, должны идти со мной.

— Дай нам немного времени, чародейка. У нас не было возможности попрощаться с хозяевами, так дай проститься хотя бы с их тенями.

Белый волк поднял морду к небу и завыл. И Надя снова не увидела, как они появились: волки вышли из теней, поднялись из снега. Остановливались вокруг, становились людьми. В последний раз.

— Не торопи их, госпожа, — попросил Клык, садясь на ступени

лестницы, и чародейка терпеливо села рядом.

На горизонте снова вспыхнула лиловая зарница далекой грозы. Надя сняла с запястья деревянный браслет, покрутила, и вдруг у нее в руках появилась деревянная шкатулка.

— Пусть тени войдут сюда.

Она поставила шкатулку у ног и стала ждать, обхватив колени руками. Люди вокруг постепенно пропадали, вместо них на ступенях заброшенного театра оставались волки. Шкатулка у ног девушки наполнялась ночью.

Дождь начался неожиданно. Забарабанил по крышам и спустя мгновение уже был у театра. Клык поморщился и поднял воротник куртки. В воздухе пахло морем.

Надя посмотрела на небо, потом на Клыка. Парень сидел на ступенях, ссутулившись. Ни он, ни его человеческая тень так и не решились попрощаться.

— Клык...

— Что?

— Мне нужна твоя помощь.

— Какая?

— Меня ищет мать вод. Пока я носила этот браслет, она не могла увидеть меня, но теперь все изменится.

Клык криво усмехнулся.

— Чем я могу помочь тебе?

— Потерпи еще немного. Не отдавай свою тень, потому что мне нужен и человек и волк. Отнесите меня на юг. К Серой Завесе.

— Хорошо.

Надя знала, что он так ответит, но должна была его предупредить:

— Это опасный путь. Меня ищет богиня, а люди ненавидят.

Парень пожал плечами.

— Ты попросила — я согласился. О чем тут еще говорить?

Волки ушли. На пустой площади перед театром остались лишь Надя и Клык. Небо снова расцветилось сиреневым заревом молний. Почти сразу гулко ударил гром.

— Ты должен отправиться на Последнюю Лестницу.

— Я понял тебя, чародейка.

Она порывисто сняла с шеи кожаный шнурок с волчьим клыком и протянула парню.

— Тебе придется бежать через лес. Не знаю, поможет ли он тебе, но возьми...

Чародейка вошла в шкатулку вслед за тенью, и Клык плотно закрыл крышку.

— Привет, волчонок, — раздалось слева.

Клык обернулся, но обращались не к нему. Черноволосая женщина, укутанная в бирюзовый шелк, присела на корточки перед Синей. Волчица оскалилась, а богиня тихо рассмеялась:

— Не рычи, дурочка. Ответишь на мой вопрос, и я навсегда сделаю тебя человеком. Хочешь?

Клык не стал ждать ответа. За пеленой дождевых капель, шумно бьющих в ледяной снежный наст, женщина в бирюзовом не заметила его. Он взял в зубы деревянную шкатулку и побежал прочь из города.

Он мчался по знакомым с детства улицам, убегая от дождя. Перепрыгнул остатки городской стены и понесся дальше к холмам, где его стая охотилась на северных оленей и мохнатых злых туров. Дальше! Еще дальше!

Горы. Сюда волки не приходили. Он бывал здесь украдкой, втайне от стаи. Тут были брошенные драконьи пещеры, гигантские муравейники, пронизывающие серую скальную породу. Рядом с ним по белому снегу слева и справа летели его тени. Волчья и человеческая.

Клык задержался в одной из пещер. Снял с костей неудачливого грабителя могил дорожную сумку, сложил туда ларец и немного драконьего золота. На улице шел дождь, и Клык остался здесь на ночь. Он спал, пока в воздухе не запахло рассветом, потом вышел из пещеры и по скользким от ночного ливня камням побежал дальше.

Горы закончились, и дальше он бежал большими, летящими прыжками. Волк спешил на юг.

Далеко на северо-западе, в городе Калине, ждал от Надежды вестей Янек Эльзонт.

Была ночь. Мужчина вздрогнул во сне, перевернулся на другой бок. Кольцо, внезапно ставшее большим для его пальца, соскользнуло, покатилося по деревянному полу, проскочило в щель под дверь и выкатилось в коридор.

Его заметила хозяйская кошка, ударила лапкой, играя. Кольцо докатилось до лестницы и запрыгало по ступеням.

Внизу торговец с Побережья расплачивался с хозяином гостиницы. Его шестилетняя дочь скучала, сидя на чемодане. Колечко подкатилось к ее ногам, и девочка подняла его.

— Пора, Грася, — сказал отец. Девочка сжала колечко в руке и побежала следом за торговцем.

К полуночи Клык достиг леса.

Здесь было много новых запахов, и он растерялся. Пришлось заночевать под широкими лапами ели. Когда в воздухе запахло рассветом, к нему пришли лесные волки и их пастырь. Мохнатый, длинношей, с молодым человеческим лицом, он внимательно посмотрел на оскалившегося Клыка, поцокал языком.

— Что не так с тобой и твоей шкатулкой, мальчик? — спросил он по-человечески.

Клык не ответил.

Волчий пастырь прищурился, разглядев шнурок на шее Клыка, что-то для себя отметил и усмехнулся.

— Куда тебе надо, мальчик? Не бойся, я не обижу того, кто носит мой подарок.

— На юг, — прорычал Клык.

— Проведите его, — приказал пастырь.

Торговец Сибор с дочкой Грасей прибыл в Порт-Вейт. У них было полчаса времени между пересадками с Северо-Восточной ветви канатной дороги на Юго-Западную. Было четыре часа утра. К ним подошли двое. Посмотрели на большое количество чемоданов, на девочку и предложили услуги носильщиков. Сибор пожевал губами, посмотрел вокруг, но выбора не было, и он согласился.

Чемоданы отнесли к темному углу здания, там двое достали ножи и забрали все деньги, золотые часы Сибора, золотые сережки Граси и ее железное колечко.

Дальше воры пошли в порт и продали украденное. Железное кольцо оказалось лишь ржавым железным кольцом. Один из грабителей подарил его в шутку своей подружке, портовой девке Божене.

Божена подарок приняла, но надевать ржавое кольцо не стала, бросила в комнате в шкатулку с другими, такими же бесполезными побрякушками.

Двадцать дней Клык бежал на юг за лесными волками. Они были медленнее его, но знали дорогу, и Клыку тоже пришлось замедлиться. Лес

казался бесконечным. Дни сливались в неровную череду бега, охоты и сна.

Теплело. Вокруг начал пропадать снег. В небе появились черные силуэты канатных дорог, а в воздухе — запах дыма.

Волки бежали на юг.

В Морин-Денизе, Нижнем Еленграде и Касте прошли торжества, посвященные Марине-Заступнице. Были заживо сварены в молоке морских кобылиц семнадцать человек. Мертвецов, которые даже после этого отказывались умереть, разрубили на куски и бросили в море.

Он снова был один. Лес закончился, началась длинная прибрежная степь. Высокая трава была похожа на море, она волновалась под ветром, простиралась до горизонта. Клык встречал стада диких лошадей, незнакомых птиц, больших и маленьких. Он видел следы больших диких кошек, но людей здесь не было, лишь возвышались покинутыми манками железные столбы — опоры канатной дороги.

Второй раз в жизни Клык попал под дождь.

Дождь ему не нравился. Он проникал в подшерсток, мешал смотреть. Клык все пытался сбросить с себя воду, отряхивался, но вода была упрямой.

В Морин-Денизе солдаты Ордена Доблести и горожане прознали, что госпожа Ван Варенберг прячет у себя переселенцев из Северной Варты.

Ночью двенадцать человек с факелами и ружьями пришли к дому на улице Цикория, но войти не смогли.

У ворот их встретили двое — капитан Алых Мундиров и парень с железными руками. Когда подросел королевич Елисей с отрядом гвардейцев, нападавшие уже отступили. Их мертвецы, забывшие умереть, сидели у забора. Обороняющиеся не пострадали.

Становилось все жарче, и следующему дождю Клык был рад.

Степь сменилась возделанными полями и виноградниками. В небе стали пролетать всадники на лошадях. От лошадей пахло рыбой, они принюхивались, всматривались полуслепыми глазами, выискивая кого-то. Клык им не нравился. Они фыркали, ржали и мотали головой. Он решил, что дальше безопасней идти в виде человека.

В Нижнем Еленграде он сел на канатную дорогу до Зут-Шора.

Кольцо провалялось в комнате проститутки две недели. Потом

очередной клиент решил обокрасть Божену. Он ударил женщину по лицу, пригрозил ножом и стал шарить по столу. Нашел шкатулку, вытряхнул все содержимое себе в карман и вышел.

В тот же вечер в другом кабаке расплатился побрякушками с другой проституткой. Но эта брать железное колечко отказалась, и оно так и осталось лежать в кармане матроса с горстью медных монет.

* * *

В Зут-Шоре Клык сел на корабль к острову Вит, самой южной точке Края, не считая утеса Последней Лестницы.

В одну ночь исчезли храмы Пасии Грины, Милости, Гигеи, Тривии и Камены. В Яблонево Крае больше не было вторых богинь. Отныне в семье богов оставались лишь две женщины: Великая Марина-Заступница и никому не интересная Мокошь...

Клык сошел с корабля в маленьком порту острова Вит. Здесь же, в порту он нашел двух матросов, готовых отвезти его на лодке до утеса, именуемого людьми Последней Лестницей.

В лодке плыли молча. Клык весь день изнемогал от жары и качки, говорить с людьми ему было не о чем. Матросы многозначительно переглядывались.

Они причалили к утесу, и Клык достал из сумки горсть золота.

— Этого хватит?

Матросы переглянулись, кивнули. Клык отдал им все и, не оглядываясь, пошел к пелене тумана.

— Всего и барахла, что сумка. Что в ней? — услышал волк тихий разговор людей.

— Видал? Он и на корабле золото горстями раздавал!..

— И один сюда явился...

Клык обернулся к матросам. Они уже шли к нему. В руках одного было весло, второй достал нож.

— Я вам не по зубам, — честно предупредил их волк.

Ему не поверили, усмехнулись.

— Если так, может, миром разойдемся? Отдай сумку и иди себе.

Клык оскалился, зарычал.

— Чокнутый! — Тот, что с ножом, отпрянул, но отступить не

собирался.

Второй матрос рванулся вперед, замахиваясь веслом, почти попал, но человек перед ним увернулся от удара и вдруг стал белым северным волком. Нападающий взвизгнул и отшатнулся.

Первый матрос, от страха или от глупости, не отступил, подбежал и схватил с шеи волка сумку. Он сразу же бросился бежать, но Клык нагнал его в один прыжок, толкнул лапами в спину. Матрос упал. Высыпались из кармана медные монеты и железное колечко. Деревянная шкатулка покатилась по земле, ударилась о камень и раскололась. Выплеснулись из трещины тени, побежали по земле, вытянулись, поднялись, заслоняя собой лежащую на песке девушку.

Второй матрос уже отчаливал от берега, орудуя оставшимся веслом. Море вокруг Последней Лестницы пошло крупной рябью, хотя ветра не было...

Клык вернулся к Наде и присел рядом. Чародейка сонно потерла глаза, глубоко вздохнула.

— Где мы?

— Там, где ты хотела оказаться. На границе.

Надя, опираясь на его руку, села и посмотрела вокруг. Ее взгляд скользнул по песку, и она вдруг увидела железное кольцо.

Еще не веря в такую случайность, подняла его с земли и почувствовала, как ладонь наполнилась знакомой снежностью.

— Клык, откуда оно здесь?

Он пожал плечами. Надя больше не спрашивала. Чародейка очень обрадовалась, но и испугалась.

«Как там Янек?! Оставила его Марина в покое, зная, что я не в Калине?»

Серая Завеса была похожа на густой туман. Море, лестница и часть берега просто пропадали в нем. Пенились волны, облизывая каменистый утес. Небо над ними стремительно заволакивало грозowymi тучами.

Надежда посмотрела на Клыка. Черноволосый парень и белый волк. Здесь, в шаге от Царства Мертвых, она видела их обоих. Клык был и тем и другим одновременно, и от этого у Нади шумело в голове. Парень усмехнулся.

— Ты должна принять меня таким, какой я есть. Иначе голова лопнет.

— Спасибо за все. Дальше я сама.

— Я могу пойти с тобой. Моя тень проведет меня.

— Не надо. Я могу не выйти обратно. Ты сделал все, о чем я просила,

теперь моя очередь выполнить обещание.

Она тяжело поднялась, еще слабая после долгого сна, позвала их мысленно, и тени услышали ее, послушно легли за спиной черным шлейфом. Ждать больше было нечего, и Надя вошла в Серую Завесу.

Шаг. Еще один... Она наивно представляла, что Завеса окажется пеленой, но ошиблась. Чародейка шла и шла, а туман никуда не исчезал. Влажный, холодный, он плотно обступал ее со всех сторон, так что Надя не видела собственного тела. Здесь не было ориентиров, не было звуков, не было запахов. Ей стало страшно.

Она не видела, как тени вошли за ней в Завесу, но чувствовала их. Следом за ней двигались еле различимые силуэты людей. Справа мелькнул белый волчий бок и кожаная куртка. Клык отстал лишь на шаг. Ругать его было поздно, и, честно говоря, Надя была рада его молчаливой поддержке. Клык догнал ее, крепко взял за руку. Его человеческая тень бежала перед ними, и чародейка доверилась своим темным проводникам. Идти стало легче.

Тени северных воинов окружили их плотным кольцом. И чем дальше Надежда и Клык шли в тумане, тем увереннее становились тени. Они шли позади, затем рядом и вот уже обогнали живых, будто видели и чувствовали что-то, доступное лишь им.

Туман закончился внезапно, и перед ними раскинулось каменистое, безжизненное плоскогорье. Слева и справа, у самой границы Царства Мертвых и Серой Завесы, выстроились в ровную цепь огненные великаны. Один из них стоял в пяти шагах справа от Надежды и Клыка. Он был лишен кожи, словно она расплавилась на нем, обнажив огненную, кипящую плоть. А вот глаза у него были человеческие, светло-серые, полные страдания и гнева. Надя уже видела такой взгляд. У калек из госпиталя ветеранов в Морин-Денизе.

Клык заслонил ее собой. Тени, почти осязаемые в этом мире, обретшие если не плоть, то форму, остановились в двух шагах впереди, безучастные к происходящему. Их всех манила далекая белая вершина горы, они неотрывно смотрели на юг, почти забыв о своей провожатой.

Великан взмахнул огненным хлыстом, огонь ударил по камню, оплавил его. Надя заслонила лицо от каменной крошки, но с места не двинулась. Клык зарычал, а великан вновь занес руку с хлыстом. Надя мягко отстранила волка и смело посмотрела в серые глаза.

— Мне жаль тебя! — честно сказала она.

Клык приготовился к прыжку, но великан так и не опустил руку. Он замер, заморгал, всматриваясь в девушку, и вдруг тяжело опустился на

колени.

От него веяло жаром, пахло горелым мясом и смолой, но Надя не отвернулась.

— Я пришла зажечь маяк, — сказала она великану.

Он не ответил, но больше не грозился напасть. Он раскрывал рог, но вместо языка у него был огненный вихрь. Великан силился что-то сказать и не мог.

— Идем!

Клык решительно потянул ее за запястье. Надя хотела помочь огненному великану, но не знала как. И они с Клыком ушли.

Пустыня казалась бесконечной. У девушки болели ноги, хотелось пить, а гора приближалась очень медленно.

Тени северных воинов упрямо шли вперед, не сбавляя шага, и вновь Наде пришлось принять помощь Клыка, потому что ее человеческих сил было недостаточно. Надежда села волку на спину, и дальше он нес ее на себе.

У подножья горы начинался лес. Надя издали заметила, что кора деревьев слишком розовая и светлая, но, лишь когда Клык резко затормозил на кромке леса, поняла почему.

Деревья были живыми. Похожие на руки великанов, они росли без листьев, без коры, покрытые тонкой человеческой кожей. На стволах выступали лица, по три-четыре на дерево. Они смотрели на девушку. Рты открывались в крике, но лес оставался безмолвным.

Клык оцепенел от ужаса, а Надя вспомнила юношу с красивыми глазами.

Волк хотел бежать дальше, но Надя соскользнула с его спины, подошла к ближайшему дереву и ласково погладила кору-кожу.

— Мне жаль.

Из глаз на живых деревьях побежали слезы, и Надя, не дрогнув, вытерла их рукой.

Клык молчал, опустив морду почти до земли. Белая шерсть на загривке стояла дыбом. Дальше Надя снова шла сама.

— Давай я понесу тебя! — предложил волк. — Ты не должна видеть это!

Надежда покачала головой:

— Еще не время, Клык. Я должна хорошенько рассмотреть мир Роджера и его подданных. Если я хочу любить его, я должна принять его мир. Не жалею меня, сочувствуй им!

Клык приняхивался и не поднимал взгляда от земли.

К своему стыду, он не почувал их. В лесу не добавилось ни одного нового запаха, он не услышал ни одного нового звука, но дорогу им вдруг преградил огромный черный пес. Клык сразу прыгнул вперед, становясь между девушкой и зверем. Пес щелкнул зубами, повел глазами, затаенными бельмами. Его собратья вышли из-за деревьев, окружили незваных гостей и зарычали: Клык им не нравился.

Клык зарычал, и Надя тут же крепко сжала его руку.

— Не трогай их! Нам не справиться.

— Будем удобным кормом, спокойным таким.

— Я не чужая здесь, Клык. Я с рождения предназначена этому миру, так что давай просто узнаем, что меня ждет. Доверься мне.

Она сделала несколько шагов навстречу первому псу, протянула руку с железным кольцом...

Зверь оскалил клыки, размером с ее ладонь, но не напал. Он почувал кольцо, жадно втянул воздух, потом лег на землю и тоскливо заскулил. Слепые звери подошли совсем близко, тыкались мордами девушке в плечи, вдыхали запах и подхватывали плач. С верхних ветвей сорвались в небо стаи гарпий, ледяной ветер с гор пробежал по лесу, вспыхнуло зарево на границе Серой Завесы, словно все великаны разом взмахнули огненными кнутами...

Надя стояла растерянная.

Она так долго боялась Царства Мертвых, представляла все самое отвратительное и страшное, старалась отстраниться от него, а, оказавшись здесь, внезапно почувствовала себя дома. Она не единственная! Весь этот мир тосковал о Роджере! Огненные демоны и черные псы, земля и ветер, горы и реки. Они ждали его, скучали и волновались, но лишь она одна могла что-то сделать!

— Нам нужно спешить, Клык, — твердо сказала чародейка.

Волк присел, подставляя ей спину, и они понеслись между розовых теплых деревьев.

Вокруг становилось все холоднее, в воздухе начали пролетать снежинки. Надя крепче прижалась к теплой спине волка. Вершина горы была словно срезана ножом. Здесь разлилось ледяное озеро, а на противоположном его берегу вздымался к небу белый маяк.

Тени столпились у кромки замерзшей воды, ожидая отставшую чародейку и Клыка. Возбужденные, усталые и пристыженные, они будто ждали чьего-то разрешения...

Те, кто вышли к ним навстречу, были еще менее осязаемы, чем тени,

которые Надя привела с собой. Полупрозрачные, похожие на дрожание воздуха над горячим песком, они сходили с берегов озера, шли к ним навстречу и останавливались в двух шагах напротив.

— Пожалуйста, простите их! — попросила Надя обитателей озера.

Ничего не произошло.

— Простите их! — повторила Надя. — Они осознали собственную трусость и уже достаточно наказаны, а способность простить — величайшее благо. Позвольте им искупить свою вину! Не оставайтесь несчастными кому-то в наказание!

Ничего не происходило.

— Простите их. Просто отпустите обиду, пока она не уничтожила вас. Люди, идущие за королем в чужую страну убивать, и их трусливые тени! Все вы ошиблись!

Одна из душ сделала шаг к ним навстречу, и Клык вздрогнул. Его тень потянулась к незнакомцу. Клык не удержался, сделал шаг за своей тенью. Еще один. И еще.

Одно короткое мгновение они стояли друг напротив друга. Клык и хозяин его тени. И тень, словно не решаясь кого-то выбрать, стояла между ними. Клык сам отступил назад, оставляя ее хозяину, и Надя видела, как он сжал кулаки.

Тени и призраки озера медленно пошли навстречу друг другу, и берег стал наполняться людьми.

— Спасибо. — Он был очень похож на Клыка-человека. Бледный юноша с короной в черных волосах. Голос молодого короля был глубок и холоден, как озеро Коцит. — Спасибо, что вернула нас друг другу, госпожа. Отныне и до конца — мы твои верные слуги. У нас не много времени осталось в этом мире, но что бы ты ни приказала — мы подчинимся.

Надя подумала:

— Оставь Клыку тень.

Молодой король долго смотрел ей в глаза, и Надя взгляда не отводила.

— Как скажешь, госпожа.

Король присел, положил руку на тень и тихо прошептал что-то на незнакомом языке, потом поднялся, посмотрел Клыку в глаза.

— Ты должен быть достоин этого подарка, волк. Должен не только ей, но и мне, и всему северу. Помни об этом.

Тень ласково прижалась к волчьим лапам, и молодой король пропал, а перед девушкой снова стоял Клык. Только теперь и в его волосах тускло блестела призрачная корона.

— Я не просил тебя! — рассердился волк. — Я не хочу!

— Я знаю, почему ты пошел сюда со мной. Ты слишком долго был наполовину человеком, чтобы жить дальше лишь волком. Мой подарок будет не легким бременем. Север принадлежит теперь волкам и тебе. Сам решай, что с этим делать, а мне пора.

Внутри маяка уходила вверх узкая винтовая лестница. Здесь пахло сыростью и сухой травой, было пыльно и одиноко.

Чародейка стала подниматься. Круг, еще один, и еще... Лестница вилась серпантинном и не желала заканчиваться. Когда Надя поднялась на площадку ланternы, ей казалось, что она сейчас выплюнет собственные легкие.

В фонарном помещении было холодно и пусто. Сквозь пыльные стекла в комнату падал рассеянный свет заgrabного дня. В середине комнаты, на каменном постаменте стояла железная лампа под синим, стеклянным абажуром. Надя подошла к ней, притронулась кончиками пальцев — лампа была холодной.

За ее спиной кто-то появился. Надя не видела, но чувствовала, что в комнате не одна. Она медленно обернулась.

Это была Марина.

— Все закончилось, смертная.

Богиня небрежно расположилась в плетеном кресле, закинув ногу на ногу.

— Ты сыграла свою роль, так что пора заканчивать этот спектакль. Ты верткая, как угорь, но теперь — все. Роджер никогда не проснется, Мак позаботится об этом.

Богиня засмеялась и лениво поднялась ей навстречу.

— Ты больше не нужна, рыбка. Теперь здесь новая хозяйка.

Надя прищурилась.

— Так себе хозяйка. Ты в своем новом доме даже огонь разжечь не можешь.

— Мне он ни к чему. Это заботы людей, а не богов.

Надя сжала кулаки.

— Да что с тобой?! Тебе плевать на людей, на богов, на родных и на любимых! Почему бог мертвых с железными обручами на сердце добрее, чем мать вод, хозяйка источника жизни?!

— О! Ну теперь все встанет на свои места. Твой Роджер никогда больше не наденет корону мертвых. Теперь здесь я королева, жестокая и бессердечная, какой и полагается быть хозяйке заgrabного мира!

— Нет, не полагается, — твердо сказала Надежда, и по ее спине

прошел холодок. — В мире людей действуют человеческие законы, справедливые или нет. Но здесь, в мире Роджера, законы божественные, его законы! После смерти люди имеют право на справедливость, и не тебе быть здесь хозяйкой.

— А кому? Тебе, что ли? — Богиня расхохоталась и поднялась из кресла. — Кольцо не меч.

Надя знала, что должна сделать. Она так долго бежала, сопротивлялась и пыталась избежать этого, но теперь, оглядываясь назад, вдруг поняла, что оказалась в нужном месте — дома. И она приняла себя, свою судьбу, свое место в мире. Приняла и рассмеялась над собственными страхами, над всеми предрассудками, в которые верила.

Марина хмурилась, чувствуя, что что-то идет не так.

— Я пришла сюда просить армию, — сказала Надежда. — Умолять о помощи. Но не нужно просить и требовать не нужно. Ты не будешь править этим миром, мать вод, потому что у него уже есть хозяева. Это королевство моего Роджера и... мое. Я — Черная царевна, я — Царица мертвых, госпожа и мать, супруга и хозяйка. Это, — она повела руками вокруг, — мое единственное царство, и я отрекаюсь от других. Здесь не будет других царей кроме него, не было и не может быть. И пока он спит, я буду хозяйкой. Я принимаю мою корону. И мои ножницы.

И Царство Мертвых — от заснеженной вершины горы Флегии до границ Серой Завесы, от камней города Хель до льда озера Коцит, от огненных великанов до последней страждущей души — дрогнуло.

По коже Надежды прошла дрожь.

Потянулись к ней незримые нити. Завязались на кончиках нервов, стали продолжением рук. Мир Роджера склонился перед ней, и как она признала его, так и он принимал ее, свою хозяйку, свою царицу, первую и единственную.

Кольцо соскользнуло с пальца, упало на пол и превратилось в старые большие ножницы.

Марина вскочила с места. Рассерженная, испуганная...

Надя подняла ножницы с пола. От тепла рук металл стал мягким и податливым, вытянулся в змею. Змея, шелестя металлическими чешуйками, поползла из ладони в ладонь, укусила себя за хвост, замерла и стала короной.

— Стой!

Надя посмотрела на Марину, улыбнулась и надела корону на голову.

Порыв ветра прошел от маяка до границы с Завесой.

— Убирайся вон из моего дома, — приказала Надежда.

И первая богиня, мать моря и хозяйка дождя, не смогла сопротивляться. Она рассерженно топнула ногой, но порыв ветра толкнул ее назад, она стала падать и исчезла.

— Что теперь? — спросил остановившийся в дверном проеме Клык.

Надя подняла с пола упавшую лампу, поставила на место, смахнула ладонью пыль, и огонь — синяя бабочка — сам вспыхнул на фитиле.

— Я еще не закончила...

Надежда улыбнулась волку, сделала шаг и оказалась на скалистом утесе рядом со ступенями Последней Лестницы.

Дождь только что закончился. Море волновалось, пенилось у берега, выбрасывая на ступени водоросли. Небо было низким и слоистым, ветер гнал по нему серые облака.

— Продолжим разговор, Иара?!

Марина вышла из соленой пены. Поднялась по каменным ступеням из моря. Каждый ее шаг впечатывался в камень, оставляя глубокие следы в лестнице, тут же наполняющиеся водой.

Богиня была спокойна, предельно серьезна, и любой другой на месте Надежды стал бы соляным столбом или мокрым песком под ее взглядом, но Надя уже не боялась. В ее волосах блестела железная корона, и пусть ей пока не сравниться с первой богиней, но она — последняя Надежда Яблоневого Края и первая богиня с человеческим сердцем.

— Наш разговор, разве он не закончен?

— Нет, Марина... Я знаю, что ты хочешь завоевать мир. Знаю о Маке, о себе и о том, кто создает морских чудовищ. Отпусти Роджера, прекрати мучить людей и забудь о своем заговоре. Он не удался.

Марина запрокинула голову и рассмеялась.

— Ты хозяйка за Завесой, девочка. Допустим. Но мне что с того? Роджер со всем своим вековым могуществом ничего не смог сделать. А что ты можешь?

Море за спиной смеющейся богини пошло рябью и расступилось, выпуская на поверхность морских тварей.

— Ты выбрала себе дом и царство, — усмехнулась Марина, — так не вмешивайся в дела живых. Возвращайся к своим мертвецам, рыбка. По эту сторону ты — пустой звук.

Люди-акулы, голые слепые псы с тупыми мордами, трупно-синие раздувшиеся водяные, безносые и безгубые женщины-рыбы, змеерукие огромные младенцы. Все они, повинаясь приказу, повернули морды на юг.

— Хорошо, что ты зажгла маяк, свояченица. Сегодня ему многих придется призвать...

Марина презрительно отвернулась от Нади... В спину богини ударил порыв морозного ветра. Богиня обернулась и замерла — Серая Завеса пала.

Насколько хватало глаз, у невидимой черты стояла армия мертвых. Впереди — генералы севера на призрачных драконах, позади — огненные великаны, рогатые кошмарные госпожи верхом на черных псах и князя тьмы — черные как ночь духи с пылающими мечами. Над ними кружили гарпии и банши, а за их спинами выстроились мертвецы.

— Ты больше не навредишь людям! — жестко сказала Надежда. — Я еще раз предлагаю тебе отступить, Марина.

Морская богиня фыркнула. Царица мертвых повернула голову к своим генералам.

— Сто тридцать лет вы скитались беспамятные и безумные. Она лишила вас жизни и вашего царства, пришло время отомстить! Ни одна из ее тварей не должна сегодня выжить!

Северные генералы подняли над головой ржавые мечи.

— За Анку!

— За Эрлика!

— За Дита!

И начался бой.

Из моря верхом на морских лошадях поднялись синие нинге. Заплакали банши. Завыли черные псы. Упали вниз, растопырив когтистые лапы, гарпии. Князя тьмы подняли над головами огненные мечи.

Мертвецы на лошадях-скелетах обогнали своих генералов и по Последней Лестнице бросились в воду. Огненные великаны ударили хлыстами, зашипело море, завыли змеерукие младенцы, руками пожирая мертвых солдат, с хрустом пережевывая кости. Люди-акулы развернулись и поплыли на юг к берегу людей. Гарпии, взлетев высоко в небо, упали на них, метя в глаза. Кошмарные госпожи расправили за плечами кожистые нетопыринные крылья, достали из ножен сабли и взвились в воздух, перехватив атаку нинге. Мертвецы раскрутили над головами пращи с острыми камнями и бросили в нов. Несколько лошадей, уклоняясь от камней, опустились слишком низко, черные псы оттолкнулись от земли, подпрыгнули в воздух, впиваясь неосторожным созданиям в ноги, брюхо и шею. В море упала первая кровь.

Марина и Надя, обе невредимые, стояли на последнем островке. Богиня усмехалась.

— Тебе не победить! — крикнула она. — Пока у меня есть Источник жизни, я смогу создавать их тысячами, и все твои мертвецы не справятся с ними.

— Справятся! Мой маяк снова светит, а значит, и моя армия не уменьшится.

— Тогда это бессмысленная война.

— Как скажешь. Но, если она удержит тебя и твоих выроdkов в стороне от людей, я готова вести ее вечно.

— Попробуй, глупая.

— Попробую. После того, как разрушу еще один твой заговор.

Надежда повернулась к богине спиной, сделала шаг... и оказалась на темной улице Калина.

Перед ней возвышалось темное здание золотого храма.

От магии человеческой колело руки, от магии божественной слюна была горькой, как полынь. Надя взяла в себя все, горечь и колкость, и опустилась на колени.

Над лесом, окружающим город, взмыли в небо птицы. Царица мертвых вдавила пальцы в брусчатку, впиалась в ночь на земле.

Птицы опускались на город, вонзали когти в черные крыши, в голые ветви мертвых деревьев...

Надежда, обдирая в кровь пальцы о камень мостовой, сжала кулаки и рванула вверх. Сотни черных птиц взлетели над городом, держа в лапах куски черепиц, обломанные ветки и ночь. Затрещало, отрываясь от Калина, приросшее к городу покрывало темноты. Птичьи лапы были ее руками, птичьи жилы были ее жилами. Сотни птиц были ею. Надежда тянула темноту прочь с города.

Рвались сухожилия, трещали кости. Никогда еще ей не было так больно.

«Я умру, но сниму его!»

Силы человеческие и божественные были на исходе, но на востоке, над самым горизонтом появилась тонкая золотая нить, стала полосой, побежала по горизонту в обе стороны, обнимая город, сомкнулась, начала шириться, превращаясь в ленту неровную и золотую. В Калине, впервые за сотни лет наступал рассвет.

Надежда стояла перед золотым храмом. Руки повисли, но жилы уже срастались. Больно жгло под кожей незнакомое волшебство, и горчило от него во рту. Мак появился на ступенях пагоды. Взбешенный, растрепанный. Сделал к ней несколько шагов. Между богом и Надеей встал Эол. Впервые в жизни она увидела у него в руках оружие. Амэ-но муракумо-но цуруги. Небесный меч из кучевых облаков. Меч бога мертвых.

Мак остановился.

Эол запрокинул голову и долго наслаждался полуденным зимним небом над городом. Все молчали.

На ступенях золотого дворца появилась Марина.

— Я не буду связываться с ней! — сказал Мак в сердцах, поворачиваясь к богине. — Ты обещала мне половину Края, обещала, что сделаешь меня равным первым богам, но равной тебе стала она, а у меня больше нет моего вечного спящего города!

Марина не ответила. Она была взбешена, но сдаваться не собиралась. Она пошла к Наде, темная, бешеная. От нее пахло грозой и кровью.

Надежда достала из кармана горсть острых золотых шпилек и небрежно бросила богине под ноги.

Марина остановилась в двух шагах от ненавистной соперницы. Она не сразу узнала шпильки, но, когда узнала, побелела, как морская пена. Она испуганно посмотрела на небо, туда, где пылал огненный шар солнца.

— Наша битва закончилась, мать вод, — устало произнесла Надя. — Отпусти Роджера и уничтожь своих тварей.

— Ты проиграла, мама, — сказал Эол.

— Посмотрим.

— Не станем, — сказал бог, появившийся рядом с Надеждой.

От него слезились глаза. От него пересыхало в горле. От него жгло кожу. Хорс-Сурья-Элиос-Ярок-Бальдр.

Солнечный бог выглядел усталым, хотя и ярко сиял. Они долго смотрели с Мариной друг на друга. И у морской богини пересыхало в горле, жгло кожу и слезились глаза. Надежда могла только гадать, о чем они думали. О любви? О предательстве?

Марина порывисто вытерла слезы, текущие по щекам. Повернулась к Надежде:

— Забирай своего Роджера!

— Этого мало, — сказал Ярок.

Он смотрел только на Марину. Печально и сурово.

— Я лишаю тебя Истока. Отныне и до конца веков он будет во власти Надежды.

Ярок перевел взгляд на Надю. Глаза у него были светло-карие, как мед.

— Исполни обещание. Исцели тех, кто нуждается в этом.

Он снова посмотрел на Марину. Богиня сжала кулаки, отвела взгляд... и они оба пропали.

Мак поднялся со ступеней храма, отряхнул руки.

— Похоже, разговор закончен.

Двери золотого храма за его спиной скрипнули и открылись.

— Иди, — тихо подтолкнул Надю в спину Эол.

Глаза медленно привыкали к темноте.

Здесь было холодно и сыро, сладко пахло дымом и вином. В конце коридора начиналась знакомая лестница. Надя поднималась по ней все выше и выше, пока ступени не уткнулись в большую железную дверь.

Это был тот самый зал, что она видела во сне, только кандалы, развешанные по стенам, были пусты. Кровать так и стояла в середине и, увидев ее, Надя побежала, не заботясь о новоприобретенном божественном достоинстве.

Оков больше не было. Роджер спал тяжелым глубоким сном.

Надя села на край кровати и нежно провела рукой по колючей щеке. Давно они не встречались так: без спешки, без угроз за спиной. Так давно, что стали незнакомцами друг для друга.

Она сжала руку Роджера.

Нет. Не незнакомцы. Его рука была теплой, родной. Словно располовиненная, Надя вновь становилась целой.

...Роджер глубоко вздохнул и открыл глаза. Увидел ее, слабо улыбнулся:

— Ты в порядке, девочка?

Надежда улыбнулась в ответ. Погладила его по горячему лбу.

— Нам пора домой.

...Они снова стояли с Роджером рядом. Перед ними выстроились мертвецы. Развевались под ветром черные знамена с черепами, кружили в небе гарпии, море слизывало с камней Последней Лестницы недавно пролитую кровь...

Роджер долго молчал, молчала и Надя. Она так много прошла за это время, а сейчас чувствовала себя беспомощной девочкой. Что он скажет?

— Сумасшедшая! Ты в самом деле пустила бы их в царство живых?

— Я не знаю, — честно ответила Надя.

Он всмотрелся в ее лицо. Незнакомая, повзрослевшая. Роджер искал взглядом девочку, которую вел через лес. Не находил.

Она стала красивей, чем он помнил. Линии лица и тела стали мягкими, плавными, пропала робость во взгляде, детская дерзость сменилась спокойным бесстрашием. Она смотрела ему в глаза прямо, на равных. На лице появилось новое выражение — ровное и холодное. Стойкое. Он уже не мог читать ее, как раскрытую книгу. Нужен ли он ей теперь? Давно не осталось на сердце железных оброчей и спрашивать было страшно.

— Ты носишь мое кольцо. Ты приняла мою корону. По-прежнему хочешь прожить со мной вечность?

— Хочу, — твердо ответила Надежда. — Ты — мое сердце, мое царство, и мне не нужно других. Снова будешь гнать меня?

Роджер покачал головой, по-мальчишески взъерошил волосы, потом взял ее за руку, притянул к себе и крепко обнял.

Теплый ветер одобрительно гладил их плечи. Они стояли на границе двух миров, и Надя сама была пограничным столбом — женщина и богиня. Какую сторону выберет?

Вот оно, счастье — прими и лелей! Береги! Не отводи взгляда!

А как же остальной мир? Она спасла лишь юг. А как быть другим? В мире, где крепостные стены превратились в границы, где боги ограничивают людей и сами ограничены собственными предназначениями, она — пограничная — как себя поведет?

Надя верила в людей. Верила, что им не нужны костыли из чудес и чар, чтобы достичь величия. А значит, солнце должно быть солнцем, море — морем, а смерть — неизведанным. Не в ее власти лишить богов имен, но кровь в ее венах способна погрузить их в сон, и ей завещан Исток, из которого боги пьют бессмертие. Остался последний шаг, последнее решение. Как принять его, не предав тех, кто помогал ей? Эола? Лешего? Роджера?..

Надежда прижалась к нему так сильно, как могла, закрыла глаза, вдыхала его запах, слушала биение сердца. Роджер почувствовал ее тревогу, отодвинулся, посмотрел в глаза.

— Говори! — потребовал он.

— Напрасно я не считала свои дороги. Знала бы, как много еще осталось... Я не хочу идти дальше, Роджер. Все прежние пути вели к тебе, а этот уводит прочь.

— Ты не знаешь наверняка. Никто не знает.

— Мне нужно сделать еще один шаг. Тот, который не хочу делать.

— Нити или ножницы, девочка?

Это ей, семнадцатилетней, позволено сомневаться, не ему. Роджер делал этот выбор не раз и не два за три тысячи лет. Он принял решение за долю секунды и впервые засомневался в нем. Но он не сомневался в Надежде.

— Нити или ножницы, девочка?

Она знала, какой ответ будет правильным, осталось лишь набраться смелости, чтобы его дать. Достаточно ли у нее мужества?

Пройдя сто дорог, разве нет?

